

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**ТУРЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ**

Сборник статей

Москва
2012

СОДЕРЖАНИЕ

предисловие	4
С.Ф.Орешкова ИСЛАМИЗМ В ТУРЦИИ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ БЫЛОГО ИЛИ НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ?	7
П.В.Шлыков ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ТУРЦИИ 1990-х и 2000-х гг.	19
К.В.Вертяев КУРДСКАЯ АВТОНОМИЯ В СОСТАВЕ ТУРЦИИ: СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	47
Н.Ю.Ульченко СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ	63
Е.И.Уразова К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ТУРЕЦКОГО ОПЫТА РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПОСТСОВЕТСКИМ ТЮРКОЯЗЫЧНЫМ ГОСУДАРСТВАМ	79
Н.И.Черниченкина ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПСР КАК ФАКТОР ЕЕ УСПЕХА В КАЧЕСТВЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ.....	91
И.И.Иванова ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	105
А.В.Болдырев ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕРНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в.	127
Н.А.Замараева ПАКИСТАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	142
Г.И.Старченков ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ	157
А.Г.Гаджиев ТУРЦИЯ И ЕС: МЕСТО МУСУЛЬМАНСКОЙ СТРАНЫ В «ХРИСТИАНСКОМ КЛУБЕ»	168
Т.В.Спиридонова ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ ТУРЦИИ И ЕС: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ	186

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории современной Турции 2000-е гг. уже стали без преувеличения рубежным временем. Все эти годы страна переживает коренные перемены в сфере экономики, во внутривнутриполитической жизни и международных отношениях. Правительство Партии справедливости и развития (ПСР), проведя страну сквозь десятилетие масштабных реформ и добившись того, что Турция вошла в двадцатку ведущих экономик мира, ставит еще более амбициозные цели: вывести Турцию к 2023 г. – столетнему юбилею создания республики – по уровню социально-экономического развития в десятку крупнейших экономик мира. Каковы же механизмы реализации масштабных планов? В чем «секрет» ПСР как «доминантной партии», с каждыми новыми выборами лишь наращивающей свой электоральный потенциал? Каковы издержки ускоренного социально-экономического развития и модернизации государственно-политической системы?

Приход к власти Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана, победившей на парламентских выборах 2002 г., сразу вызвал дискуссию в среде экспертов и политиков о будущем турецкой демократии и вероятной смене политического ландшафта «новой Турции». Либерально настроенные политики и журналисты восприняли неожиданную победу «молодой» партии как начало новой эпохи в истории страны, главной чертой которой должны стать социально-политические реформы по модели христианских демократов в Германии и завершение затянувшегося конфликта между исламистами и «лаицистами». Другие всерьез надеялись, что ПСР под руководством энергичных политиков Реджепа Эрдогана и Абдуллаха Гюля, порвавших со «старыми» исламистскими партиями Неджметтина Эрбакана, поведет Турцию по пути дальнейшей модернизации с неминуемым крушением «закулисного государства» военной элиты (*derin devlet*) и гарантированным поступательным социально-экономическим и политическим развитием страны. Высказывались, конечно, и более осторожные оценки, предосте-

регавшие от скоропалительных прогнозов в отношении политики Реджепа Эрдогана и будущего Турции под властью «умеренных исламистов», но скептицизма в них тоже было мало.

Первые 9 лет правления ПСР отчетливо показали, насколько на самом деле противоречива и неоднозначна политическая стратегия и практика партии Реджепа Эрдогана. С одной стороны, откровенное стремление «подтянуть» Турцию до европейского уровня через экономические и административно-политические реформы в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в Европейский союз. С другой – сочетание относительного успеха экономических реформ и стабильного экономического роста с разворачиванием репрессий против политических оппонентов и увеличением числа «узников совести» и «государственных преступников» в 2008–2011 гг., очевидные отступления от принципов либеральной демократии, масштабы которых даже обеспокоили Еврокомиссию.

Настойчивое стремление ПСР ввести в повестку общественно-политической дискуссии такие традиционные проблемы из риторики исламистов как снятие запрета на ношение платка-тюрбана или же отмена специальных правил поступления в ВУЗы для выпускников религиозных школ имамов-хатибов. В этот ряд можно поставить и многочисленные примеры фаворитизма по отношению к исламистским кадрам (людям, связанным с тарикатами, выходцам из организаций, подобных движению Милли Гёрюш, последователям Фетхуллага Гюлена и т. д.), которые по всей стране планомерно заполняют различные административные посты (от глав муниципалитетов до директоров и руководителей образовательных учреждений).

При анализе трансформации внешне- и внутривнутриполитической жизни Турции на фоне очевидных изменений ценностных установок основной массы турецкого общества, на протяжении последних десяти лет поддерживающего происламских политиков закономерно возникает вопрос, не сходит ли Турция – систематически и последовательно – с пути «секулярного» социального и политического развития – всего, что с таким трудом внедрялось основателем Турецкой Республики – Мустафой Кемалем Ататюрком.

Почему на фоне роста уровня жизни, стабильного увеличения показателей душевого дохода (одного из главных достижений социально-экономического развития начиная с 1983 г.) турецкое общество становится все более консервативным? Что стоит

за тем, что почти 50% турецких избирателей отдают свои голоса за происламски ориентированную ПСР? В чем причина «консерватизации» общества – виной ли тому политика ПСР, выступающая катализатором подобных процессов, или же это результат многолетнего противостояния лаицизма и исламизма, которое привело к столь неожиданным и незапрограммированным последствиям? Какова цена ускоренного социально-экономического развития? Что на самом деле из себя представляет «новый путь», по которому Реджеп Эрдоган и его партия ведут Турцию? Вот лишь приблизительный перечень вопросов, на которые пытаются дать ответы авторы статей, вошедших в настоящий сборник. В основе всех включенных в сборник текстов – доклады, представленные на научной конференции «Ислам и гражданское общество: турецкий опыт (2002–2011)» в Институте востоковедения РАН 12 декабря 2011 г.

*П.В.Шлыков,
канд. ист. наук,
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИСЛАМИЗМ В ТУРЦИИ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ БЫЛОГО ИЛИ НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ?

В XIX в. в Османской империи активно проводились реформы европеизации. Они касались армии, государственного управления, образования. Успешно внедрялись достижения западной цивилизации. И это происходило в стране, где организация армии, системы управления и повседневная жизнь общества базировались на исламской религии.

На протяжении веков в Османской империи параллельно со светским имперским государственным аппаратом существовал четко структурированный религиозный аппарат, контролирующий все стороны жизни государства и общества. В его ведении находились не только религиозно-культовые обряды, воспитание верующих в религиозном духе, издание фетв, одобрявших или осуждавших действия властей, но и хорошо организованная судебная система. Мусульманские судьи – *кадии* – назначались во все подвластные Османскому государству земли. У них была своя иерархия, восходившая к *шейх-уль-исламу* и через него – к султану. Они не подчинялись местным властям и, как часто бывало в истории, порой вместе с местным населением апеллировали к центру, критикуя злоупотребления местной администрации. Это была вторая составляющая управленческой структуры империи, контролирующая общество и государство и при этом более близкая к народу, чем светская. *Кадии* устанавливали цены на рынках, проверяли правильность взимания налогов. Это входило в их постоянные обязанности наряду с чисто судебной, нотариальной и тому подобной деятельностью. Они обязаны были обо всем важном, происходившем на подвластной им территории, сообщать в центр, а частая их сменяемость со своих постов не позволяла сжиться с местной знатью и стать инструментом в ее руках. Именно регистрационные книги

кадиев – *кадийские сиджилы* – доносят до нас сведения о жизни османской глубинки и народном недовольстве.

Для немусульманского населения империи была создана своя система религиозных общин, отстранявшая их от государственного управления и какого-либо влияния на политику государства, но позволявшая жить по собственным правилам и обычаям, освященным их религией. Это обособление – автономия – конфессиональных общин (*миллетов*) также освящалась исламскими предписаниями, а религиозные главы *миллетов* выступали перед султанскими властями как ответственные за свою «паству» и защитники ее интересов.

Такая детально разработанная двойственная религиозно-светская структура власти и сильная армия позволили Османской империи стать вторым после Арабского халифата наиболее могущественным и долговечным исламским государством, просуществовать свыше 600 лет и включить в свой состав огромные территории – от Ирана и Западного Кавказа до Марокко, от Йемена до Вены и украинской Подолии.

Вместе с тем эта освященная исламом четкость и строгая подконтрольность всех сторон жизни государства и общества не могли не препятствовать дальнейшему его развитию и обновлению. Не случайно сразу после правления султана Сулеймана I (1520–1566), известного в Турции как Кануни – Законодатель, а в Европе – Сулейман Великолепный, в османском обществе заговорили о внутреннем кризисе. «Золотой век» Сулеймана окончательно сформировал османскую государственную структуру, оформил ее фетвами шейх-уль-исламов Ибн Кемаля и Эбуссуда-эфенди, но жизнь требовала развития и приобщения к тем модернизационным процессам, которые назревали во всем тогдашнем мире. XVII–XVIII вв. стали для империи периодом отступления, ностальгии по былому величию, временем постепенно нараставших внутренних трудностей, а позже – военных поражений и территориальных потерь.

В стране происходили изменения, вводились усовершенствования. На этом пути были и победы, например, преобразования везиров Кёпрюлю и Рами Мехмед-паши. В исторической литературе их называют обычно «традиционными реформами»¹, не затрагивающими основ имперской структуры и не революционизирующими общество. Военные поражения конца XVIII в. показали жизненную необходимость более радикальных преобразований. Реформы Селима III (1789–1807), Махмуда II (1808–1839)

и, наконец, Танзимат Решид-паши (1800–1858)² придали преобразованиям необходимое ускорение. Их связывают обычно с понятиями вестернизации, европеизации, европейских заимствований. Все это, разумеется, было. Были и посольства в Европу, и *ляиха* (докладные записки) об организации армии, государственном устройстве, промышленном развитии, культуре и бытовых особенностях европейских стран. Привлекались европейские инструкторы и советники, переводились книги и создавались учебные заведения по европейскому образцу. Главным, однако, был не только европейский опыт, а то, что страна созрела для таких преобразований. Из-под власти исламской религии постепенно начали уходить армия, государственный аппарат, система образования.

Это не могло происходить безболезненно. Государственные перевороты XVIII в., расправа с Селимом III и Мустафа-пашой Байрактаром (1755–1808), восстания софт и министерская чехарда первого периода Танзимата (шесть отставок Решид-паши с поста великого везира) – все это плата за преобразования, в необходимости которых османское общество постепенно все более и более убеждалось.

Известно, что после Крымской войны (1853–1856 гг.) реформаторская деятельность в стране активизировалась. Реформы осуществлялись под международным контролем, приобретали более радикальный характер, затрагивали всё новые сферы. Общество в своем развитии не успевало за этими преобразованиями. Рушились основы былой исламской цивилизации. Конечно, существовавшие в империи рамки исламской дозволенности, идеологический контроль, направленный на сохранение былых достижений, мешали развитию. Даже в религиозной среде начинали осознавать необходимость перемен. Отбросить же ислам как государственноорганизующий фактор, одну из опор имперской структуры общество было не готово. Более того, проводимые под европейским нажимом преобразования 1850–70-х годов воспринимались как антиисламские (допуск немусульман к государственной и военной службе, равное налогообложение, общие суды, допуск представителей религиозных общин в Высший совет юстиции и т.п.).

В стране нарушалось привычное социальное равновесие, усиливались этнорелигиозные противоречия. Опасность такого положения хорошо осознавал один из первых российских туркологов А.К. Казем-бек, писавший в 1865 г.: «Турция много и

очень много позаимствовала было у Запада и усвоила, хотя еще не вполне сознательно, но, к несчастью, нынешняя политика оттолкнула ее назад еще на 50 лет». Сам мусульманин по происхождению Казем-бек предупреждал своих российских читателей об ином менталитете и особенностях в путях развития исламских народов. Насадить среди них «свою» (иную, европейскую) цивилизацию и просвещение нельзя. «Преобразователи страны должны родиться в самой стране». И при этом он подчеркивал, что «ислам не может быть преградой цивилизации», не он противоборствует просвещению, а «фанатизм духовной касты, невежество, которое везде заглушает зародыш цивилизации». А.К. Казем-бек видел, что новые реформы помогают лишь «умирающему давно оттоманскому правительству, благодаря попечению... европейских держав ныне опять оживающему»³.

Действительно, преобразования второй половины XIX в. превратили реформы из естественных и эволюционных для развития страны в некий слом, смену пути развития, обрекли государство на утрату определенных достижений, обретенных им на исламском пути развития. Возможности же этого пути были далеко не исчерпаны, а главное – сохранялись и даже усиливались народные надежды, с ним связанные. Удержать власть верхушка османского общества могла лишь благодаря террору, «зулюма», как стали называть режим, установленный султаном Абдулхамидом III (1876–1909). Младотурецкая революция 1908 г. и попытка государственного переворота 1909 г., когда в стране впервые так активно выступила религиозная реакция⁴, показали глубину социального раскола в османском обществе, но страна устояла и продолжала идти по пути усвоения достижений мирового прогресса, мало оглядываясь на былые исламские достижения в социальном строительстве человеческого сообщества.

Окружение Абдулхамида II, компрадорские круги и младотурки были уже новым поколением, далеким от исламского традиционализма, хотя и не отказавшимся от использования ислама в политических целях. Провозглашенный тогда панисламизм не стал каким-либо миссионерством или культурным возрождением, как то задумывала российская мусульманская интеллигенция. Для османских государственных деятелей он выродился в сугубо политический экспансионистский лозунг (как и пантюркизм), отвлекающий от внутренних проблем страны.

В период национально-освободительного движения, начавшегося после Первой мировой войны, страна отстаивала право на сохранение собственной государственности и привыкла тогда обходиться без султана-халифа, находившегося в «плёну у неверных» и, более того, издававшего фетвы с осуждением борьбы за возрождение собственной Родины. В этих условиях был неизбежен раскол и среди мусульманских религиозных деятелей, часть которых действовала в союзе с кемалистами.

Победа национально-освободительного движения привела к тому, что страна смогла относительно безболезненно отказаться от халифата и даже исключить из конституции такой фундаментальный принцип, что «Религия турецкого государства – ислам». Началось строительство светского государства, не использующего религию в политических целях. Суды, просвещение, вакуфная система были изъяты из рук улемов. Изменился даже внешний облик турка-мусульманина (одежда, головные уборы). Отказались от арабского алфавита, началась реформа языка. О Турции заговорили как о «стране уходящего ислама»⁵.

Между тем ислам продолжал существовать, и отношение к нему порождало глубокий раскол в турецком обществе. Это хорошо показал турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Орхан Памук в своей книге «Биография Стамбула»: «Во времена этатизма, сопровождавшего создание светской республики по плану Ататюрка, отдаление от религии демонстрировало стремление быть современным и европеизированным, в этом был отблеск своего рода идеализма, которым можно было гордиться». В душе же и семейной жизни место религии оказывалось пустым. Более того, констатирует Памук, религию, т.е. «голос Аллаха, обращающегося к миру и нашей совести через священные книги и пророков», мы низвели к поверьям и запретам, к набору неких правил, «которым низшие классы следуют просто в силу тягот своей жизни». Религия воспринималась лишь как то, чем живут прислуга, повара, швейцары, владельцы мелких лавочек. Она – удел несчастных бедняков и помогает людям, попавшим в беду. «Секуляризованной турецкой буржуазии», к которой относил себя и сам Памук, «слишком религиозные люди внушали беспокойство и даже страх».

«Пока прочная связь между бедными и Аллахом выражалась лишь в надежде на Его помощь, она не очень тревожила

меня и моих родных. Можно даже сказать, что мысль о том, что они надеются на кого-то другого, а не на нас, что кто-то другой должен помочь им «тащить их тяжкую ношу», приносила нам облегчение; однако порой нас начинало беспокоить подозрение, что однажды может прийти день, когда эти непохожие на нас люди смогут использовать Его силу против нас».

И ещё, он же: «...Когда в Турции произошла некоторая демократизация, в Стамбул стали перебираться и «показывать себя в обществе» богачи из провинции, нисколько не затронутые ни секуляризацией, ни влиянием западной культуры и бывшие при этом побогаче нас». Их «духовный горизонт не шире, чем у шоферов и поваров? (В те времена я еще ничего не знал ни о Джемалевине Руми, ни о тонкостях суфийской философии, ни о великой персидской культуре). Европеизированные стамбульские буржуа все последние сорок лет поддерживали военные перевороты и вмешательство армии в политику не потому, что боялись левых радикалов (в Турции никогда не было достаточно сильного левого движения), а именно из-за страха перед тем, что однажды низшие классы могут объединиться с богачами из провинции и под знаменем религии выступить против их образа жизни»⁶.

В кемалистский период, как утверждает турецкий историк Али Фуат Башгиль, «вместо зависимого от религии государства была создана зависимая от государства религия»⁷. Однако так ли это? И какие успехи были на этом пути у кемалистов? Они сокрушили религиозно-политическую структуру, действовавшую в османское время, то есть кадийскую систему, структуру образования, ограничили обрядово-молитвенные возможности населения, ликвидировали экономическую базу, контролируруемую ранее духовенством. По сути дела удар был нанесен по внешнему антуражу и возможностям влияния исламских религиозных деятелей на государственное управление и политику. Внедрение новых идей и разрыв с религией в сознании рядовых верующих оказались не столь успешными. Попытка воспитать религиозных деятелей, близких к кемалистским идеалам, через школы имамов-хатибов провалилась. Популярные в начальный кемалистский период народные дома, сельские институты и другие низовые просветительные учреждения постепенно утрачивали свое влияние. Даже наиболее дальновидные представители по-европейски образованной интеллигенции со временем начинают видеть то негативное влияние, которое нес

с собой фактически произошедший разрыв государства с религией. Как свидетельствовал уже в 1928 г. близкий кемалистам историк Мехмед Фуад Кёпрюлю, в Турции, расширяя в городах улицы, разрушают памятники архитектуры, бросают на произвол судьбы библиотеки с бесценными национальными историческими документами, воспитывают в таком вредоносном духе детей и молодежь. Все это делается под лозунгом «прогресса», и никто не решается критиковать из опасения получить обвинение в реакционности⁸.

Главный удар был нанесен «высокому исламу», приобщенному к выполнению политических функций, и высшему религиозному образованию, которое на 20 лет (1930–1950) было полностью ликвидировано. Но ислам внутренне не един, и это при общем единстве перед лицом посторонних. Есть шиизм и суннизм – течения, враждебно настроенные друг к другу. Есть различные правовые школы – *мазхабы*, различающиеся своими представлениями об организации общества, но сотрудничающие между собой. И главное, имеются различные *тарикаты*, мистические братства.

Ислам – очень мистическая религия, но ее мистицизм имеет свои особенности. Упрощая и несколько огрубляя само понятие, мистицизм можно определить как форму непосредственного общения человека с божеством. Если в религиях индуистского корня и некоторых иных предполагаются личностные божественные связи, а потому и в обществах сильны индивидуализм, личностное одиночество, то в религиях авраамистического корня – иудаизме, христианстве и исламе присутствует некое коллективное начало. Вспомним христианское «миром Господу помолимся» и роль церкви как посредника в сношении с Богом. В исламе тоже присутствует нечто подобное – коллективные моления, *имамы* как предстоятели при молитве, ощущение себя принадлежащим к некому мусульманскому сообществу, *умме*, и стремление вовлечь в него новых членов, причем не просто миссионерством, а войной за расширение *дар уль-ислам* (страны ислама).

Путь к Богу может быть разным (слово «*тарика*» и есть путь, т.е. путь к Богу). Каждый *тарикат* предлагает свой путь, облегчающий приобщение к Богу и служение ему. В них присутствуют и бдение крутящихся дервишей, и различные *зикры*, и высокая философия суфизма. У нас иногда *тарикаты* называют сектами, орденами. Термин секта здесь совсем неуме-

стен. *Тарикаты* не обособляют своих приверженцев от других мусульман, а являются неотъемлемой частью мусульманского сообщества. Ордена, по аналогии с католическими орденами, понятие более близкое, но в *тарикатах* нет монашеского отстранения от жизни, они ближе между собой. В Турции в настоящее время некоторые авторы в отношении этих объединений используют термин *джамаат* – общество, объединение. Этот термин исторически применяли к племенам, а также к некоторым воинским подразделениям. Представляется, что своей нейтральностью он отвлекает от сути – а именно, не просто объединение, а совместное приобщение к Богу.

Анатолия издавна, еще с XII-XIII вв. становится прибежищем многих представителей религиозно-мистических течений из Мавераннахра, Хорезма, Хорасама, Ирана и Азербайджана, Египта, Сирии, Ирака. Они были выходцами из различных социальных и культурных кругов. Многие из них именно в Анатолии разрабатывали свои суфийские доктрины, приобретали учеников и основывали свои *тарикаты*, новые или ответвления тех, что возникли ранее в других странах ислама⁹.

Считается, что именно *тарикаты* играли первостепенную роль в исламизации и отуречивании Анатолии, а также в легитимизации власти первых османских беев.

Ахмед Яшар Оджак, автор главы о религии в фундаментальном исследовании «История османского государства, общества и цивилизации», изданном в Турции Исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) в 1998 г. и в 2006 г. переведенном на русский язык, отмечает, что «История религии Османской империи, являющаяся до сих пор объектом традиционного исследования, пока не заняла достойного места в целостной истории Османского государства». Имеются отдельные монографии по истории *тарикатов*, но там не исследуются их связи и взаимоотношения, а лишь рассказывается о каждом из суфийских братств (*бекташи*, *мевлеви*, *хальвети* и т.д.). Особенно профессор Оджак подчеркивает, что эти «философские направления» «никогда не рассматривались как часть социальной истории Османской империи»¹⁰. Действительно, именно в этом вопросе предоставляется огромное, трудное и принципиально важное поле деятельности для будущих исследователей.

Пока же А.Я. Оджак констатирует, что в процессе образования государства выявилась разница в восприятии ислама

разными слоями османского общества (именно в восприятии, а не в понимании религии как таковой). Прежде всего он выделяет политизированный ислам, официальный, ислам медресе (или высокий ислам, ислам Книги). Носителем его было сословие *улемов*, получавшее образование в медресе. Он утверждался в Османской империи постепенно, на протяжении длительного периода – вплоть до XVI в. Этот ислам не был чужд мистицизму, но его представителей именовали *улема-и захир* (улемы экзотерического [явного] знания) в отличие от истинных суфиев – *улема-и батын* (улемы эзотерического [тайного] знания). Не касаясь этих идейно-философских вопросов, лишь, вслед за Оджаком, отметим, что помимо официального ислама в Османской империи на протяжении всей ее истории сохранялись многочисленные религиозные братства – *тарикаты* и их обители (*текке*), связанные с различными социально-экономическими и культурными кругами. Этот мистический ислам или «ислам обители», как о нем пишет профессор Оджак, также имел поддержку государства и свои *вакфы*. Но в отличие от официального ислама он был более связан не с управляющими, а с управляемыми слоями населения. Именно он во многом определял образ жизни народа и оказал большое влияние на культурную жизнь османского общества. Наиболее известные *тарикаты* были тесно связаны с центральной властью, но никогда не превращались в политическую идеологию (как это произошло в Иране у Сефевидов). Многие знатные люди Османской империи считали себя *юрисдами* тех или иных шейхов, возглавлявших отдельные *тарикаты*. Даже султаны заявляли о своей близости к суфийским корням. Это придавало ореол святости, особое уважение, и считалось, что делало их людьми более широких взглядов¹¹. Профессор Бахаеддин Йедийылдыз утверждает, что почти все османцы имели отношение к тем или иным суфийским орденам, которые доносили до своих адептов учения великих исламских мистиков. При этом имелись *тарикаты* и с более упрощенной философией, умевшие втянуть в свои ряды низы общества, оказывать влияние на повседневную жизнь рядовых приверженцев, своей мистикой увлекать самые неразвитые слои общества¹².

В период кемалистских преобразований *тарикаты*, как и все иные религиозные подразделения лишились своего имущества и государственной поддержки. В 1925 г. они были полностью запрещены. В 1934 и 1949 гг. были дополнительно

ужесточены наказания за совершение обрядов тарикатов, ношение определенной религиозной одежды, употребление названий шейх, *дервиш*, *мюрид* и т.п. Мустафа Кемаль, как известно, заявлял, что новая Турция не может быть страной *тарикатов*, у нее один *тарикат* – путь цивилизации (*тарикат-ы меденийе*)¹³.

Тем не менее деятельность суфийских братств не прекращалась. Их тайные собрания переместились в частные дома, где происходило и соответствующее религиозное обучение молодежи. Если мы посмотрим биографии современных не только исламистских, но и просто правых государственных деятелей, то увидим, что многие из них прошли такое обучение.

Возрождение *тарикатов* в настоящее время провозглашается как строительство неких ячеек исламского гражданского общества¹⁴. Очевидно, такое возрождение необходимо не только в связи с требованием Евросоюза, выступающего за свободу совести, но и для нормального развития турецкого общества. Однако в нем таится определенная опасность, и не только для светского государства, но и тех лидеров исламского толка, которые находятся сейчас у власти. Они не имеют ни рычагов воздействия, ни того авторитета, которые имел в империи Высокий ислам, а во многих братствах за период подпольного существования высокая философия порой переросла в некую политизированную идеологию, а то и экстремизм.

В настоящее время страна находится на распутье. Бесспорно, выросло влияние исламистских кругов, т.е. тех политических сил, которые в своем видении будущего страны исходят из учета исламского фактора и исламской специфики развития общества. Наметилась конфронтация этих сил с приверженцами кемализма, которые пока преобладают в среде светской и особенно военной интеллигенции. Однако настроения меняются. Когда-то по поводу исламской революции в Иране в этих кругах шутили: «В Турции такого быть не может. Для нас это детская болезнь. Мы ею уже переболели. Сейчас таких настроений нет». Похожая реакция была и на возрождение происламских настроений на постсоветском пространстве. Говорили: «Теперь фундаментализм идет от Вас (т.е. из бывшего СССР) к нам, а не наоборот». Эти настроения также развеялись.

Нынешнее исламское возрождение, несмотря на бесспорное влияние процессов, идущих во всем мусульманском мире, –

это внутритурецкое идеологическое явление. Знаменательно, что в Афганистане и ряде других стран ислам использовался как союзник США в борьбе с «коммунистической заразой»¹⁵. В Турции положение было иным. В период холодной войны и существовавшего тогда запрета на использование ислама в политических целях ряд исламистских деятелей высказывал призывы к совместной борьбе за отмену запретов на коммунистическую деятельность и пропаганду ислама. Некоторые исламистские деятели и *тарикаты* (особенно алавитские) уже тогда были более близки не к прозападным кругам, а к левым партиям и движениям. Последние же принимали исламистские представления о социальной справедливости, взаимопомощи, собственных (антизападных) моральных ценностях, коллективистской спайке и противостоянии чужакам. Так исламизм в Турции возрождался снизу, питал антиправительственные настроения социально обездоленных низов. Создавалась электоральная база для возникших в последние годы исламистских партий. Левое же движение сошло почти на нет.

Современные лидеры так называемых умеренных исламистов в Турции – это, как правило, люди, прекрасно ориентирующиеся в международной политике и экономике. У них нет видимых конфликтов с западными странами, они благосклонно принимают членство Турции в НАТО и стремятся в Евросоюз. Более того, как отмечают исследователи, «исламисты перехватили лидерство в осуществлении реформ прозападного толка». Кемалисты же «по многим позициям превратились в реакционеров», стремясь сохранить былые ценности. Длжащееся десятилетиями кандидатство в ЕС (ассоциированное членство) с обидой воспринимается и турецким обществом, и его лидерами. К Турции предъявляются все новые и новые требования гуманитарного и общедемократического характера. Многие из них стране трудно выполнить, учитывая социальные и моральные представления мусульманского населения.

Легализация традиционных исламских институтов – *тарикатов*, особенно *вакфов*¹⁶, и попытки использовать их как элементы гражданского общества таят в себе опасность с двух сторон. С одной стороны, попытки законодательно сделать их более близкими европейским благотворительным и общественным организациям могут привести к утрате их социальной привлекательности для мусульманского населе-

ния. С другой, – они могут превратиться в опору наиболее реакционных кругов исламского сообщества и легально влиять на политику страны.

Современный турецкий исламизм и проповедуемый им религиозный национализм (так называемая теория «тюрко-исламского синтеза») – это, разумеется, новое явление в истории Турции. Возможно, оно возникло благодаря живучести традиций османского прошлого. Османский опыт предостерегает от излишнего следования европейской практике. Сумеют ли современные турецкие умеренные исламисты удержать этот средний путь развития, покажет время.

¹ См. *Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. I, Cambridge, 1977.*

² См. *Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.-Л. 1947; Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.*

³ *Казем-бек М. Избранные произведения. Баку, 1986, с. 66–67.*

⁴ *Киреев Н.Г. Антиконституционный мятеж 13 марта (13 апреля) 1909 г. и деятельность партии «Мусульманская Лига» // Османский мир и османистика. М., 2010, с. 423–443.*

⁵ *Сейфулина Л. В стране уходящего ислама. М., 1938.*

⁶ *Памук О. Биография Стамбула. СПб. 2009, с. 233–242.*

⁷ Цит. по: *Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011, с. 128.*

⁸ Там же.

⁹ См.: *История османского государства, общества и цивилизации. Т. 2. М., 2006, с. 136–171.*

¹⁰ Там же, с. 128.

¹¹ Там же, с. 128–132, 137–140.

¹² *Йедийалдыз Б. Османское общество // Там же. Т. 1, с 389.*

¹³ *Atatürk M.K. Nutuk. İstanbul, 1975, с. 655. Подробнее об этом см.: Шлыков П.В. Вакфы в Турции, с. 105–109.*

¹⁴ См.: *Киреев Н.Г. История Турции. М., 2007, с. 359–366.*

¹⁵ *Павлов О.Б. Партнерство цивилизаций или партнерство во имя цивилизации? // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. Сб. статей. М., 2011, с. 149.*

¹⁶ *Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011, с. 128.*

**ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ
В ТУРЦИИ 1990-х и 2000-х гг.**

Среди различных вопросов общественного развития Турции, прочно вошедших с середины 1990-х гг. в повестку дня социологических и политологических исследований¹, важное место занимает проблема развития гражданского общества – как в качественном, так и количественно-статистическом плане, его места в политическом процессе и потенциальной роли в модернизации социально-политических структур. Дискуссия, развернувшаяся вокруг гражданского общества и его институтов в Турции, фокусировалась на важном практическом вопросе: возможности гражданского общества выступать локомотивом или, наоборот, тормозом демократизации². Однако в ходе научных споров нередко из виду упускалась проблема трансформации гражданского общества в Турции под воздействием начавшейся масштабной подготовки страны к вступлению в ЕС – то, как менялось понимание концепта гражданского общества в Турции и в качестве отвлеченной теоретической идеи-модели, и как политической практики – инфраструктуры для реализации гражданских инициатив. Между тем появление «фактора ЕС» не только способствовало росту «удельного веса» гражданского общества и его влияния на политическую жизнь, но и вызвало серьезные изменения самой природы гражданской активности в Турции – ее «профессионализацию». В чем суть этого процесса? Является ли он естественным этапом в развитии гражданского общества или в этом проявляются негативные последствия воздействия внешних факторов, грозящие разрушить хрупкую систему гражданской активности в Турции?

Усиление гражданского общества в Турции периода «Третьей республики»

С конца 1980-х гг. вслед за коллапсом коммунистических режимов в Восточной Европе социологи и политологи все чаще стали говорить о возрождении категории гражданского общества, понимая под этим, как правило, усиливающуюся нацеленность гражданских инициатив, ассоциаций и движений на защиту и расширение многообразно понимаемой социетальной сферы, формы и проекты которой явно отмежевываются от государства³. Многие политики и ученые стали представлять «сильное и процветающее» гражданское общество как важную преграду на пути авторитаризма и одно из главных условий расширения гражданской и политической активности населения⁴. Подобные взгляды получили настолько широкое распространение, что сегодня поддержка «правильных» неправительственных организаций (НПО) стала неотъемлемой частью внешних правительственных программ ряда западноевропейских стран по поддержке демократии и демократических инициатив в мире⁵.

Повсеместное увлечение концептом гражданского общества и повышенное внимание к нему со стороны как политиков, так и ученых, не прошло незамеченным в Турции. Отчасти этому способствовало то, что в тот же самый период страна активно сотрудничала с крупными западными международными политическими и финансовыми организациями – Всемирным банком, Международным валютным фондом, ОЭСР и т. п. Так или иначе, в стране появилось большое число общественных организаций преимущественно в форме НПО, и одновременно наблюдался рост исследовательского интереса к гражданскому обществу, поиску его места в политической культуре страны⁶. Действительно, как показало масштабное исследование гражданского общества в Турции, проведенное «Вакфом "третьего сектора"» (ТЮСЕВ), с середины 1980-х гг. динамика появления новых общественных организаций резко пошла вверх, ощутимо расширилась сфера деятельности турецких НПО⁷. Более того, стали переосмысливаться роль и значение гражданского общества, в нем увидели катализатор общественных трансформаций.

Есть еще одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание: «возрождение» гражданского общества в Центральной и Восточной Европе, где оно превратилось в одно из главных средств борьбы с авторитаризмом, хронологически совпало с попытками различных общественных сил в Турции вернуть себе возможность участвовать в политической жизни, фактически сведенной на нет после военного переворота 1980 г. Последнее обстоятельство стало дополнительным фактором повышенного внимания и интереса к категории гражданского общества в Турции, представлявшегося удобным инструментом сдерживания политической активности военных и ограничения государственного авторитаризма⁸. Конечно, в 1980-е и 1990-е гг. институты гражданского общества не были избавлены от жесткого государственного контроля. Однако по сравнению с политическими партиями, напрямую ассоциировавшимися с политическим кризисом конца 1970-х гг., ассоциации-дернеки⁹ и вакфы – главные институциональные субъекты гражданского общества в стране – были заметно меньше дискредитированы в глазах общественности и власти. Поэтому подобные организации в целом никогда открыто не запрещались (примеры репрессий в отношении отдельных вакфов и дернеков не в счет), хотя и находились под строгим надзором органов местной власти, стремящейся не допустить чрезмерного вмешательства гражданского общества в политическую жизнь¹⁰.

«Новая страница» в истории гражданского общества¹¹ в Турции с середины 1980-х гг. понимается прежде всего как зарождение нового типа субъектов общественно-политической жизни и формирование автономного по отношению к авторитарному государству поля политической деятельности¹². Эти процессы были тесно связаны и во многом детерминированы возросшей включенностью Турции в мировую политику и экономику (интенсивным развитием отношений Анкары с МВФ и Всемирным банком, масштабной реструктуризацией экономики и переориентацией ее на экспорт, антикризисными экономическими программами 1990-х гг. и т. д.).

Социально-экономические реформы конца 1980-х – начала 1990-х годов привлекали внимание и к проблеме «надлежащего управления». И МВФ, и Всемирный банк активно давали Анкаре не только рекомендации экономического характера, но достаточно много внимания уделяли «политической этике» – вопросам реализации политической власти в стране, постоян-

но указывая на необходимость повышения транспарентности режима и укрепления демократических институтов¹³.

ООН также сыграла свою роль в усилении гражданского общества в Турции, придании его институтам статуса полноправных субъектов общественно-политической жизни. Это довольно рельефно проявилось во время известной конференции по проблемам среды обитания (*Habitat II*) в 1996 г. Многие турецкие общественные организации, приняв участие в этом форуме, переосмыслили роль и место НПО в современном государстве, стали осознавать себя как важных субъектов общественной жизни. Кроме того, сама по себе ооновская конференция предложила эффективный механизм мобилизации атомизированных общественных организаций, которые через участие в подобных мероприятиях могли ощутить себя частью широкого поля гражданской активности¹⁴. Убедительный пример повышения влияния НПО посредством использования структур ООН – деятельность турецких организаций по защите прав женщин и окружающей среды. В начале 2000-х гг. ряд подобных организаций принял участие в подготовке независимого доклада для Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (*CEDAW*)¹⁵. Масштабный проект, призванный скорректировать официальные данные турецкого правительства по проблеме соблюдения прав человека, не только сблизил различные феминистские НПО (в рабочую группу только официально вошли 27 организаций), но и дал им возможность почувствовать свое влияние на внутривластные проблемы страны, поскольку выводы доклада были обнародованы на саммите ООН в Нью-Йорке в 2005 г. В 2002 г. сопоставимый проект осуществили турецкие НПО, работающие в сфере защиты окружающей среды. Их доклад о текущих экологических проблемах страны и мерах по их решению был представлен на всемирном саммите ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г. и так же, как и в случае с феминистскими организациями, показал, что многие турецкие НПО созрели для роли важных акторов общественно-политической жизни страны¹⁶.

В 2000-е гг. еще более мощным импульсом для трансформации общественных отношений стал активный курс правительства Партии справедливости и развития (ПСР) на вступление Турции в Евросоюз, означавший создание благоприятных нормативно-правовых условий для развития в стране сферы гражданского общества и повышения роли его институтов

в общественно-политической жизни и демократизации¹⁷. Это соответствовало ценностным установкам ЕС, открыто заявлявшим о поддержке гражданских инициатив в Турции и местных «организаций гражданского общества» как главных проводников социально-политических трансформаций, через которые Турции предстояло пройти на пути в Евросоюз, и важного инструмента укрепления принципов «демократии участия». В НПО также видели удобных контрагентов в осуществлении различных международных программ. «Включение неправительственных организаций в программы ЕС по поддержанию демократии и защите прав человека – это прямое указание на наличие у каждого гражданина неотъемлемого права на самостоятельную гражданскую инициативу», – говорилось в официальном коммюнике делегации Евросоюза, посетившей Турцию, и при этом подчеркивалось, что ЕС стоит на принципах универсальности и неделимости прав человека – будь то гражданские права, политические, экономические, социальные или культурные... НПО обладают большим потенциалом как для выдвижения «демократических инициатив», так и для их реализации... Они могут серьезно скорректировать традиционный для Турции «государство-центричный» подход «в проведении реформ и продвижении культуры гражданских прав и свобод»¹⁸.

Для ЕС использование местных общественных организаций представлялось важным шагом в направлении «повышения уровня гражданственности»¹⁹, которая должна стать залогом поступательного развития демократии. В схожем режиме призвана была работать и ооновская «Программа-21» (Программа XXI в.), поддерживающая различные формы гражданской активности на местном уровне и нацеленная на привлечение гражданского общества к участию в процессе принятия политических решений.

Европейская концепция международной донорской политики рассматривала гражданских активистов в качестве главных агентов социальных трансформаций, предполагала их вовлечение в специальные программы и проверку на способность выступать в роли генераторов перемен. В случае Турции это означало разработку разнообразных программ по вовлечению НПО и других аналогичных структур в новые формы деятельности (как теоретического – семинары и конференции, так и практического характера – построение вертикальных и горизонтальных связей между НПО и активистами, совместная

разработка проектов) с целью «повышения потенциала гражданского общества».

Первая широкомасштабная программа ЕС, направленная на поддержку гражданского общества в Турции в 1996–1999 г., имела бюджет 8 млн. евро. В 2006 г. размер бюджета одной из аналогичных программ – «Укрепление гражданского общества в период подготовки к вступлению в ЕС» – составил уже 10,5 млн. евро²⁰.

Политика ЕС и ее воздействие на гражданское общество в Турции

С конца 1990-х гг. среди внешних факторов, оказывающих воздействие на общественно-политическое развитие Турции, одним из главных можно считать Европейский союз. В контексте развития гражданского общества влияние ЕС и его программ особенно ощутимо. Упорно отстаивая свое право на полноправное членство в ЕС, Турция де-факто связала себя с ценностями Евросоюза, либерально-демократическими по своей сути, и приняла на себя обязательства сделать их ключевыми критериями национальной политики. Поэтому одна из основных задач масштабных преобразований, проводимых в рамках подготовки страны к вступлению в Евросоюз, состоит в укреплении институциональных основ демократии и расширении гражданских свобод. В совокупности требований, предъявляемых к стране, претендующей на членство в ЕС, – т. н. «Копенгагенских критериях» – положение демократических институтов, ситуация с правами человека и защита прав национальных и религиозных меньшинств являются ключевыми в решении вопроса о готовности страны войти в новый «европейский концерт».

За пять лет активной фазы подготовки страны к открытию переговоров о полноправном членстве в ЕС²¹, выпавших на 1999–2004 г., Турция приняла девять пакетов поправок к действующей Конституции 1982 г. и осуществила еще ряд административно-правовых реформ, преимущественно направленных как раз на расширение рамок демократии²².

Принципы либеральной демократии и их защита – таковы главные официальные мотивы вмешательства ЕС в дела развития гражданского общества в Турции. В своих внешнеполитических программах и требованиях ЕС традиционно руково-

дствуется либерально-демократическими ценностями и соответствующей логикой, в рамках которой гражданское общество функционирует как защита от «избыточного присутствия» государства в общественных отношениях и как инструмент, позволяющий индивидам использовать свое «право голоса» – в широком смысле этого слова – не только в период выборов и избирательных кампаний. Это предполагает инструментальный подход к гражданскому обществу и его институтам, в рамках которого НПО предстают неким механизмом осуществления социальных проектов, не всегда в полной мере соответствующих социально-политическим реалиям.

Демократия и права человека – одни из фундаментальных принципов, на базе которых создавался и функционирует Европейский Союз, и, что важнее, они по-прежнему остаются важными референсными точками, в том числе, и в процессе расширения границ ЕС²³. В этом контексте внешнее финансирование гражданского общества, в частности НПО, со стороны ЕС объясняется необходимостью оказывать содействие и защищать ценности свободы, демократии и прав человека.

В этом смысле внешнеполитическая стратегия ЕС – отражение конкретных мировоззренческих установок и стереотипов, расширение географии которых де-факто стало частью программы развития Евросоюза²⁴. Ради осуществления этой цели в странах-реципиентах подбираются определенные НПО, идеология и уставные цели которых соотносятся с интенциями ЕС. Подобные неправительственные организации в гораздо большей степени готовы стать каналом реализации и распространения близкой нормам ЕС модели гражданского общества и общественных отношений.

Сотрудничество с ЕС и, соответственно, финансовую поддержку с его стороны могут получить лишь НПО, действующие по принципам, близким ЕС, и способные легко адаптироваться к механизмам работы европейской бюрократии. Усиливая и финансируя те сегменты гражданского общества, которые готовы принимать его правила игры, ЕС стремится постепенно изменить облик и характер гражданского общества той или иной страны и его институтов (наиболее явное проявление этого – выбор соответствующих партнеров из числа местных НПО)²⁵.

С конца 2004 г., когда была названа точная дата начала переговоров о вступлении Турции в ЕС, Евросоюз пересмотрел схему финансирования турецких НПО с тем, чтобы она в боль-

шей степени отвечала текущему моменту и способствовала положительной динамике переговоров Брюсселя и Анкары. Акцент сместился с поддержки организаций, работающих в сфере защиты прав человека, на инициативы, напрямую способствующие ускорению процесса вступления Турции в ЕС.

С этой целью была выдвинута программа «гражданского диалога», идея которого впервые была предложена в октябре 2004 г. Еврокомиссией и одобрена Европейским советом в декабре 2004 г. Уже в июне 2005 г. Еврокомиссия опубликовала официальное сообщение под названием «Диалог гражданского общества между ЕС и странами-кандидатами», в котором подробно объяснялась суть новой политики Евросоюза в сфере гражданских инициатив в неевропейских странах. Этот документ строился на оценке опыта предыдущих кампаний по расширению географии ЕС и был составлен, очевидно, с учетом всей специфики нового формата переговорного процесса с такими странами, как Турция.

Появление программы «гражданского диалога» стало отражением важных перемен в стратегии Евросоюза, которая теперь фокусировалась на центральной роли НПО и гражданского общества в процессе подготовки той или иной страны к вступлению в ЕС. В подтверждение этого в опубликованном Еврокомиссией документе фигурировала внушительная цифра финансовой поддержки гражданских инициатив, которая должна составлять не менее 8–10% от всей программы финансовой поддержки вступления страны в ЕС. В том же документе открыто говорилось, что «любое расширение ЕС в будущем должно поддерживаться и опираться на диалог и широкомасштабное сотрудничество... это будет способствовать преодолению информационного отчуждения, достижению взаимопонимания и сближению представителей разных культурных традиций, политических и экономических систем... Тем самым будет формироваться адекватное представление о всех позитивных следствиях будущего членства страны в ЕС, равно как и об издержках этого проекта... и гражданское общество должно играть ключевую роль в налаживании и осуществлении подобного диалога»²⁶.

Было бы неправильно видеть в появлении программы «гражданского диалога» стремление переписать всю стратегию с чистого листа. Если анализировать программу сквозь призму «старое/новое», то к категории «нового» можно отнести как раз

ключевую роль гражданского общества как инструмента «прямого воздействия» на подготовку страны к членству в ЕС. Цель гражданского диалога – доказать, что турецкое общество и население стран Евросоюза имеют более-менее верное, а не искаженное представление друг о друге, что поможет минимизировать риски и сгладить процесс вступления страны в ЕС. Чем больше времени обе стороны готовы провести в налаживании диалога, тем больше культурно-идеологических расхождений может быть преодолено или сглажено на «подготовительном этапе». НПО рассматриваются в данном случае как ключевые проводники и модераторы «гражданского диалога», на которых возложена задача облегчить процесс вступления через налаживание многоаспектной коммуникации между Брюсселем и Анкарой. В этом как раз и состояла одна из важных текущих целей переговорного процесса, в достижении которой НПО отводилась ведущая роль.

Однако опрометчиво полагать, что демократизация и права человека для ЕС и его внешнеполитической стратегии утратили свое значение и привлекательность.

«Гражданский диалог» посредством повышения уровня участия гражданского общества в политическом, культурном и экономическом развитии страны должен, по замыслу его идеологов, сделать его полноценным и активным, что для стран-кандидатов станет залогом консолидации демократии и обеспечения защиты прав человека в полном соответствии с политическими требованиями к ним со стороны ЕС.

Таким образом, предполагается, что гражданская активность в рамках проектов «гражданского диалога» вносит весомый вклад в процесс демократизации. Другими словами, это означает, что вне зависимости от содержания деятельности НПО сам факт гражданской активности должен способствовать демократизации.

Это еще раз подтверждает тезис о либерально-демократическом характере политических стратегий Евросоюза. Турецкое Министерство по делам Евросоюза (*T.C. Avrupa Birliği Bakanlığı*), до 2009 г. именовавшееся Генеральным секретариатом по делам ЕС МИД Турции (*T.C. Avrupa Birliği Genel Sekreterliği*), в свое время разработало ряд грантовых программ, отвечающих требованиям ЕС. По программе «Диалога гражданского общества Турции и ЕС» в общей сложности было выделено 21,5 млн. евро по четырем направлениям: города и муниципалите-

ты (5 млн.), профсоюзы (3 млн.), университеты и ВУЗы (9,3 млн.) и молодежные организации (2 млн.). На 2009 г. 119 проектов получили гранты министерства, и в каждом из них партнером турецких неправительственных организаций выступали НПО стран Евросоюза или стран-кандидатов в члены ЕС²⁷.

Если проанализировать эти грантовые схемы, по крайней мере, по трем параметрам – бенефициары, проекты, результаты (т. е. кто является получателем финансовой помощи, каков характер проектов, на которые выделяются средства, и какой результат достигается «на выходе»), – становится очевидным, что издержки политических программ ЕС могут в отдельных случаях перевешивать гипотетические выгоды от их осуществления и их позитивный потенциал.

Достаточно репрезентативный пример – молодежные проекты, направленные на налаживание диалога между турецкими и западными НПО. Объем микрогрантов по этому направлению варьируется от 30 тыс. до 100 тыс. евро и зависит от потенциальных возможностей грантополучателя. Каждый проект должен спонсироваться из правительственного фонда не более чем на 90%. Эти условия, очевидно, ставят серьезные ограничения для потенциальных участников-грантополучателей. Во-первых, каждый заявитель должен для своего проекта найти как минимум 3 тыс. евро из другого источника, а во-вторых, каждый успешный грантополучатель должен обладать опытом в осуществлении аналогичного проекта, в противном случае его шансы на получение относительно большого финансирования невысоки. Еще одно явное ограничение – необходимость международных контактов с европейскими НПО, которые можно включить в число потенциальных участников проекта.

Все эти обстоятельства говорят о достаточно узком круге реальных грантополучателей и о том, что сама грантовая программа рассчитана на поддержку довольно крупных, хорошо зарекомендовавших себя НПО, обладающих обширной социальной базой и сетью международных контактов, а также достаточным для освоения крупных социальных проектов потенциалом.

Официально провозглашенные цели грантовой программы сводятся, во-первых, к развитию взаимовыгодных связей и партнерских отношений между турецкими молодежными организациями и их европейскими аналогами, налаживанию между ними диалога для выявления выгод и издержек евроинтеграции и расширения границ ЕС; во-вторых, к обмену информаци-

ей, знаниями и опытом в осуществлении политических проектов ЕС²⁸. Если первая задача в целом укладывается в рамки «диалога гражданского общества» в существующих его трактовках, то вторая – раскрывает прагматическую суть самого проекта «гражданского диалога», открыто не проговариваемую его идеологами. Становится ясным, какую роль на самом деле ЕС отводит турецкому гражданскому обществу и его институтам – роль проводников политики ЕС и его агентов в исполнении требований к Турции как кандидату в члены ЕС.

На территории Турции и стран Евросоюза эти задачи как раз и реализуются через «информационные кампании, семинары, конференции, интернет-форумы для привлечения широкого круга заинтересованных участников – неправительственных организаций, благотворительных фондов, бизнесменов и т. д.», а также в рамках пропагандистских акций, направленных на визуализацию помощи ЕС в развитии гражданского общества и продвижении идеи «гражданского диалога»²⁹. Все это входит в перечень обязательных мероприятий, каждое из которых непосредственно финансируется через гранты. И гражданское общество здесь рассматривается не как источник разнообразных идей или новых подходов и стратегий, а как партнер в достижении определенных целей и результатов, отвечающих запросам и интересам ЕС и процесса вступления в него Турции.

Для гражданского общества проекты ЕС предлагают довольно узкое поле деятельности, в рамках которого инициативу на себя должны взять определенные группы НПО. Возможно, таковы издержки текущего, в некотором смысле «переходного», момента и существующей конъюнктуры, но насколько все это соотносится с реальными потребностями гражданского общества в Турции и отвечает его запросам, – это вопрос, отбрасывать который было бы недальновидно.

Гражданская активность и социальные проекты

Описанная схема адресной поддержки НПО³⁰ объясняется тем, что не все организации гражданского общества способны в одинаковой степени выступать «вдохновителями и проводниками социальных изменений и реформ»³¹. Чтобы соответствовать этому требованию, конкретная структура должна не толь-

ко демонстрировать приверженность ценностям демократии и «надлежащего управления», но и обладать определенными знаниями и «профессиональными» качествами. Среди этих качеств не последнее место занимает способность разрабатывать и осуществлять социальные проекты, являющиеся главным каналом, через который международные НПО сотрудничают с представителями гражданского общества в Турции и оказывают им поддержку³². Подобные проекты могут рассматриваться как некий механизм, благодаря которому внешняя финансовая и интеллектуальная поддержка НПО может стать катализатором социальных реформ и трансформаций³³.

Американский социальный антрополог Стивен Сэмпсон³⁴ в одной из своих статей, посвященных экспорту европейской модели гражданского общества на Балканы, обращал внимание на то, что феномен иницируемых извне социальных трансформаций должен восприниматься как стратегия распространения европейской модели общества и государства и соответствующего видения «правильных» общественных реформ. Проводниками этой стратегии выступают международные организации, среди которых одну из ведущих ролей играют структуры ЕС³⁵. Закономерно, что реализация этой стратегии предполагает выдвижение новых субъектов общественных отношений, которые будут выступать локомотивом социальных трансформаций, новых форм общественной деятельности и новой философии общественной жизни, содержание которых диктуется международными организациями и внешними «спонсорами», но должно интегрироваться в местные условия, а не отторгаться ими.

Успех такой стратегии в немалой степени обусловлен тем, что участие в ее реализации дает возможность получить доступ к финансовым, технологическим и институциональным ресурсам. Применительно к гражданскому обществу, а также в целом к сфере гражданской активности наиболее удобным и подходящим механизмом реализации подобной стратегии являются социальные проекты. Активисты различных общественных организаций становятся главными проводниками социальных трансформаций, а их общественная деятельность постепенно концентрируется исключительно в рамках тех или иных социальных проектов, которые с течением времени в общественном сознании иногда становятся эквивалентом гражданского общества как такового³⁶. Само понятие гражданского

общества в данном контексте неизбежно удаляется от социальной организации индивидов, объединившихся для совместного разрешения конкретной проблемы, оно все больше воспринимается как категория «инвестиционного проекта» и «объект финансирования»³⁷.

Позиционирование себя как потенциального партнера в осуществлении конкретного социального проекта для различных НПО означает непосредственный доступ к внешним ресурсам (финансовым, интеллектуальным, информационным).

У Стивена Сэмпсона на примере балканских стран показано, как идеи и социальные практики, перенесенные на новую почву, трансформируются, принимая на себя часть местного «колорита», стараются вписаться в систему устоявшихся ценностей и политическую культуру, наконец, входят в арсенал основных субъектов общественных отношений (и уже с их помощью идет борьба за доминирование и укрепление социальной легитимности).

Описанный Сэмпсоном сценарий отчасти можно признать универсальным для многих незападных демократий, на которые распространяется деятельность европейских международных организаций. Ту же самую картину можно наблюдать и в Турции, среди активистов гражданского общества. Социальные проекты и борьба за доступ к их осуществлению (*Projecilik*) стали чуть ли не главной составляющей гражданской активности в стране, неотъемлемой частью конкуренции между НПО за доминирование в общественно-политической жизни, доступ к ресурсам и авторитет в среде гражданских активистов.

Повышенное внимание к социальным проектам и в целом рост их значения в общественно-политической жизни, а также появление понятия «культура социальных проектов» стали заметными еще в 1990-е гг. Показательно, что в 2002 г. Турецкий вакф экономической и социальной истории (*Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı*) свой очередной 12-й симпозиум, посвященный проблемам гражданского общества, решил провести именно по теме социальных проектов и роли неправительственных организаций в их осуществлении³⁸.

Для турецких НПО и работающих в них волонтеров-активистов социальные проекты прочно стали ассоциироваться с одной из основных форм деятельности организаций гражданского общества. Разработка социальных проектов и участие в их реализации для большинства НПО являются новой базо-

вой ценностью и основой деятельности. Подобное отношение к социальным проектам вполне объяснимо. Во-первых, участие в них консолидирует активистов различных НПО и в прямом смысле слова систематизирует их текущую деятельность. Во-вторых, вхождение в тот или иной социальный проект придает разнообразным формам гражданской активности четкую направленность и целеустремленность. В-третьих, это создает формат для социального взаимодействия групп, нередко антагонистических по отношению друг к другу. Иными словами, для многих социальные проекты создают некую матрицу гражданской активности (показывают, чем нужно заниматься в рамках своей НПО, как выстраивать отношения с идеологическими противниками или дружественными структурами).

Стоит сразу отметить, что гражданское общество в Турции традиционно сильно расслоено и стратифицировано как по сфере деятельности отдельных его субъектов (благотворительность, политика, социальное обеспечение, образование, религия и т. д.), так и по идеологическим (кемалисты, либералы, исламисты, левые, правые, националисты и др.), религиозно- и этнокультурным (алевиты, сунниты, курды и т. д.), и социальным (положение в обществе, достаток) характеристикам. Нередко демаркационные линии между этими часто пересекающимися группами и представляющими их интересы НПО и активистами-волонтерами труднопреодолимы, в силу чего даже информационное взаимодействие между НПО, представляющими разные «лагеря», весьма слабое. Активисты разных НПО зачастую не встречаются и даже не знают о существовании друг друга, хотя при этом в отношении друг друга используют различные «готовые стереотипы». Таким образом, формальные горизонтальные связи в турецком гражданском обществе весьма слабы³⁹. И многие волонтеры-активисты признают это. Так, по результатам исследования ТЮСЕВ, в котором сотрудникам НПО было предложено дать оценку уровню взаимодействия между организациями гражданского общества, 8% посчитали его ничтожно малым, а 73% респондентов – весьма ограниченным⁴⁰. Ассоциации женщин и феминистские организации, как показывают соцопросы, в этом отношении являются некоторым исключением. Они, как правило, всегда были больше настроены на взаимодействие и совместную работу по продвижению, в частности, законодательных инициатив и включению в повестку дня общественно-политической дискуссии вопросов

защиты прав женщин и предоставления им равных с мужчинами возможностей.

Культура социальных проектов предполагает постепенный рост значения идеологических и культурных маркеров в жизни гражданского общества. В этом контексте нередко наблюдаются две модели поведения, два подхода: один – ценностно-конфронтационный, второй – прагматический. Сторонники первого постоянно подчеркивают культурно-идеологические различия между НПО, что приводит к противостоянию на ценностном поле и, соответственно, к нежеланию признать легитимность существования своих оппонентов и полному отказу от конструктивного взаимодействия. Сторонники компромисса, напротив, стремятся отставить в сторону идеологические различия и найти возможность объединения усилий со своими т.н. «оппонентами», чтобы увеличить свой совокупный потенциал и получить возможность доступа к внешним ресурсам, тем самым в перспективе еще больше наращивая свою властно-ресурсную базу.

Социальные проекты предлагают широкое поле для самореализации, в рамках которого общий язык могут найти представители антагонистических НПО, при других обстоятельствах не готовых к диалогу и тем более взаимодействию. Именно так сверстано большинство программ ЕС: обучающие семинары для гражданских активистов, тренинги по управлению социальными проектами, курсы по поиску международных благотворительных фондов и работе с ними. И это не только камерные мероприятия для отдельных НПО в скромных конференц-залах, но и симпозиумы с большим количеством участников в национальных университетах и даже на более крупных площадках с вынесением на обсуждение широких проблем (социальная защита детей, демографический кризис Восточной Анатолии, расширение гарантий гражданских свобод и демократии).

Подобные программы вкупе с требованиями отказа от сингулярных заявок на участие в социальных проектах в пользу коллективных заставляют турецкие НПО искать себе партнеров и единомышленников (даже среди своих оппонентов), реализовывать возможности для гражданской активности совместно.

Конечно, утверждать, что благодаря распространению «культуры социальных проектов» гражданское общество Турции преодолело присущую ему разобщенность и «разделен-

ность», было бы большим преувеличением. Однако за счет совместного участия в реализации многообразных социальных проектов острота линий разломов (идеологических, культурных, политических, религиозных и т. д.) явно снижается, а при определенных обстоятельствах может сойти на нет.

Новые черты и характеристики гражданского общества тесно связаны с появлением в нем акторов нового типа – новой генерации общественных активистов. Как и в случае с другими видами профессиональной деятельности работа над социальными проектами требует определенных навыков и специфических знаний – правовых и социально-культурных компетенций с акцентом на возможности абстрактного моделирования⁴¹. В общих чертах каждый социальный проект представляет собой четко структурированную по времени и интенсивности деятельность, описываемую, как правило, в категориях «проектного цикла», «миссий проекта», «целевой группы», «мониторинга» и «групп влияния». От НПО и их активистов, взявшихся за участие в социальных проектах, требуется оформлять многочисленные заявки, формы которых довольно сложны и для грамотного заполнения требуют хорошего знания правовой базы, проходить через изнурительные нормативные процедуры, доказывать свою способность и компетентность управлять объемными проектами.

Поэтому для успешной реализации социального проекта требуются гражданские активисты, с одной стороны, обладающие необходимыми теоретическими и практическими знаниями в области разработки и подготовки социальных проектов, а с другой, – неплохо ориентирующиеся в географии местной власти и вопросах «пределов» общественной активности в конкретном регионе и области. Если конкретизировать, то активист НПО, чувствуя в себе достаточный потенциал для участия в социальных проектах, должен как минимум обладать университетским образованием и познаниями в области иностранных языков и права, ориентироваться в современных формах международной коммуникации и, конечно, иметь четкое представление о разных формах гражданской активности и опыт участия в ней. По мере усложнения условий для гипотетических участников социального проекта и обострения конкуренции за него среди НПО повышается значение таких качеств, как близость к «целевой группе» социального проекта и его «донорам-акционерам».

Относительная сложность процедур, связанных с «вхождением» в международные социальные проекты, создали условия для появления в Турции ряда частных консалтинговых компаний, выступающих в роли своего рода консультантов-экспертов и «брокеров», разрабатывающих программы для будущих социальных проектов, подбирающих потенциальных участников и берущих на себя все заботы по проведению нормативно-правовых процедур (оформление заявок на гранты, поиск финансирования и т. д.).

Различия и демаркационные границы между гражданским активистом, экспертом-социологом и профессиональным работником консалтинговой компании оказываются очень подвижными и проницаемыми. Большинство экспертов по гражданскому обществу в прошлом были активистами НПО и нередко продолжают свою работу в той или иной НПО. И здесь мы сталкиваемся с еще одной новой чертой гражданского общества в Турции. С распространением культуры социальных проектов гражданская активность становится средством построения карьеры, своего рода социальным лифтом. О своем участии в том или ином проекте делают записи в Curriculum Vitae, используют гражданскую активность как способ расширения своих профессиональных связей.

Социальные проекты также выступают в роли катализатора социальной мобильности, поскольку к их реализации привлекается значительное число людей, которые получают и работу, и перспективу улучшения своего материального положения. В контексте Турции это обстоятельство не стоит недооценивать, учитывая высокие показатели безработицы даже среди молодых людей с высшим образованием⁴². Возможности использования гражданского общества как механизма, стимулирующего социальную мобильность, привлекают немало потенциальных активистов.

Говоря о необходимости вовлечения в общественную жизнь молодых активистов, глава Союза турецких женщин (*Türk Kadın Birliği*) – крупной кемалистской НПО Сермин Акман отмечала, что «большинство активистов ее союза – люди пенсионного возраста... и мы зовем в свои ряды молодежь... от них потребуются всего один час в день, чтобы сдвинуть с мертвой точки многие социальные проблемы... кроме того, большинство тех молодых людей, которые едут в Европу, обычно спрашивают, на какую неправительственную организацию они работали, в каких

проектах участвовали... это тоже может выступать стимулом к гражданской активности»⁴³.

Откровенное заявление Сермин Акман интересно тем, что содержит признание: в настоящее время работа на интересы собственного отечества уже не может служить действенным стимулом к гражданской активности. Вдвойне примечательно, что подобные слова принадлежат одному из концептуальных противников профессионализации гражданского общества и последовательному критику иностранного влияния на гражданское общество в Турции.

«Профессионализация» гражданского общества: pro et contra

Распространение «социальных проектов», необходимость участия в грантовых программах и прохождения через разнообразные бюрократические процедуры неизбежно ведут к «профессионализации» гражданского общества в Турции. НПО и гражданские активисты, которые выступают за укрепление гражданского общества и его превращение в эффективный противовес государству и преграду на пути авторитаризма, рассматривают «профессионализацию» гражданской активности как необходимое условие увеличения своего веса и влияния. Однако чрезмерная «профессионализация» вызывает тревогу и создает очевидную проблему на пути нормального функционирования гражданского общества, придавая его институтам черты бизнес-структур и строго иерархичных учреждений. НПО во многом утрачивают характер объединения волонтеров, все больше походя на коммерческие компании, главный приоритет которых – поиск новых источников финансирования (на реализацию этой цели они нанимают команды высококвалифицированных экспертов и консультантов, способных помочь в получении грантов и внешней финансовой поддержки).

«Профессионализация» НПО вызывает не только неоднозначную реакцию среди гражданских активистов, которые видят в этом явлении выхолащивание природы гражданского общества, но нередко ведет к тому, что основная задача НПО, их социальная ответственность и значимость для решения текущих проблем общества отходят на второй план. У многих воз-

никает ощущение, что достаточно большое количество НПО создается исключительно с целью участия в разнообразных грантовых проектах, полноценная общественная платформа у них отсутствует (поскольку их учреждение не связано с «общественным заказом»), равно как и социальная ответственность. Подобные настроения вполне ожидаемо вызывают раскол среди гражданских активистов, которые пытаются разделить НПО по критерию реального служения обществу. Когда НПО стремится принять участие в максимально возможном количестве грантовых проектов по самым разным – иногда весьма далеким от уставных – направлениям, спонсируемым международными фондами (защита женщин, детей, демократии, прав человека и т. д.), логично возникает подозрение в подлинных мотивах деятельности этого НПО.

«Профессионализация» гражданской активности несет в себе не только имиджевые издержки и разочарование среди активистов-волонтеров, но ведет к ряду структурных изменений в системе НПО. Распространение практики найма профессиональных консультантов в определенном смысле уравнивает в возможностях получения грантов общественные организации, обладающие многолетним опытом работы в соответствующей сфере, с более молодыми НПО с гораздо менее внушительным послужным списком. В новых условиях обе эти условные группы НПО обладают фактически равными шансами на получение гранта, поскольку его предоставление больше не обуславливается наличием примеров успешно выполненных проектов. Еще одно следствие «профессионализации» можно увидеть уже в рамках самих НПО: прежняя иерархичность среди активистов НПО со строгими правилами почтения к старшим членам уступает место доминированию молодых активистов, в своих действиях нередко пренебрегающих принципами и советами своих старших коллег.

Вместе с углублением «профессионализации» гражданской активности девальвируется представление о ней как о сугубо волонтерской деятельности. В общественном сознании понятие активист-волонтер начинает противопоставляться «профессиональному активисту», довольно четко связывающему свою деятельность в том или ином «социальном проекте» с материальным вознаграждением. Многие гражданские активисты, прежде всего из кемалистских и националистических НПО, считают «профессионализацию» НПО и тесно связанную

с ней активность международных фондов и распространение грантов показателем морального разложения гражданского общества в Турции. Причем эта критика отчасти направлена и против Евросоюза, который, поддерживая разные формы гражданской активности, стимулирует участие граждан в «социальных проектах» за денежное вознаграждение или в расчете на продвижение по карьерной лестнице. Таким образом, гражданская активность больше не связывается исключительно с альтруистическим желанием внести вклад в общее благосостояние, а гораздо чаще – с перспективой получения личных выгод⁴⁴, ставится под сомнение легитимность НПО, которые под прикрытием служения обществу создаются исключительно с целью привлечения инвестиций.

* * *

Анализ гражданской активности в Турции 1990-х и 2000-х гг. говорит о том, что гражданское общество в стране обладает значительным потенциалом для выполнения роли катализатора социальных трансформаций и проводника демократических реформ. Возросшая включенность Анкары в мировую политическую и экономическую систему, стремление вступить в Евросоюз и развитие других интеграционных процессов – все вместе способствовало росту интереса к гражданскому обществу в Турции со стороны внешних акторов, западных фондов и неправительственных организаций. Одним из следствий этого стало распространение в стране культуры финансируемых извне социальных проектов, которые в свою очередь сильно изменили природу гражданской активности и содержание самого понятия гражданского общества.

Влияние внешних факторов, самым мощным из которых можно считать ЕС, весьма неоднозначно. Его результатами стало сложное переплетение социальных выгод и издержек. К первым можно отнести институциональное усиление гражданского общества, открытие новых сфер деятельности для его институтов, расширение информационной базы НПО и т. д., ко вторым – рост конфликтогенности в среде НПО и снижение порога терпимости.

При анализе гражданской активности в Турции 1990-х – 2000-х гг. становится очевидным несоответствие ожиданий, которые на нее возлагает ЕС (и которые формулируются в много-

численных международных программах), и реального положения внутри гражданского общества. Одна из причин этого состоит в том, что политика ЕС в сфере гражданского общества не делает «скидку» на специфику местных условий развития общественных отношений. Нормативная для ЕС модель гражданского общества стоит на принципах примата индивидуализма, отодвигая на задний план, а порой и отрицая столь важную для незападных обществ групповую идентичность и коллективные интересы. А между тем парадигма гражданского общества, выведенная Алексисом де Токвилем и представляющая его как бастион индивидуальной свободы и, соответственно, главный инструмент демократии, плохо соотносится с турецкими реалиями. Однако должен ли Евросоюз адаптировать свои ценности к реалиям своего потенциального нового члена? Ведь Анкара, заявив о своем желании войти в объединенную Европу и настойчиво добиваясь полноправного членства в ЕС, фактически признала для себя нормативность всей совокупности «стандартов ЕС» (соответствующие взгляды на демократические институты, политическую систему, защиту прав человека, положение меньшинств и т. д.). Суть процесса «вступления в ЕС», растянувшегося для Турции на многие годы, как раз и заключается в выявлении «структурных несоответствий» и стимулировании комплексных реформ, направляемых «в нужное русло». Следуя этой логике, программы Евросоюза по развитию гражданского общества должны рассматриваться именно как часть обозначенной стратегии, а все проявляющиеся в ходе ее реализации «несоответствия» цели и результата – как показатель необходимости дополнительных усилий, а отнюдь не доказательство провала самой стратегии или ее искажения под воздействием «местного климата».

Вместе с тем успех любой политической программы (и усилия ЕС по продвижению демократии через «спонсирование» НПО и стимуляцию гражданской активности – не исключение) прямо пропорционален тому, насколько хорошо она воспринимается ее главными «бенефициарами» и отвечает текущим запросам основных субъектов гражданского общества. И если программы Евросоюза не вписываются в социальный контекст, то они логично воспринимаются не как знак доброго сотрудничества, а как явление иного порядка, вызывающее соответствующую реакцию – отторжение и сопротивление внешнему воздействию и навязываемым правилам игры. Примеров тому

достаточно: в Турции сформировалась довольно многочисленная группа НПО, активно не принимающих практику международного сотрудничества и внешнего финансирования и клеймящих тех, кто искусился «чужими деньгами». Все это говорит не только о необходимости вчитываться в социальный контекст, но раскрывает специфические черты турецкого гражданского общества.

Турецкие НПО четко ощущают свое место в системе культурно-идеологических координат, их действия и «гражданская позиция», как правило, политически окрашены, поэтому они и не могут выступать послушными проводниками программ Евросоюза, которые в итоге приводят к неожиданным и незапрограммированным последствиям. В то же время это не отменяет тезиса о том, что гражданское общество в Турции обладает значительным потенциалом для выполнения роли катализатора социальных трансформаций и проводника демократических реформ. Однако открытым остается вопрос о соответствующей инфраструктуре для реализации этого потенциала.

Одной из отличительных черт современного этапа развития гражданского общества в Турции, во многом детерминированного влиянием внешних факторов в лице ЕС и международных фондов, стала «профессионализация» гражданской активности. Это явление можно связать с развитием культуры «социальных проектов», для разработки и осуществления которых требуются и экспертное сопровождение, и внешняя финансовая поддержка. Неизбежно изменяется облик гражданского общества и его институциональных основ. Существовавшая ранее размытая система волонтеров-энтузиастов уступает место гораздо более четко структурированной и иерархизированной системе активистов, взаимоотношения между которыми также обретают большую системность и упорядоченность.

Трансформации гражданского общества хорошо ощущаются и самими его субъектами – крупными и влиятельными НПО, активистами общественных движений, деятелями разнообразных ассоциаций-дернеков, профессиональных, политических и неполитических объединений и т. д. Причем политическая ангажированность или идеологическая направленность того или иного НПО всегда отражается в его отношении к переменам в культуре гражданской активности в Турции 1990-х и 2000-х гг.

Фиксируемые изменения в турецком гражданском обществе существенно повлияли и на отношения между гражданскими активистами, представляющими разные политические силы и

идеологические платформы, ввели новые модели достижения социальной легитимности (вызвали появление дихотомии «истинная гражданственность» – «поддельная гражданственность», «честная НПО» – «ангажированная НПО» и т. д.), но при этом весьма слабо способствовали преодолению разделенности гражданского общества и разобщенности его субъектов.

¹ *Göle, Nilüfer*. Toward an Autonomisation of Politics and Civil Society in Turkey. // *Politics in the Third Turkish Republic*. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press, 1994; *Toprak, Binnaz*. Civil Society in Turkey // *Civil Society in the Middle East*. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1996; *Yerasimos, Stefanos*. Civil Society, Europe and Turkey. // *Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul: Ergon, 2000.

² *Şimşek, Sefa*. New Social Movements in Turkey Since 1980. // *Turkish Studies*. Vol. 5, Issue 2 (2004), с. 111–139.; *Şimşek, Sefa*. The Transformation of Civil Society in Turkey: From Quantity to Quality. // *Turkish Studies*. Vol. 5, No. 3 (2004), с. 46–74.

³ *Коэн Д.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003, с. 61–62; *Edwards, Michael*. Civil Society. Cambridge: Polity Press, 2004, с. 11–12.

⁴ *Beckman, Björn*. Explaining Democratization: Notes on the Concept of Civil Society. // *Civil Society, Democracy and the Muslim World: Papers Read at a Conference Held at the Swedish Research Institute in Istanbul 28–30 October, 1996*. Istanbul: Swedish Research Institute in Istanbul, 1997, с. 4; *Seçkinelgin, Hakan*. Civil Society as a Metaphor for Western Liberalism. // *Civil Society Working Paper Series, 2002, No. 21, с. 1*. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/pdf/CSWP21.pdf>

⁵ *Seçkinelgin, Hakan*. Civil Society as a Metaphor for Western Liberalism. // *Civil Society Working Paper Series, 2002, No. 21*. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/pdf/CSWP21.pdf>

⁶ *Göle, Nilüfer*. Toward an Autonomisation of Politics and Civil Society in Turkey. // *Politics in the Third Turkish Republic*. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press, 1994; *Toprak, Binnaz*. Civil Society in Turkey // *Civil Society in the Middle East*. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1996; *Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul: Ergon, 2000.

⁷ *Civil Society in Turkey: An Era of Transition*. CIVICUS Civil Society Index Country Report for Turkey. Istanbul: TÜSEV, 2006.

⁸ *Toprak, Binnaz*. Civil Society in Turkey // *Civil Society in the Middle East*. Vol. 2. Leiden: E.J. Brill, 1996, с. 95; *Hersant, Jeanne; Toumarkine, Alex-*

andre. Hometown Organisations in Turkey: An Overview. // European Journal of Turkish Studies. 2005. Vol. 2, No. 2. – Mode of access: <http://ejts.revues.org/index397.htm>

⁹ Действующее турецкое законодательство определяет ассоциацию (*дернек*) как обладающую правосубъектностью организацию семи и более физических или юридических лиц, объединивших на долгосрочной основе свои усилия и профессиональные знания для осуществления определенной, не противоречащей законодательству общей некоммерческой цели [Закон об ассоциациях № 5253, ст. 2].

¹⁰ Ваффы и ассоциации/дернеки в Турции представляют собой два наиболее важных общественных института, обеспечивающих самовыражение личности, коллектива и иных социальных общностей и относящихся к категории добровольных некоммерческих, неправительственных организаций (НПО). Главное отличие ваффов от ассоциаций заключается в том, что ассоциации представляют собой общественные организации наподобие профсоюзов или политических партий, в то время как ваффы – по своей сути в большей степени организации финансовые, для учреждения которых законодательно определяется даже минимальный уставной капитал. Поэтому законодательные нормы и положения, регулирующие деятельность ваффов, в сравнении со строгими правилами, касающимися условий функционирования ассоциаций/дернеков, не предусматривали для основателей никаких административных, политических или моральных ограничений, лишь исключали из круга потенциальных учредителей несовершеннолетних и душевнобольных, а перед выдачей документа о регистрации Главное управление ваффов (ГУВ) направляло запрос в полицию и прокуратуру, чтобы определить наличие или отсутствие возможных «препятствий» в отношении основателей. Распорядитель ваффа (*мютевелли*) назначался пожизненно самим учредителем (или учредителями). Для этого вовсе не требовалось решения общего собрания, управляющего совета, бюро или комитета по контролю, как в случае с избранием или смещением руководящих органов общества/ассоциации [подробнее см.: Шлыков, 2011, с. 147–155].

¹¹ Civil Society in Turkey: An Era of Transition. CIVICUS Civil Society Index Country Report for Turkey. Istanbul: TÜSEV, 2006, с. 35.

¹² *Göle, Nilüfer*. Toward an Autonomisation of Politics and Civil Society in Turkey. // Politics in the Third Turkish Republic. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press, 1994, с. 213.

¹³ *Seçkinelgin, Hakan*. Civil Society as a Metaphor for Western Liberalism. // Civil Society Working Paper Series, 2002, No. 21, с. 2. – Mode of access:

<http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/pdf/CSWP21.pdf>; *Edwards, Michael*. Civil Society. Cambridge: Polity Press, 2004, с. 15.

¹⁴ Конференция по проблемам среды обитания (*Habitat II*) нередко ставится в один ряд с другими важными событиями, оказавшими сильное влияние на развитие гражданского общества в Турции: такими, как землетрясение 1999 г. и начало активной фазы подготовки Турции к вступлению в ЕС [см.: *Civil Society in Turkey: An Era of Transition*. CIVICUS Civil Society Index Country Report for Turkey. Istanbul: TÜSEV, 2006, с. 36].

¹⁵ Например, см.: *Shadow NGO Report on Turkey's Fourth and Fifth combined Periodic Report to the Committee on the Elimination of Discrimination against Women for submission to the CEDAW 32nd Session January 2005*. – Mode of access:

[http://www.iwraw-ap.org/resources/turkey_WWHR-New_Ways\(Eng\).pdf](http://www.iwraw-ap.org/resources/turkey_WWHR-New_Ways(Eng).pdf)

¹⁶ См.: *World Summit on Sustainable Development. Johannesburg 2002. National report: Turkey, July 2002*. – Mode of access:

http://smap.ew.eea.europa.eu/media_server/files/V/p/rapor1_1_.pdf;

Turkish National Assessment Report for World Summit on Sustainable Development. National Programme on Environment and Development. T.C. Çevre Bakanlığı. – Mode of access:

http://www.un.org/jsum-mit/html/prep_process/national_reports/turkey_natl_assess.pdf

Стоит, однако, заметить, что активность НПО по защите окружающей среды в 2000-е гг. была существенно ограничена рядом административных мер [Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Environmental Performance Reviews – Turkey*. Paris: OECD Publishing, 2008, с. 22, 121–122].

¹⁷ *Keyman, E. Fuat; İçduygu, Ahmet*. Globalization, Civil Society and Citizenship in Turkey: Actors, Boundaries and Discourses. // *Citizenship Studies*. 2003, Vol. 7, No. 2, с. 224.

¹⁸ *Avrupa Birliği Türkiye Delegasyonu. AB ve Sivil Toplum (2011)*. – Erişim Modu: <http://www.avrupa.info.tr/EUCSD.html>

¹⁹ см.: *Avrupa Birliği Türkiye Delegasyonu. AB ve Sivil Toplum*. – Erişim Modu: <http://www.avrupa.info.tr/EUCSD.html>

²⁰ *EU-Turkey Review, Issue 9 (Fall 2007)*, с. 10.

²¹ Процесс вступления Турции в Европейское сообщество насчитывает не один десяток лет. Начало было положено 31 июля 1959 г., когда Анкара официально подала заявку на членство в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС). В 1963 г. между Турцией и ЕЭС подписано соглашение о сотрудничестве. Ревнивое соперничество с Грецией, подавшей свою заявку месяцем раньше, долго оставалось главным дви-

жушим мотивом стремления Турции в «объединённую Европу». Однако за прошедшие полвека многое изменилось. С одной стороны, цель, которую первоначально ставила перед собой Анкара, была достигнута (в 1995 г. Турция вошла в Таможенный союз), с другой, – само ЕЭС превратилось в Европейский союз, место Римского договора (1957) занял Маастрихтский (1992), и простое пребывание в Таможенном союзе без полноправного членства в Евросоюзе Турцию уже не удовлетворяло. Старт борьбе за присоединение к ЕС в качестве полноправного члена Анкара дала еще в 1987 г., когда тогдашний премьер-министр и архитектор «турецкого экономического чуда» Тургут Озал подал в Брюссель соответствующую заявку. Но за последующее за этим десятилетие, несмотря на геополитическое положение страны, ее стратегическое значение для Запада и многолетнее членство в НАТО, Турция смогла добиться довольно скромных результатов. Время существенных подвижек наступило лишь в конце 1990-х гг. С обретением 10 декабря 1999 г. статуса страны-кандидата отношения с ЕС получили новый импульс и измерение: двусторонние контакты стали более систематическими и приобрели больший динамизм. Перед Турцией появилась перспектива вхождения в объединенную Европу. Это само по себе стало двигателем внутренних преобразований в стране. Одновременно, в отличие от времен «холодной» войны, ЕС начал гораздо больше интересоваться качеством турецкой демократии. В центре диалога Анкары и Брюсселя оказалась сама природа турецкого политического режима.

²² *Muftuler-Bac, Meltem.* Turkey's Political Reforms and the Impact of the European Union // *South European Society and Politics*, Issue 10, 2005, No. 1, с. 23.

²³ *Kassimeris, Christos; Tsoumpanou, Lina.* The Impact of the European Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms on Turkey's EU Candidacy // *The International Journal of Human Rights*, Issue 12, 2008, No. 3, с. 329–345.

²⁴ *Hurt, Stephen R.* Co-operation and Coercion? The Cotonou Agreement between the European Union and ACP States and the End of the Lome Convention // *Third World Quarterly*, Issue 24, 2003, No. 1, с. 161–176.

²⁵ Многие исследователи политики ЕС в области гражданского общества неевропейских стран расценивают ее довольно критически, поскольку она руководствуется весьма специфическими представлениями о местных реалиях (равно как и не всегда адекватными задачами, ставящими перед активистами гражданского общества страны-реципиента).

²⁶ European Union, Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the

Committee of the Regions – Civil Society Dialogue between the EU and Candidate Countries, COM(2005) final, 2005, с. 2. – Mode of access: <http://www.avrupa.info.tr/Files/File/CSD/civildialogue-eng.pdf>

²⁷ См.: Türkiye ve Avrupa Birliği Sivil Toplum Diyalogu. Program. 2011. – Erişim modu:

http://www.csdproject.net/index.php?option=com_content&view=article&id=16&Itemid=15&lang=tr

²⁸ Т.С. Avrupa Birliği Bakanlığı. Diyalog İçin Gençlik Girişimleri Hibe Programı. 2011. – Erişim modu: <http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=5970&l=2>

²⁹ Там же.

³⁰ Внешнее финансирование гражданской активности в Турции не может осуществляться непосредственно, и поэтому оно идет в «институционализированной форме» – в виде поддержки конкретных социальных проектов.

³¹ См.: Avrupa Birliği Türkiye Delegasyonu. AB ve Sivil Toplum. 2011. – Erişim Modu: <http://www.avrupa.info.tr/EUCSD.html>

³² Фонды подобных социальных проектов могут сильно различаться по своему объему и наполняемости. Для локальных малозатратных проектов (поддержка определенной социальной группы, скажем, мелких предпринимателей, женщин, детей или подростков в том или ином районе) не требуется больших финансовых вливаний в отличие от амбициозных и дорогих программ, как, например, борьба с безграмотностью в Восточной Анатолии.

³³ *Sampson, Steven*. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania // *Civil Society: Challenging Western Models*. L.: Routledge, 1996, с. 122–123.

³⁴ *Sampson, Steven*. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania. // *Civil Society: Challenging Western Models*. L.: Routledge, 1996, с. 119–140; *Sampson, Steven*. Weak States, Uncivil Societies and Thousands of NGOs: Western Democracy Export as Benevolent Colonialism in the Balkans. // *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe*. Lund: Nordic Academic Press, 2002, с. 27–44. – Mode of access:

http://www.anthrobase.com/Txt/S/Sampson_S_01.htm

³⁵ *Sampson, Steven*. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania // *Civil Society: Challenging Western Models*. L.: Routledge, 1996, с. 121.

³⁶ *Sampson, Steven*. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania // *Civil Society: Challenging Western Models*. L.: Routledge, 1996, с. 121.

³⁷ *Sampson, Steven*. Weak States, Uncivil Societies and Thousands of NGOs: Western Democracy Export as Benevolent Colonialism in the Balkans // *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe*. Lund: Nordic Academic Press, 2002, с. 5. – Mode of access:

http://www.anthrobase.com/Txt/S/Sampson_S_01.htm

³⁸ Тему 12-го симпозиума обозначили следующим образом: «Проекты, социальное проектирование и организации гражданского общества» (*Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları*). Причем в сборнике материалов симпозиума специально оговаривалось, что «выбирая подобную тему для своего мероприятия, они были уверены, что она вызовет колоссальный интерес... однако он оказался столь значительным, что превзошел наши ожидания... из всех ранее проводившихся 12 симпозиумов настоящий привлек наибольшее число участников» [*Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları*. İstanbul: Tarih Vakfı, 2003, s. v]. Представители Турецкого вакфа экономической и социальной истории (*Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı*) все это объяснили тем, что социальные проекты и связанная с ними деятельность – сами по себе весьма новое явление для турецкого гражданского общества, равно как и практика привлечения для их реализации иностранных фондов, что ставит на повестку дня новые вопросы и проблемы [*Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları*. İstanbul: Tarih Vakfı, 2003, s. v].

³⁹ *Seufert, Günter*. The Impact Of Nationalist Discourses on Civil Society // *Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul: Ergon, 2000, с. 26.

⁴⁰ *Civil Society in Turkey: An Era of Transition*. CIVICUS Civil Society Index Country Report for Turkey. Istanbul: TÜSEV, 2006, с. 53.

⁴¹ *Sampson, Steven*. Weak States, Uncivil Societies and Thousands of NGOs: Western Democracy Export as Benevolent Colonialism in the Balkans. // *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe*. Lund: Nordic Academic Press, 2002, с. 5. – Mode of access:

http://www.anthrobase.com/Txt/S/Sampson_S_01.htm

⁴² Молодежь в целом хорошо осведомлена о тех возможностях, которые предоставляют новые формы гражданской активности.

⁴³ *Turkish Daily News*, 19.11.2007.

⁴⁴ *Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları*. İstanbul: Tarih Vakfı, 2003; *AB Uyum Süreci ve STK'lar*. İstanbul: Tarih Vakfı, 2004; *Sivil Toplum Kuruluşları Konferansı*, İstanbul, 3 Mart, 2006.

**КУРДСКАЯ АВТОНОМИЯ В СОСТАВЕ ТУРЦИИ:
СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

С конца прошлого века курдский вопрос стал играть определяющую роль во внутривосточной жизни Турции, становясь камнем преткновения во время переговоров о вступлении Турции в Европейский Союз и приобретая, таким образом, статус международной проблемы. При этом перспективы политического решения курдского вопроса в рамках унитарного государства, которым является Турция, как правительством в Анкаре, так и представителями националистически настроенных курдов всё чаще связываются с применением и воплощением соответствующих законодательных актов Евросоюза, касающихся обеспечения прав национальных меньшинств. Так, еще в 1995 г. Европейское сообщество однозначно связало перспективы вступления Турции в ЕС с принятием турецким правительством мер для политического решения и законодательного закрепления прав курдов как крупнейшего нетурецкого этноса, проживающего в границах республики. Главным тезисом здесь выступало то, что на протяжении всего периода республиканской истории Турции имело место полное отрицание национальной курдской идентичности граждан Турции.

Официально факт существования в стране курдского вопроса был признан правительством Турции только в 2005 г., после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), которая, как отмечал ее тогдашний сопредседатель Денгир Мир Фырат, курд по происхождению, включала курдский вопрос в качестве приоритетного в свою политическую программу. По словам Фырата, руководство ПСР резко дистанцировалось от идей исключительно насильственного подавления курдских выступлений, которых придерживался, например, бывший президент Турции Сулейман Демирель¹. Однако, несмотря на провозглашенную в 2009 г. правительством

Реджепа Эрдогана так называемую «курдскую инициативу», подразумевавшую в первую очередь широкое общественное обсуждение курдской проблемы, дальше дискуссий и демонстративного признания культурно-лингвистических особенностей курдов, отличающих их от турок, политических решений и законодательного закрепления таких прав не произошло.

После прошедших в июне 2011 г. парламентских выборов, на которых курдским националистам, выступавшим в качестве независимых кандидатов, удалось получить 35 мест в турецком парламенте, сопредседатель курдской Партии мира и демократии (ПМД) Айсель Туглук в одностороннем порядке от имени всех курдов (на самом деле от имени тех политических сил, которые в той или иной степени поддерживают курс Партии рабочих Курдистана – ПРК), объявила на проходившем в Диярбакыре Конгрессе демократических сообществ – зонтичной политической организации, подконтрольной ПРК, – о провозглашении т. н. «курдской культурной автономии» на территории Турции. Событие стало резонансным во многом потому, что никто не смог и до сих пор не может определить ни территориальных границ такой автономии, ни ее административно-правового статуса. Как пояснила сама Туглук, речь идет в первую очередь о культурной автономии курдов Турции, которая не выражается в каких-либо территориальных границах и должна быть признана в качестве подтверждения статуса курдов Турции как отдельного от турок народа. Нужно отметить, что ПМД, поддерживающая линию находящегося в заключении лидера ПРК Абдуллы Оджалана, продолжает выступать за законодательное закрепление подобной весьма неопределенной инициативы, не уточняя при этом, где собственно границы этой автономии будут проходить. Об этом, в частности, заявил мэр Диярбакыра Осман Байдемир, указав на то, что столицей такой автономии будет город Диярбакыр, а над местным муниципалитетом наряду с турецким флагом должен быть поднят и курдский красно-бело-зеленый флаг. При этом Байдемир отметил, что курды рассматривают «этот проект демократической автономии в качестве гражданской инициативы, как проект национального братского единства турок и курдов в рамках одного государства»². Известная правозащитница и независимый депутат от Диярбакыра Лейла Зана вскоре после объявления автономии курдов заявила, что этот шаг для курдов Турции будет недостаточным и решение о том, какой статус будут иметь

курды – статус автономии, федерализма, конфедерации или независимого государства, – должны решать сами курды³. В качестве примера она привела Квебек – канадскую франкофонную провинцию, жители которой раз в 4 года имеют право голосовать за возможность выхода из состава Канады. Однако заявление Заны о недостаточности автономии для курдов не было поддержано большинством членов ПМД, в результате чего депутат от ила Муш Сары Сакык заявил, что подобная оценка была лишь личной инициативой Лейлы Заны⁴.

Среди функционеров ПМД существует раскол на автономистов и сторонников более осторожных подходов к «курдскому вопросу» в рамках тесного сотрудничества с правительством, в первую очередь в деле обеспечения стабильности в регионе. Так, депутат от ПМД Алтан Тан подверг резкой критике решение о самопровозглашении автономии курдов, назвав его «единоличным решением, сделанным от имени Конгресса демократического сообщества (КДС) – политической силы, наиболее близкой к ПРК». По утверждению Тана, такое решение не является легитимным, поскольку не учитывает ни мнение турок, ни мнение тех курдов, которые являются приверженцами исламистов в лице Партии справедливости и развития, голосуют за нее и не поддерживают идею автономизма, свойственную сторонникам КДС.

Для многих националистически настроенных курдов в Турции очевидно, что одной из основных предпосылок для законодательного закрепления подобной автономии будет принятие новой конституции, проект которой вот уже несколько лет активно обсуждается в обществе и в кулуарах Меджлиса. По мнению сторонников принятия нового основного закона, нынешняя конституция образца 1982 г. является авторитарной, идеологически ангажированной, выдержанной в духе турецкого национализма. Во время предвыборной кампании 2011 г. премьер-министр Реждеп Эрдоган обещал, что работа над выработкой новой гражданской конституции начнется незамедлительно после подведения итогов выборов. Первоначально обещание принять новую конституцию, в которой были бы закреплены суверенные права курдов как отдельного от турок народа вызвали воодушевление в среде большинства турецких курдов, а их требования к новой конституции можно было свести к трем основным пунктам: снятие акцента на турецкую идентичность всех граждан Турции, снятие запрета на ряд культурных и полити-

ческих прав, в том числе и на право пользоваться родным языком во всех сферах общественной и политической жизни, а также закрепление статуса курдской автономии. Примечательно, что для сторонников автономии местные муниципальные выборы имеют гораздо большее значение, чем выборы в парламент. Благодаря поддержке населения сторонники Абдуллы Оджалана смогли получить руководящие посты в 99 муниципальных и административных образованиях, включая мэрию Диярбакыра.

После самопровозглашения политическими сторонниками Абдуллы Оджалана «демократической культурной автономии» в турецкой прессе развернулась дискуссия о том, что можно считать автономией в политических условиях Турции и где будут проходить ее границы. Так, обозреватель газеты «Хюрриет» Ялчин Баяр считает, что в первую очередь нужно определиться с самим понятием автономии, а затем наделять ее различными характеристиками – будь то курдская, культурная или демократическая. Исследуя понятие «автономии» (по-турецки “*özerklik*”), Баяр отмечает, что оно имеет в турецком языке два значения. Во-первых, это право отдельной группы в рамках сообщества жить согласно принципам самоуправления, на основе собственной конституции. И, во-вторых, это право отдельной личности жить согласно тем законам, которые признаются ею самой⁵. Это позиция очень важна для многих исламских государств. В русском языке к такому определению автономии наиболее близко по смыслу понятие «самостийности». При этом основным тезисом единства турок и курдов является их совместная, как выражается Баяр, «победа в национально-освободительной борьбе на заре создания республиканской Турции»⁶.

Как уже отмечалось, идею курдской автономии поддержали не все депутаты от ПМД. Пять депутатов выразили свое несогласие. Во многом это было связано и с тем, что самопровозглашение курдской культурной автономии в Турции пришлось на дни, когда в крупных городах происходили столкновения турецких демонстрантов со сторонниками ПРК после того, как турецкий отряд в провинции Диярбакыр попал в засаду апочистов, в результате чего были убиты 13 турецких военнослужащих. Жертвами атаки повстанцев из ПРК в июле 2011 г. стали 13 солдат и офицеров регулярной турецкой армии – это была крупнейшая атака апочистов с 2008 г., когда приверженцы Оджалана напали на турецкий отряд на границе с Ираком. По мнению

сторонников умеренных шагов, такое одностороннее провозглашение автономии никак не сможет благоприятно сказаться на межэтнических отношениях в стране.

В свою очередь на конференции, организованной 7–8 декабря 2011 г. гражданской комиссией ЕС – Турция в Европарламенте, сопредседатель ПМД Селахаттин Демирташ дал понять, что пока продолжаются в Турции аресты и насилие в отношении сторонников Абдуллы Оджалана, это будет создавать серьезные препятствия для демократии и соблюдения основных прав и однозначно должно быть осуждено со стороны ЕС⁷. В целом же националистически настроенные представители курдов Турции, и в первую очередь члены ПМД, являющейся политическим крылом Партии рабочих Курдистана, ведущей партизанскую войну на юго-востоке страны, настаивают на внесении в конституцию таких изменений, которые бы гарантировали права не отдельным гражданам Турции курдского происхождения, а всему курдскому народу, проживающему в Турции, как отдельной нации. При этом курдские политические элиты (в том числе и сторонники Абдуллы Оджалана) так же, как и турецкое правительство, апеллируют к соответствующим актам законодательства Евросоюза, что создает пространство для политической дискуссии под патронажем ЕС по этому вопросу.

После пленения турецкими властями в 1999 г. Абдуллы Оджалана ПРК изменила свою тактику, стараясь дистанцироваться от практики вооруженной партизанской борьбы, сделав упор на политическое решение курдского вопроса, декларативно отказавшись от идеи самостоятельного независимого государства, настаивая при этом на праве культурной автономии курдов в составе Турции. Со стороны правительства также был сделан ряд шагов, направленных на гармонизацию отношений с курдами. В частности, с 1999 по 2002 г. из статей 26 и 28 Конституции Турции были удалены ограничения на использование «запрещенных языков».

Как и у всех наций, у курдов Турции именно язык продолжает играть определяющую и главенствующую роль в системе национальной идентификации. Так, несмотря на то, что турецкий язык насильно навязывался турецким курдам на протяжении всего республиканского правления в качестве родного, достаточно много турецких курдов продолжают считать курманджи основой своей национальной идентификации. Исключение составляют, пожалуй, представители народа заза, которые, на-

стаивая на собственной этнической самобытности, оказались на острие борьбы между курдами и турками за передел Конституции. Связано это с тем, что среди тех курдов Турции, кто не поддерживает ПРК, подобные шаги рассматриваются в первую очередь в качестве политического продолжения вооруженной борьбы под флагом курдского патриотизма за самоопределение курдов, начатой в 1984 г. ПРК под руководством Абдуллы Оджалана.

Между тем автономистские притязания курдов в республиканской Турции имеют давнюю историю, находя свое выражение в череде крупных восстаний, произошедших еще на заре установления республиканского строя, начиная с восстания шейха Саида в 1925 г., который поднялся против новой светской власти под религиозным знаменем и при поддержке англичан, заканчивая серией значительных волнений в районе Дерсима середины 30-х годов прошлого столетия. Идея автономии турецких курдов не нова, однако для ее претворения в жизнь во внутривнутриполитической жизни страны существует множество препятствий и ограничений. Актуальность ее осознавали еще в первые годы установления в Турции республиканского режима, когда курдский вопрос как политическое явление возник на Ближнем Востоке после распада Османской империи и ее раздела между странами-победительницами в Первой мировой войне. Раздел османской Турции, определенный договорами Сайкс-Пико (1916), Версальским (1919), Севрским (1920) и Лозаннским (1923) договорами, привел к тому, что курдский народ не по своей воле одновременно оказался в четырех странах региона — Турции, Иране, Ираке и Сирии. В период борьбы Турции за независимость, отвечая на Измитском конгрессе в январе 1923 г. на вопросы журналиста газеты «Ватан» Ахмета Эмина Ялмана о том, как руководитель национально-освободительного движения представляет себе решение курдского вопроса, Мустафа Кемаль ответил, что «курды проживают в границах Турецкой республики достаточно компактно, однако по мере потери ими этой компактности и смешивания с турецким населением проведение границ проживания курдов будет невозможно. Точнее, это будет означать одно — конец Турции». Ататюрк высказывался за возможность предоставления автономии, т. е. внутреннего самоуправления тем илям, в которых курдское население составляет подавляющее большинство, но при этом подобные автономные образования должны

входить в состав единой турецкой нации: «В настоящее время [м. е. в 1923 г. – К.В] Великое национальное собрание Турции [ВНСТ] состоит из депутатов, представляющих как интересы турок, так и курдов, и эти два элемента объединили свои интересы и свою судьбу... То есть они понимают, что их страна – это совместное предприятие. А проводить границы – неблагоприятно»⁸.

Такой подход достаточно долгое время трактовался в Турции весьма односторонне: как тезис об унитарном и неделимом характере государственного устройства. Часть архивных документов стала доступна лишь в начале 60-х годов прошлого века, однако после военного переворота 1980 г. доступ к ним снова был закрыт. Ныне известно, что в свое время из государственных архивов Турции была изъята часть протоколов заседаний ВНСТ за февраль 1922 г., когда обсуждался вопрос статуса возможной курдской автономии. Факт соответствующих высказываний Ататюрка в настоящее время мало кем подвергается сомнению в Турции. Как отмечает известный турецкий журналист Джан Дюндар, «суть его высказывания такова, что если потребуется, то на основании измененной Конституции населенные курдами илы – при изъявлении желания проживающего в них населения – имеют право претендовать на внутреннее самоуправление; при этом курды, желающие жить в условиях автономии, вместе с турками будут считаться образующими единый турецкий народ»⁹.

Зная о намерениях Англии использовать «курдскую карту» в борьбе за Мосульскую нефть в 1921 г., Мустафа-паша (Ататюрк) скорее подразумевал курдскую автономию в составе Турции с включением в нее всего Мосульского вилайета, который позже будет под давлением Англии отторгнут от Турции и войдет в состав Ирака.

В архивах Великобритании и Франции сохранилась переписка консулов по поводу результатов закрытых совещаний ВНСТ 10–12 февраля 1922 г., когда в ходе жарких дебатов обсуждался вопрос о будущей курдской автономии. В письме премьер-министру Великобритании лорду Керзону тогдашний посол в Стамбуле Гораций Румбольд отмечал, что в результате продолжительной дискуссии в Турецком национальном собрании, заседание которого проходило в Анкаре, был принят проект постановления о создании курдской автономии, состоящий из восемнадцати пунктов. Приведенная в письме Керзону резолюция в первом же своем пункте выражала модерни-

стский характер понимания принципа национального самоопределения, характерный для того времени. В частности, в нем говорится: «Великое национальное собрание Турции, руководствуясь современными цивилизованными требованиями в деле обеспечения дальнейшего развития турецкого народа, осознает свою обязанность в создании автономии с целью соответствия интересам, традициям и национальным чувствам курдского народа»¹⁰. Здесь следует отметить, что в отношении турок и курдов в данном случае применялось одно и то же понятие *“ulus”*, что имеет двоякий перевод: и как народ, и как нация. Подразумевалось также создание органов местного самоуправления, состоящих из «достойных представителей курдского народа». Во главе автономии должен был стоять губернатор (вали), назначаемый ВНСТ на 3 года. При этом в проекте автономии подчеркивалось, что губернатор может быть как курдом, так и турком. Параллельно с турецким (центральным) национальным собранием Турции в проекте подразумевалось создание и местного курдского меджлиса, который имел бы право назначать губернатора напрямую, с одобрения правительства в Анкаре. Курдское национальное собрание должно было избираться прямыми выборами в курдских (восточных) вилайетах. Срок полномочий меджлиса – 3 года.

Предполагалось, что курдский меджлис должен начинать свою работу 1 марта и заседать 4 месяца. А в случае, если не успеет решить все поставленные на повестку вопросы, то по решению большинства членов курдского меджлиса и с одобрения губернатора, сроки его сессий могут быть продлены. Все решения курдского меджлиса должны способствовать развитию и прогрессу в регионе, и при этом все инициативы должны согласовываться с Анкарой. Именно за правительством в Анкаре, как следует из проекта автономии девяностолетней давности, оставалось решающее слово в спорах между губернатором и меджлисом. Определение границ будущей автономии входило в компетенцию специальной комиссии. Предварительно же в границы автономии включались вилайеты Ван, Битлис, Диярбакыр и Дерсимский санджак. Система правосудия в курдской автономии должна была быть организована так, чтобы она могла осуществляться как курдами, так и турками в соответствии с местными обычаями. Особо в проекте будущей автономии указывалось, что центральное правительство обязуется не вмешиваться в процесс сбора налогов, а поступающая

от них прибыль будет распределяться между Анкарой и курдской автономией на основании решения специально созданной совместной комиссии. Во главе местной жандармерии должен был находиться турок. При этом турецкий язык должен быть официальным языком ведения заседаний курдского меджлиса, а также делопроизводства в ведомстве губернатора, что, тем не менее, не исключало в дальнейшем возможности использования курдского языка в качестве официального. Подразумевалась и возможность преподавания в школах на курдском языке. В целом же меджлис автономного Курдистана ставился в зависимость от ВНСТ, с одобрения которого он мог принимать все свои решения. Стоит отметить, что автономия, о которой шла речь в начале 20-х годов прошлого века, подразумевала возможную автономию тех илов, которые существовали в Турции в 1921 г., т. е. до фактического провозглашения республиканского строя. При этом находящиеся в турецких архивах документы, в частности, протоколы, подписанные Мустафой Кемалем в Амасье 22 октября 1919 г. после переговоров с представителем правительства в Стамбуле в лице Салих-паши, говорится, что Ататюрк выступал категорически против отделения от Турции курдских областей, часть которых была оккупирована в тот момент англичанами, но при этом недвусмысленно признавал за курдами право на автономию¹¹.

Вопрос об автономном или полностью независимом от Турции Курдистане являлся ключевым во время восстания курдов в Кочгири в первой половине 1921 г. Незадолго до начала восстания – в ноябре 1920 г. вождями нескольких курдских племен в Кочгири, а также западного Дерсима на имя анкарского правительства Мустафы Кемала было направлено послание, в котором содержалось требование местных курдских вождей, «признающих власть правительства Стамбульского султаната», сообщить правительству Мустафы Кемала его точку зрения на вопросы местного самоуправления («мухтариата») Курдистана. Также в послании содержались требования немедленно освободить из тюрем Элязига, Сиваса, Малаты и Эрзинджана заключенных курдов¹².

Здесь стоит отметить, что в представлении курдских племенных вождей начала 1920-х гг., скорее всего, не существовало четкого разделения между понятиями автономии («мухтариата») и независимого государственного образования. Поэтому, по мнению некоторых турецких ученых, не без влияния англичан, стре-

мившихся отторгнуть обширный и нефтеносный Мосульский вилайет от Турции, уже через несколько дней курдские вожди Кочгири и Дерсима направили Великому национальному собранию на имя своих депутатов в парламенте следующую депешу: «Требуем отозвать всех турецких представителей органов власти из районов, населенных курдами, а также отозвать обратно вооруженные отряды, направленные в сторону Дерсима и Кочгири». А уже 25 ноября на имя представителей дерсимских курдов в Национальном собрании было направлено следующее сообщение: «На основании положений Севрского соглашения, требуем признать в качестве независимого Курдистана провинции Диярбакыр, Элязиг, Ван и Битлис, населенные по преимуществу курдами. В противном случае мы вынуждены будем прибегнуть к оружию»¹³. Нужно отметить, что большинство проживавших в Кочгири и Дерсиме курдов принадлежали к алевитам, в связи с чем, в отличие от других курдских племен, они не демонстрировали стойкой приверженности идее восстановления Халифата, которая на первых порах национально-освободительного движения являлась важным фактором, объединявшим суннитов (курдов и турок), которые поддерживали освободительное движение Мустафы Кемаля.

Расположенная в труднодоступном предгорном районе область Дерсим, получившая еще во время Первой мировой войны неофициальный статус автономного образования и населенная в первой половине XX в. в основном алевитами из представителей народности заза, язык которых близок иранской группе языков, указом Ататюрка была переименована в 1935 г. в Тунджели – по названию административного центра области. При этом в современной Турции для многих националистически настроенных курдов Дерсим до сих пор остается своеобразным историческим символом стремлений курдов к административной и культурной самостоятельности, даже несмотря на некоторую спорность принадлежности заза к курдам. Печальным результатом дерсимских восстаний 1937–1938 гг. стало то, что населявшие этот район курды, говорившие на наречиях заза и курманджи и являвшиеся в значительной части своей алевитами по вероисповеданию, были насильственно расселены в центральные районы Турции, причем среди представителей народности заза, говоривших на наречии, во многом отличном как от турецкого, так и от курдского языка, стала активно пропагандироваться мысль о том, что их народность является на самом деле ветвью турецкой расы. Немаловажную роль в уко-

ренении этой идеи сыграло и то, что основателем идеологии турецкого национализма модернистского типа, взятого на вооружение Ататюрком, был Зия Гёкальп, который по материнской линии происходил как раз из народности заза.

Нужно сказать, что подобные подходы в современной науке кажутся достаточно условными, поскольку некоторая сложность национальной (само)идентификации народности заза связана еще и с тем, что еще во времена Османской империи адепты алевизма открыто демонстрировали ту самую «самостийность» своих территорий, в которых благодаря присущему им религиозному самосознанию не признавалось верховенство власти Халифа. Не без влияния алевизма в османской и турецкой политической культуре возник и утвердился так называемый «принцип «такийя» (дословно «осмотрительность» или «утаивание»), по которому подданным халифа даровалось право сохранять «самостийность» религиозного сознания и соответствующий ему образ мыслей, демонстрируя преданность власти халифа лишь номинально. Отличительной особенностью алевизма было (и, пожалуй, остается) то, что религиозная идентификация в системе базовых ценностей у многих алевитов ставится выше, чем собственно национальная. При этом Ататюрк, стремившийся к скорейшей секуляризации республиканской Турции в 1920-е гг., вполне мог рассчитывать на политическую поддержку алевитов с их универсалистскими подходами к выстраиванию взаимоотношений с представителями различных конфессиональных групп. Однако при этом, по-видимому, либо не учитывалось, либо не принималось во внимание, что значительную часть алевитов составляли и те курды, которые считали заза своим родным языком так же, как и те, кто родным языком считал курманджи, а их националистические устремления никак не соответствовали той парадигме турецкого национализма, которая насаждалась центральной властью. Начавшиеся в середине 1930-х гг. в Дерсиме автономистские выступления курдов-алевитов вскоре переросли в серию крупных восстаний 1937–1938 гг.

В начале 1920-х гг., рассматривая возможность создания автономного или независимого образования на территории Курдистана, английский МИД стремился играть активную роль в деле налаживания связей с местными курдскими элитами, теми самыми «достойными представителями курдского народа», о которых шла речь в проекте автономии. Так, в начале 1920-х гг. последовательным сторонником создания автономного Курдистана вы-

ступал шейх Абдулкадир, бывший член верхней палаты первого и последнего меджлиса Османской империи, сын шейха Обейдуллы, руководителя ордена накшбандийя, восставшего в 1880 г. против центральной османской власти. Абдулкадир являлся руководителем Общества взаимопомощи Курдистана («Курдистан Теали Джемиети») – первой политической организации, выдвинувшей после окончания Первой мировой войны националистическую программу курдов. Кроме того, с 1919 г. он был также членом Партии свободы и гармонии («Хюрриент ве Итиляф фыркасы»), имевшей значительное число сторонников в меджлисе¹⁴. Будучи последовательным сторонником Халифата, он выступал за автономию в составе исламского государства. Автономизм в идеологии Абдулкадира выражался в лояльности идее Халифата, с одной стороны, но при этом неприятии централизованной власти султана. Возможно, поэтому у Абдулкадира имелось достаточно много разногласий с кемалистами, в первую очередь относительно секулярных принципов построения нового государства. Согласно имеющимся в британских архивах документам, Абдулкадир, не настаивая на независимом Курдистане, всячески апеллировал к необходимости автономного Курдистана в составе Турции, но под покровительством Великобритании. Его неприятие доктрин кемализма и открытое сотрудничество с Англией, а также поддержка восстания шейха Саида в 1925 г. под флагом независимого курдского государства превратили его для кемалистов в коллаборациониста. И после подавления восстания шейха Саида он был обвинен в государственной измене и повешен. Подавление курдского восстания под предводительством шейха Саида в феврале-апреле 1925 г. на многие годы похоронило идею автономного статуса курдов Турции.

В наши же дни основная задача правительства стоит в отделении курдского вопроса от влияния радикальной ПРК. В борьбе за курдов как за политический электорат с момента начала турецким руководством в лице ПСР демократических преобразований в сфере межэтнических отношений, получивших название «курдская инициатива», Партия рабочих Курдистана и ее политический сателлит – Партия мира и демократии (ПМД) оказались на острие борьбы в поддержку тех курдов, которые не являются сторонниками умеренных исламистов в лице ПСР¹⁵. Поэтому ПРК как политическая сила заинтересована в поддержке сепаратистских настроений в курдской среде, в то время как значительная часть курдских интеллектуалов и по-

литиков готова была оказать поддержку «курдской инициативе» правительства, цель которой заключалась в широкой общественной дискуссии по вопросам решения курдского вопроса в рамках гражданского общества.

Как писала главная «происламистская» газета Турции «Заман», по сути являющаяся одним из официальных рупоров ПСР, в качестве примера автономии курдов может быть рассмотрена унитарная Франция, разделенная на 22 провинции, имеющие свой собственный парламент. Другим примером, который более притягателен для курдских националистов, может служить Испания. Так, согласно 2-й статье Конституции Испании, принятой в 1978 г., «Основной закон опирается на неделимость нации всех испанцев и признает суверенный статус и право народов и провинций, образующих нацию, на такой статус». В третьей статье испанской конституции сказано: «Из языков Испании кастильский является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право пользоваться им. Остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных сообществах согласно их конституциям». Богатое языковое и диалектное разнообразие Испании является частью ее культурного наследия и пользуется особым уважением и защитой.

Если курдские националисты настаивают именно на испанской модели, то представители правительства в лице президента А. Гюля и премьер-министра Р.Т. Эрдогана с момента объявления о начале «курдской инициативы» в апреле 2009 г. помимо примера унитарной Франции нередко предполагали федерализм по немецкой модели. Так, по сообщению газеты «Заман», неназванный источник из Совета национальной безопасности (СНБ) Турции ссылаясь на то, что под «культурной автономией» подразумевается не деление на земли и провинции, а соблюдение культурного статуса наподобие того, который имеют проживающие в Германии турки. Иными словами, согласно мнению этого неназванного источника, соблюдение прав курдов (так же, как и турок в Германии) обеспечивается за счет таких мер, как право давать детям курдские имена, использовать при написании имен буквы “q, w, x”, которых нет в турецком языке, получать образование на своем родном языке и жить в соответствии с традициями своей культуры, включая право на радио- и телевидение на родном языке. Однако по справедливому мнению курдских националистов и сторон-

ников широкой территориальной автономии, такая позиция и такое сравнение оскорбительны, поскольку турки не являются автохтонным населением Германии, а курдские племена проживали в Восточной Анатолии еще тысячи лет назад.

В своем заявлении по поводу «курдской инициативы» президент Турции А. Гюль заявил, что проблемы в межэтнических отношениях внутри страны происходят по причине «разночтений в понимании демократических стандартов»¹⁶. И очевидно, что основной характеристикой при выработке понимания автономного статуса курдов Турции станет зарождение своей обособленной политической культуры, которая уже сейчас формируется благодаря политическим идеологиям основных политических партий, имеющих поддержку в среде курдских избирателей. А таких партий, пользующихся поддержкой избирателей в Восточной Анатолии, по сути две: это относящаяся к левому крылу политического спектра ПМД, выражающая наиболее националистические притязания курдского электората Турции, и формально происламистская ПСР, находящаяся сейчас у руля власти в стране. Сторонники курдской автономии опираются на административные и муниципальные органы на востоке Турции, занятые сторонниками ПМД, а это включая крупный город Диярбакыр, – главы еще 7 илов и 51 ильче. В идеологических взглядах наиболее радикальных курдских патриотов (таких, как Лейла Зана) в настоящее время, по-видимому, продолжает главенствовать принцип права наций на самоопределение, сформулированный еще Вудро Вильсоном в 1918 г. и поддержанный Сталиным. Именно признание этого принципа является основой для межнационального равенства, под которым подразумевается то, что нации сами вправе решать, входить ли им в состав уже существующего государства, создавать ли новое со статусом федерации или образовывать свое национальное государство. По мнению курдского исследователя левого толка Йилмаза Караташа, автора книги «Курдский вопрос и мирное демократическое решение», «этот принцип никак не может подразумевать отрицание существования курдов как отдельного народа в рамках единого государства, попыток растворить его под эгидой общего «туркизма»... в противном случае это ведет к сепаратизму курдов»¹⁷. В качестве наиболее радикальной демократической инициативы, направленной на решение курдского вопроса в Турции при сохранении принципа территориальной неделимости страны, может стать признание курдов как единой нации,

проживающей на смежных территориях Турции, Ирака, Ирана и Сирии с правом представительства и голоса в ООН в качестве крупнейшего народа, не имеющего собственной государственности. Подобный опыт имел место в времена существования СССР, когда входившие в его состав Украина и Белоруссия были представлены в ООН в качестве отдельных наций, наиболее пострадавших во время Второй мировой войны.

Возможно, главным контраргументом политического решения курдского вопроса в Турции остается утверждение о том, что пока неочевидно, чего на самом деле хотят сами курды. Позиции сторонников широкой курдской автономии достаточно сильны среди тех курдов, которые проживают в основном на юго-востоке страны (в таких илах, как Диярбакыр, Битлис, Ширнак и Сиирт). В то время как среди курдского электората исламистских сил идеи сецессионизма не находят поддержки. В качестве же исторического аргумента сторонников турецко-курдского единства нередко приводятся итоги битвы при Манцикерте (Малазгирте) 1071 г., когда турки-сельджуки при поддержке местных курдских племен нанесли поражение византийцам, открыв тем самым путь туркам к завоеванию всей Малой Азии. Это историческое событие многими умеренными курдскими националистами, такими, например, как писатель Яшар Кемаль, трактуется в качестве ключевого пункта начала исторического турецко-курдского единства.

Одной из основ курдской политики Турции сейчас считается тезис о том, что курдская проблема является внутренним делом страны. Поэтому вопрос, который беспокоит Анкару, вполне очевиден: способно ли создание курдской автономии в составе Турции привести к актуализации курдского фактора во всем регионе и созданию в итоге курдского государства? Возможно, это главный вопрос, который делает позицию правительства в отношении с курдами столь противоречивой и уязвимой. Так, националистически настроенные курдские депутаты, избранные в меджлис, отказались в июле 2011 г. присягать парламенту и конституции Турции, подчеркивая, что без принятия решения об автономии турецкого Курдистана смысла в такой присяге они не видят. Вопрос курдской автономии, таким образом, становится и инструментом и целью внутренней политики Турции, который тем не менее способен привести к актуализации и повышению роли курдского фактора в ближневосточном регионе в целом.

-
- ¹ Çakır, Ruşen. Türkiye'nin Kürt sorunu. İstanbul, 2004, c. 166.
- ² http://www.haberpanorama.com/news_detail.php?id=22234
- ³ <http://www.herdildeherrenkteisyan.org/zana-ozerklik-kurtlere-yetmiyor/>
- ⁴ <http://www.stargazete.com/politika/kurtler-in-iradesi-turkler-le-birlikte-yasamaktan-yana-haber-410182.htm>
- ⁵ Bayar Y. Atatürk Kürtlere özerklik için ne dedi // Hürriyet, 24.07.2011. – http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/18325308_p.asp
- ⁶ Там же.
- ⁷ http://kurdistan.ru/2011/12/16/articles-13501_Analitik_MKG_Turciy.html
- ⁸ Hürriyet, 21.07.2011.
- ⁹ <http://www.candundar.com.tr/>
- ¹⁰ Olson R. Kurds and Turks: Two Documents Concerning Kurdish Autonomy in 1922 and 1923 // Journal of South Asia and Middle Eastern Studies. Winter 1991. Vol. XV, No. 2, c. 20.
- ¹¹ Gazi Mustafa Kemal. **Nutuk**. Ankara, 2006, CI, c. 327.
- ¹² Nuri Dersimi. **Kürdistan Tarihinde Dersim**. İstanbul, 1994, c. 129.
- ¹³ http://tr.wikipedia.org/wiki/Koçgiri_İsyanı
- ¹⁴ Hakan Özoğlu. Kurdish Notables and the Ottoman State. Involving Identities, Competing Loyalties? And Shifting Boundaries. N.Y., 2004, c. 91.
- ¹⁵ <http://www.canthink.co.il/is-a-turkish-kurdistan-on-the-way.aspx>
- ¹⁶ Milliyet, 08.08.2010.
- ¹⁷ <http://www.ozgurlukdunyasi.org/arsiv/120-sayi-216/401-kurt-sorununun-cozumu-baglaminda-ukkth-ve-ozerklik>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

В 2001 г. экономика Турции пережила очередной финансово-экономический кризис, который представлял собой, по удачному определению российского экономиста В. Мау, «популистский бюджетный кризис, которых в XX веке были десятки».¹ Такого типа потрясения были свойственны и турецкой экономике на рубеже XX-XXI вв. Дело в том, что с конца 1980-х гг. стремившиеся повысить свою популярность мало устойчивые правительства Турции стали рассматривать дополнительные бюджетные расходы и связанные с ними бюджетные дефициты в качестве средства оживления потребительского спроса и экономики в целом.

Либерализация финансового рынка Турции открыла пути для использования краткосрочных иностранных займов в качестве источника финансирования бюджетных дефицитов. Агентские функции в этой схеме – функции привлечения иностранных займов для скупки высокодоходных государственных долговых обязательств – с удовольствием приняли на себя турецкие банки. В итоге благополучие экономики страны попало в зависимость от притока «горячих денег» из-за рубежа, отличающихся высокой мобильностью и чувствительностью к ухудшению экономической конъюнктуры местного рынка. Подобные методы поддержания экономического роста (точнее, перегрева экономики) неизбежно привели к кризису, который разразился в 1994 г.

Стабилизационные усилия властей в силу их недостаточной последовательности длительное время не давали результатов, а все достигнутые в 2000 г. первые положительные итоги были недостаточно прочными. Поэтому в 2001 г. Турция пережила очередной финансово-экономический кризис, обусловленный теми же причинами, что и кризис 1994 г.: сохранявшейся не-

сбалансированностью в сфере госфинансов и высокой степенью зависимости экономики от притока краткосрочных иностранных инвестиций, использовавшихся для финансирования дефицита.

Начавшаяся после кризиса 2001 г. реализация Программы построения сильной экономики Турции обеспечила первые признаки оживления, но ряд важнейших макроэкономических показателей по-прежнему свидетельствовал о сложной ситуации, сохранявшейся в стране в конце 2002 г.: инфляция по итогам года составила 45%, ставка по долгосрочным кредитам превышала 63%, дефицит бюджета превысил 14% ВВП, а госдолг – почти 80% ВВП страны.²

В ноябре 2002 г. происламская Партия справедливости и развития (ПСР) одержала свою первую победу на парламентских выборах. Успех ей обеспечили, среди прочих факторов, лозунги о повышении социальной ответственности государства и до некоторой степени критическое отношение к стабилизационным мерам, предлагавшимся МВФ, как противоречившим самой сути Турецкой Республики, по Конституции считающейся социальным государством. Поэтому суть экономической политики ПСР в качестве партии власти заключалась в достижении компромисса между проведением стабилизационной программы и более или менее активной социальной политикой, что должно было хотя бы отчасти обеспечить сохранение идентичности партии в процессе продолжавшегося сотрудничества с МВФ. При этом основными параметрами успеха сдерживающей фискальной и кредитно-денежной политики оставалось соблюдение согласованных с Фондом относительных размеров дефицита бюджета и уровня инфляции.

Уже к следующим парламентским выборам, прошедшим летом 2007 г., ПСР подошла с убедительными экономическими результатами.

На фоне заметного сокращения бюджетного дефицита отношение госдолга к ВВП снизилось почти вдвое. В итоге впервые за последние 34 года экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выражавшихся однозначной цифрой: по итогам 2007 г. она составила менее 9%. Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие темпы роста: в 2003–2006 гг. – 7,3%³. Итоги 2008 г. оказались более скромными, в основном из-за последнего «провального квартала», когда началось погружение

экономики Турции в глобальный экономический кризис: темпы роста турецкой экономики снизились до 0,7%⁴.

В 2009 г., ставшем пиком первой волны кризиса, Турция пережила падение темпов роста экономики, правда, оно было менее глубоким, чем в других странах – около 5%. Смягчению кризиса во многом способствовала успешно проведенная ранее реформа банковского сектора, которая позволила избежать банкротств и сохранить его в полном объеме. С 2010 г. в стране возобновился активный экономический рост, составивший почти 9%⁵. По итогам 2011 г. ВВП Турции вырос на 5%⁶.

В 2010 г. правительство отказалось от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, продемонстрировав тем самым свою возросшую экономическую самостоятельность и отсутствие необходимости в сохранении каких бы то ни было форм внешнего контроля. Отныне политика страны, ориентированная на поддержание макроэкономической стабильности, определяется трехгодичными программами среднесрочного развития. Они разрабатываются ежегодно, развивая и уточняя положения и задачи, поставленные предыдущей программой. По итогам 2010 г. дефицит бюджета равнялся 3,3%. По имеющимся оценкам, в 2011 г. он составил около 3% ВВП⁷, что подтверждает способность Турции к самостоятельному удержанию финансового баланса, по крайней мере, в условиях относительно благоприятной мировой конъюнктуры.

Продemonстрировав по итогам 2010 г. самые высокие среди стран ОЭСР темпы роста, Турция вышла на показатель подушевого ВВП в текущих ценах в 10 тыс. долл., а по объемам валового внутреннего продукта, исчисленного по паритету покупательной способности (1 трлн. долл.), заняла 16-ю позицию в мире⁸.

Правительство активно разрабатывает долгосрочные прогнозы развития страны, ориентируясь, в том числе, на дату 2023 г. – столетний юбилей республики. Предполагается, что к этой дате Турция войдет в число 10 крупнейших экономик мира.⁹

Поскольку, как неизменно подчеркивается в партийных документах, «основная цель экономической политики – повышение благосостояния и степени удовлетворенности народа», то особое место в политике ПСР уделяется борьбе с бедностью и неравномерностью в распределении доходов. Как отмечалось в правительственной программе 2011 г., разрыв в уровне доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных сократился с 18 раз в 2002 г. до 13 в 2009 г. Если в 2002 г. свыше 130 тыс.

человек в стране имели месячный доход менее 30 долл., то к 2009 г. таковых не осталось¹⁰.

Итак, какие же механизмы позволяют правительству ПСР достигать экономических успехов? Поддержание относительной сбалансированности между государственными доходами и расходами правительство обеспечивает посредством все большего сокращения инвестиционных расходов. В последние пять лет правления ПСР они составляют от 8 до 10% суммарных расходов бюджета, тогда как еще во второй половине 1990-х на них приходилось 15–20%¹¹. Но если в период 1990-х – начала 2000-х гг. их сокращение и удержание на низком уровне были неизбежными в связи с давлением процентных выплат по обслуживанию государственного долга, то успех стабилизации теоретически позволяет правительству возобновить активную инвестиционную деятельность, чего оно не делает на практике. В итоге в суммарном объеме инвестиций в национальную экономику доля государства сократилась с 32% в 2002 г. до менее чем 20% к концу первого десятилетия 2000-х гг.¹²

При этом власти не стремятся к заметному увеличению расходов на заработную плату госслужащих, как это было в 1990-е гг.: они удерживаются на стабильном уровне около 20% от суммарных расходов бюджета. Если длительное время основной статьей расходов «расстроеного» бюджета оставались процентные выплаты по госдолгу, то в результате усилий правительства по финансовой стабилизации и активизации социальной политики удельный вес расходов по статье «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь» в 2010 г. превысил расходы по обслуживанию долга, составив – 16,4 и 18,7% соответственно¹³.

Социальные расходы в бюджете выросли к 2010 г. по сравнению с 2002 г., по крайней мере, на 8–9 процентных пунктов.

Роста расходов требовало, во-первых, проведение реформы медицинского страхования с целью охвата всех граждан базовыми медицинскими услугами, включая не имеющих статуса официально занятых, то есть обеспечение всеобщего доступа к медицинским услугам на равных основаниях. При этом для всех, кто имеет доход выше уровня бедности, установлены обязательные страховые медицинские взносы (в размере 12% с суммы дохода, превышающего две минимальные зарплаты), тогда как за тех, кто имеет доход ниже установленного уровня (менее 1/3 минимальной заработной платы в расчете на члена

семьи), а также за детей и подростков в возрасте до 18 лет уплату взносов производит государство. Во-вторых, важнейшим компонентом государственной социальной политики является социальная помощь, т. е., государственное вспомоществование, оказываемое с учетом конкретных нужд получателя. Масштаб охвата социальной помощью только в 2010 г. составил 10 млн. человек¹⁴. Одним из основных каналов ее предоставления является Фонд социальной поддержки и солидарности¹⁵. Он был создан в 1986 г. В декабре 2004 г. в силу вступил закон № 5263, имевший целью укрепление организационной структуры Фонда социальной помощи и солидарности. Если ранее подготовкой его бюджета и распределением средств занимался генеральный секретариат, являвшийся подразделением в составе аппарата премьер-министра, то законом № 5263 для управления Фондом была создана дирекция при аппарате премьер-министра. Меры структурного укрепления Фонда, очевидно, были продиктованы стремлением правительства ПСР к дальнейшему расширению его роли и влияния в системе социальной поддержки населения. Особое отношение правительства к Фонду, по всей видимости, связано с целями и особенностями его функционирования, которые исключительно близки исламской риторике взаимопомощи и взаимной ответственности членов *уммы*. Турецкие авторы А. Бугра и Ч. Кейдер, отмечая связь концепции функционирования Фонда с прочными общественными устоями, объясняют его создание попыткой ответить на утрату семьей (в силу ее перехода от традиционной формы к нуклеарной) способности заботиться о родственниках. Они также отмечают, что в ходе парламентских дискуссий о создании Фонда его пытались представить как воплощение современной версии османской традиции благотворительности¹⁶.

По словам турецкого исследователя Х. Хаджимухамтуглу, «цель программ Фонда – оказать человеку социальную помощь буквально по месту проживания – в своем же квартале – и с применением максимально гибких подходов»¹⁷. Приближение Фонда к нуждам гражданина обеспечивает организация его деятельности через 973 вакфа-отделения, расположенных в каждом ильче страны, являющемся наиболее мелким территориальным подразделением.

Мобильность принятия решений об оказании социальной поддержки обеспечивает Фонду его статус одного из трех существующих в Турции на сегодняшний день внебюджетных

фондов. Основная часть доходов Фонда приходится на обеспечиваемые налоговыми поступлениями трансферты правительства, порядка одной десятой доходов формируется за счет поддержки различных бюджетных организаций. Благодаря своему статусу внебюджетного фонда использование его средств (хотя их поступления и обеспечиваются в основном за счет государства) не контролируется парламентом, а только одобряется премьер-министром и советом Фонда. На этом основании турецкий исследователь З. Ониш отнес Фонд к неформальным каналам предоставления помощи, роль которых особенно важна в условиях бюджетных ограничений, то есть ограничений на использование формальных каналов перераспределения¹⁸.

Гибкость деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности, его способность оперативно и точно отвечать на конкретные нужды достигается через многообразие форм предоставляемой им помощи, о чем позволяет судить структура его расходов. К числу основных статей относятся: расходы на оказание периодической помощи (предназначены для удовлетворения самых разнообразных текущих потребностей нуждающихся граждан), расходы на медицинскую помощь (оплата лечения в больницах, лекарств, использования медицинских материалов и инструментов в основном для лиц, не охваченных каким бы то ни было видом медицинского страхования), помощь инвалидам (оплата протезов, специальных транспортных средств и медицинского оборудования), расходы по обучению профессиональным навыкам и повышению занятости, расходы на образование (выплата стипендий нуждающимся студентам), помощь семьям (продовольственная помощь, оказываемая в канун религиозных праздников Курбан-байрам и Рамазан-байрам, обеспечение углем и пр.), помощь в случае чрезвычайных ситуаций (землетрясение, пожар, наводнение и пр.), трансферты Министерству национального образования на компенсацию расходов по бесплатному обеспечению учебниками, организацию бесплатных обедов для учащихся и др., расходы по обеспечению жильем малоимущих граждан.

Стоит остановиться на некоторых направлениях деятельности Фонда. А. Бугра и Ч. Кейдер отмечают в качестве важной особенности деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности в период пребывания у власти ПСР значительное увеличение расходов на проекты по увеличению занятости. По оценкам А. Бугра и Ч. Кейдер, в 2003 г. около 1,5% средств

Фонда были использованы на такого рода проекты, а в первой половине 2004 г. – уже 6%. Авторы уточняют, что речь идет о финансировании некоторых программ профессиональной подготовки, кредитах мелким предприятиям и сельскохозяйственных кредитах в рамках проектов социальной поддержки в сельской местности. Комментируя рост такого рода расходов Фонда, А. Бугра и Ч. Кейдер пишут: «Возрастающее значение данных статей в общих расходах Фонда отражает взгляд, согласно которому социальная поддержка должна быть обусловлена участием в производственной деятельности. И действительно, на правительственном уровне неоднократно подчеркивалось, что социальная поддержка в форме не связанных какими-либо условиями грантов создает опасность роста иждивенчества и толкает получателя к пассивности. «Учить людей удить, а не давать им рыбу», – излюбленный слоган чиновников, ответственных за социальную политику, для которых «право на доход» остается преимущественно чуждой концепцией»¹⁹.

В рамках нынешней структуры расходов Фонда осуществляется финансирование так называемых общих проектов, связанных с получением профессиональной подготовки и повышением занятости, а также проектов, пользующихся социальной поддержкой в сельской местности. В структуре первых выделяются проекты, нацеленные на обеспечение прибыли (бизнес-проекты), проекты по предоставлению социальных услуг и интегрированные проекты, взаимно обеспечивающие и поддерживающие реализацию друг друга. Самым крупным направлением расходов при финансировании общих проектов являются именно бизнес-проекты. Фондом поддерживаются и проекты, нацеленные на то, чтобы удовлетворить общественные потребности граждан, пребывающих в нужде, и при этом обеспечить их интеграцию в общество и экономику в качестве активных производителей и получение ими устойчивого дохода; и проекты по созданию занятости в городах или налаживанию соответствующего природным условиям стабильного производства продукции в сельской местности. Иными словами, цель бизнес-проектов – поддержать долговременные виды деятельности, которые обеспечили бы нуждающемуся индивиду или целой семье средства к существованию, а впоследствии – прибыль. Реализуемые проекты должны по техническим и экономическим характеристикам отвечать местным условиям, иметь производственную нацеленность, носить достаточно тру-

доемкий характер, а производимые товары или услуги должны пользоваться спросом на местном рынке. На реализацию подобного рода проектов в расчете на одного участника выделяется беспроцентный кредит в объеме 15 тыс. лир. сроком на 8 лет. На протяжении первых двух лет использования кредита погашение не производится. В последующие шесть лет кредит погашается равными долями. В зависимости от рода избранной деятельности срок кредита может быть увеличен. Например, для проектов, связанных с плодоводством, он составляет 11 лет. При намерении получателя использовать кредит на животноводческий проект сумма кредита может быть увеличена – до 50 тыс. лир для овцеводства, до 150 тыс. лир – для молочного животноводства²⁰.

Во второй половине 2000-х годов расходы на поддержку бизнес-проектов уверенно росли параллельно с числом самих проектов и численностью их участников. Снижение числа проектов в 2009 г. было компенсировано некоторым ростом объемов поддержки, хотя и не таким заметным, как в 2008 г. Но здесь следует иметь в виду, что 2009 г. стал годом кризиса для турецкой экономики (См. табл.).

Таблица

**Масштабы поддержки бизнес-проектов
Фондом социальной поддержки и солидарности**

Год	Число проектов	Численность участников	Объем полученных средств (тур. лир)
2007	2 535	4 251	25 462 829
2008	4 018	7 782	57 167 844
2009	3 398	7 869	66 879 814

Составлено по: T.C. Basbakanlik Sosyal Yardimlasma ve Dayanisma Genel Mudurlugu. 2010 Yili Faaliyet Raporu. Ankara, 2011, с. 75.

Еще одно важное направление деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности – обеспечение жильем малоимущих горожан. Для понимания его социальной значимости следует упомянуть о некоторых особенностях хода урбанизации в Турции. Этот процесс, начавшийся во второй половине XX в., имел не столько постепенный характер, инициировавшийся развитием индустриализации, сколько лавинообразный

(в 1950 г. в городах проживала лишь четверть населения страны, а в 1960 г. – уже треть, в 1985 г. – свыше половины, а в начале XXI в. – две трети). Поскольку темпы роста численности горожан существенно опережали темпы роста турецкой промышленности, мигранты формировали преимущественно не рабочий класс, а маргинальные городские слои, которые селились в быстро разраставшихся кварталах, состоявших из наскоро сооруженных хижин. В скором времени в крупных турецких городах возникла острая жилищная проблема, обусловленная значительным числом граждан, которые обитали в абсолютно не приспособленных жилищах.

Многочисленность новых городских маргиналов сделала их важной электоральной силой с абсолютно простой и очевидной для политиков основной потребностью – потребностью в жилье. Активно использовать эту социальную группу в политической игре начали еще в период пребывания на посту премьер-министра Т. Озала (1983–1989 гг.). В 1984 г. была создана Администрация по делам жилищного строительства и общественного акционирования при одноименном Совете. В ее функции входило осуществление программы приватизации и финансирование государственных проектов в сфере производственной инфраструктуры и жилищного строительства. За период с 1984 по 1987 гг. около 950 тыс. турецких граждан воспользовались возможностью получить жилищные кредиты, предоставлявшиеся Фондом²¹. В итоге в стране получило существенный импульс к развитию кооперативное строительство.

В 1990 г. было принято решение о разделении Администрации по делам жилищного строительства и общественного акционирования на два отдельных органа – Администрацию по делам жилищного строительства (Toplu Konut İdaresi, TOKİ) и Администрацию общественного акционирования. После выборов 2002 г. значимость TOKİ заметно возросла. Парламент принял 10 различных документов, обеспечивших TOKİ организационные и юридические полномочия по преобразованию ландшафта городов страны. Так, в распоряжение администрации на безвозмездной основе было передано 64,5 млн. кв. м земли для реализации программы жилищного строительства. TOKİ была выведена из состава Министерства общественных работ и поселений и передана в подчинение Администрации премьер-министра, что обеспечило ей большую автономию и свободу действий. О небывалой интенсификации деятельности

ТОКІ говорят следующие цифры. С начала деятельности Администрации с 1984 г. по 2009 г. было завершено или находилось в стадии строительства 433 тыс. единиц жилья, из которых лишь 43 тыс. пришлось на 17-летний период с 1984 по 2001 г.²²

Между Фондом социальной поддержки и солидарности и ТОКІ действует Протокол о строительстве социального жилья, на основе которого Администрация осуществляет строительство на возмездной основе для лиц, имеющих право на поддержку Фонда. Цель протокола – обеспечить базовые жизненные потребности в жилье бедных и нуждающихся граждан, предоставив им достойные человека условия существования. Речь идет об обеспечении их двухкомнатными квартирами (1+1) общей площадью 45 кв.м. Общая стоимость проекта «Социальное жилье» – 500 млн. турецких лир – финансируется Фондом социальной поддержки и солидарности. Получение жилья не обусловлено первоначальным взносом, предоставлением залога или поручительства третьих лиц. Оплата производится на протяжении 20 лет, получатель жилья даже при выплате полной суммы стоимости на протяжении 10 лет не имеет права передавать жилплощадь в собственность другому лицу или сдавать в аренду. За период с 2003 г. по начало 2011 г. число получателей социального жилья составило 139 тыс. человек²³.

Заметим, что деятельность ТОКІ не ограничивается лишь социальным жильем для Фонда социальной поддержки и солидарности. Более многочисленной группой его клиентов являются лица с некоторым, хотя и невысоким уровнем дохода, определяемым как средний или низкий, которые не могут приобрести жилье на рыночных условиях. В зависимости от конкретного уровня благосостояния они оплачивают от 10 до 40% стоимости жилья в качестве первоначального взноса, в то время как остальная сумма погашается в период от 84 до 240 месяцев. При этом реальный процент по жилищному кредиту остается нулевым. Сумма долга лишь корректируется в соответствии с уровнем инфляции, который измеряется уровнем индексации заработной платы рабочих государственных предприятий. Таким образом, считается, что доля выплат за приобретенное жилье остается неизменной в доходах домохозяйства. В отчете ТОКІ было заявлено о 195 тыс. получивших жилье к 2011 г. из числа лиц со средним и низким доходом²⁴.

При большом разнообразии видов социальной помощи, основная их часть направлена на поддержку малоимущих и

околомаргинальных слоев. По мнению турецких исследователей, нововведение ПСР в области социальной политики состоит в ее трансформации из «инструмента ослабления влияния бедноты» в инструмент, обеспечивающий неуклонный рост симпатий маргиналов к властям на фоне заметного увеличения объемов помощи и роста масштабов охвата. Как результат – правительство обеспечило себе надежные позиции среди «своего» избирателя и гарантии от развития сценария по образу и подобию Египта и других оказавшихся «неспокойными» арабских государств.

В результате отмеченных изменений в структуре расходов бюджета инвестиционный процесс в Турции оказался передоверен частному сектору, а факторы экономического роста сместились с растущего потребительского спроса в период бюджетных дефицитов 1990-х на инвестиции. И хотя в рамках данной модели удалось добиться повышения нормы инвестиций с 16,5% в 2002 г. до 25,2% в 2007 г.,²⁵ значительную роль в процессе их финансирования играли и продолжают играть внешние источники. В 2002 г. дефицит по счету текущих операций платежного баланса имел более чем скромные значения – около 1,5 млрд. долл. Неуклонно повышаясь на протяжении 2000-х гг., он достиг в 2008 г. 42 млрд. Снизившись в кризисном 2009 г., по итогам 2010 г. он превысил предкризисный уровень, достигнув 49 млрд. долл.²⁶

В перспективе смещение акцента в осуществлении внешних займов вслед за инвестированием на частный сектор может обеспечить ставшую крайне актуальной в последнее время структурную перестройку турецкой экономики – ее переход на новый уровень экспорториентированного развития, цель которого состоит в переключении на производство более высокотехнологичной продукции. В случае успеха можно ожидать и решения проблемы сокращения дефицита по счету текущих операций. В 2009 г. доля высокотехнологичных товаров в экспорте обрабатывающей промышленности Турции составила всего 3,5% против среднего показателя для стран ЕС в 19% (2008). Еще в 2002 г. этот показатель составлял 6,2%. Правда, 2009 г. как год пика первой волны глобального кризиса вряд ли всецело может считаться репрезентативным. Однако доля товаров среднетехнологичного экспорта выросла за эти же годы с 47% до 65%²⁷. Планы и программы экономического развития Турции в последнее время неизменно включают стратегическую

задачу «обеспечения сдвига в пользу производства продукции с высокой добавленной стоимостью». Судить о достижениях Турции в данной области позволяют следующие примеры. 28 сентября 2011 г. – день военно-морского флота Турции – был отмечен спуском на воду фрегата «Хейбелиада». Это первый боевой корабль, который спроектировали турецкие специалисты и система вооружений которого полностью произведена турецкой оборонной промышленностью в рамках реализуемого с 2004 г. проекта Национального кораблестроения (Milli Gemî Projesi, MILGEM). По заявлению турецкого премьер-министра Р.Т. Эрдогана, «произведя первый национальный боевой корабль, Турция вошла в число 10 мировых держав, осуществляющих проектирование и строительство такого рода военной техники».

Эрдоган также обратил внимание на то, что уровень самообеспечения Турции по вооружению и военному оснащению на сегодняшний день составляет 50%. При этом объем экспорта Турции по данным статьям превышает 1 млрд. долл. За период с 2004 г. Турция в ряду стран, осуществляющих наибольший объем импорта вооружения, с 6-й позиции опустилась на 14-ю, а по экспорту продукции военного назначения поднялась в мировом рейтинге с 27-й на 21-ю позицию. Премьер-министр также объявил о полной готовности базы для начала производства турецкого танка «Алтай» и о начале испытаний турецкого беспилотного самолета «Анка» (способен совершать полеты на высоте 10 тыс. метров, оставаясь в воздухе 24 часа), о завершении проектирования турецкого военного вертолета «Атак». «К 2023 г. – столетнему юбилею республики – мы достигнем превращения Турции в страну, производящую и экспортирующую свои винтовки, пушки, танки, вертолеты, самолеты, беспилотники», – резюмировал Р.Т. Эрдоган.²⁸

«Технологическое» честолюбие Эрдогана не обошло и такой важный вопрос национальной гордости, как производство собственного турецкого автомобиля по образу и подобию Индии или Ирана. Подобное пожелание премьер-министр высказал в начале 2011 г. в своем выступлении на 40-м заседании Генерального совета Союза турецких предпринимателей и бизнесменов, объединяющего наиболее крупных представителей национального бизнеса. К концу сентября Союз производителей автомобильной продукции разработал и предложил на рассмотрение министра науки, промышленности и технологии Н. Эргюна доклад о возможности реализации данного проекта.

В нем признавалось, что Турция, где автомобилестроение существует уже 40 лет и производится (собираются) в партнерстве с иностранными компаниями 13 моделей легковых автомобилей, с точки зрения производственной базы, квалификации рабочей силы и наличия вспомогательных производств способна наладить выпуск собственного автомобиля. Приблизительная стоимость модели, рассчитанной на средний класс, оценивалась в 20 тыс. турецких лир (несколько больше 10 тыс. долл.), суммарные необходимые инвестиции, включая рекламные и маркетинговые расходы – в 3,4 млрд. евро. Но в случае поддержки государства и при предоставлении соответствующих льгот инвестиционная стоимость проекта может оказаться ниже. Как отмечалось в докладе, производство в объеме 200 тыс. штук можно наладить уже через 48 месяцев²⁹.

Важной предпосылкой успеха актуальной для Турции структурной перестройки экономики является растущий уровень образовательной подготовки населения страны. Так, уровень охвата базовым средним образованием (средним образованием первой ступени) повысился с 32% в 1998–1999 учебном году до 48% в 2009–2010 г., уровень охвата средним образованием второй ступени вырос с 25% до 36% (целевая установка стран ЕС по данному показателю составляет 85% – Н.У.). Заметны положительные сдвиги и в системе высшего образования: уровень охвата повысился с 9% в 1998–1999 учебном году до 36% в 2009–2010 г.³⁰ О своем вкладе в обеспечение положительных тенденций в сфере образовательной подготовки населения Турции с гордостью говорит правящая партия. В программе сформированного по итогам выборов 2011 г. правительства ПСР отмечалось, что за период с 2002 по 2011 гг. в стране было построено 163 тыс. новых школ, впервые в истории республики начался переход к бесплатному обеспечению учебниками учащихся начальных и средних школ, количество университетов выросло с 76 до 165, их бюджет увеличился в пять раз, составив в 2011 г. 11,5 млрд. турецких лир (около 8 млрд. долл. – Н.У.)³¹.

Тем не менее пока Турция, как и большинство стран с растущими рынками, по-прежнему в значительной мере зависит от степени интереса «мировых денег» к инвестированию в ее экономику. Большую, в том числе стабилизирующую, роль в развитии Турции в предкризисный период играли резко возросшие прямые иностранные инвестиции: в 2007 г. Турции удалось привлечь свыше 22 млрд. (максимальный показатель). Но по-

сле кризиса в 2010 г. их объем равнялся всего 9 млрд.³² Как ожидается, по итогам 2011 г. их объем составит 12 млрд. долл.

В остальном же потребности национальной экономики во внешних источниках финансирования удовлетворяются за счет кредитов, привлекаемых частными фирмами, занятыми производством товаров и услуг. В 2003 г. этот показатель был 4,7 млрд. долл., а в 2008 г. достиг своего пика в 33,8 млрд. долл.³³

Внешний долг страны вырос с 144 млрд. долл. в 2003 г. до 290 млрд. в 2010 г., хотя его отношение к ВВП снизилось с 47 до 39%.³⁴

Итак, достигнув макроэкономической стабильности и обеспечив на ее фоне довольно устойчивый рост, правительство ПСР не сумело решить основной проблемы турецкой экономики – преодолеть зависимость процесса экономического развития от внешних источников финансирования. Более того, за время правления ПСР эта зависимость заметно усилилась. Основная новация в сфере экономической политики заключается в перемещении финансовой несбалансированности, а значит, связанных с этим рисков из сферы государственных финансов в реальный сектор Турецкой экономики. Ограничив свои расходы и вмешательство в производство, правительство не без успеха сосредоточилось на решении социальных проблем беднейших слоев – одной из наиболее активных частей своего электората.

Основным субъектом, осуществляющим производственную деятельность и использующим внешние займы для ее финансирования, становятся турецкие частные компании. В этой ситуации чрезвычайно важен вопрос их финансовой устойчивости как с точки зрения доступности новых займов, так и погашения старых. Стабильное развитие турецкой экономики оказалось важной предпосылкой для увеличения притока внешнего финансирования через такой канал, как прямые иностранные инвестиции. В то же время высоким остается уровень кредитной зависимости, что порождает неуверенность в экономическом будущем страны, особенно в условиях второй волны глобального кризиса.

¹ May В. За будущий подъем заплатят держатели долларов // Известия, 07.07.2008.

-
- ² TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009, с. 169–170.
- ³ Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam (Предвыборная декларация Партии справедливости и развития). Ankara, Haziran 2007, с. 47, 31 // www.akparti.org.tr; TOBB. Ekonomik Rapor 2010. Ankara, 2011, с. 144.
- ⁴ TOBB. Ekonomik Rapor 2010, с. 144.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Economist Intelligence Unit. Country Forecast. Turkey. London, April 2011, с. 1. / www.eiu.com
- ⁷ Economist Intelligence Unit. Country Forecast. Turkey. April 2011, с. 1; TOBB. Ekonomik Rapor 2010, с. 144.
- ⁸ 61. Hükümet Programı (Программа 61-го правительства Турции). Ankara, 2011, с. 17.
- ⁹ Ibid., с. 18.
- ¹⁰ Ibid, с. 16, 45.
- ¹¹ См., UCCET. Economic Report 1997. Ankara, 1998, с. 68; TOBB. Ekonomik Rapor 2003. Ankara, 2004, с. 78; UCCET. Economic Report 2004, Ankara, 2005, с. 79; TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006, с. 78; TOBB. Ekonomik Rapor 2007. Ankara, 2008, с. 83; TOBB. Ekonomik Rapor 2009. Ankara, 2010, с. 77; TOBB. Ekonomik Rapor 2011., с. 88.
- ¹² TUIK. İstatistik gostergerler 1923–2008. Ankara, 2009, с. 746.
- ¹³ TOBB. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, с. 84; TOBB. Ekonomik Rapor 2009. Ankara, 2010, с. 82; TOBB. Ekonomik Rapor 2010, с. 92.
- ¹⁴ 61. Hükümet Programı. Ankara, 2011, с. 45.
- ¹⁵ Более точное название Фонда в переводе – Фонд социальной помощи и поощрения солидарности (Sosyal Yardımlaşma ve Dayanışma Teşvik Fonu).
- ¹⁶ Bugra A., Keyder C. Povetry and Social Policy in Contemporary Turkey. Bogazici Universitesi Social Policy Forum. January 2005, с. 30 // <http://www.spf.boun.edu.tr/docs/WP-Bugra-Keyder.pdf>
- ¹⁷ Hacımahmutoğlu H. Türkiyedeki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlık Tezleri. Ankara, DPT, 2009, с. 126.
- ¹⁸ Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey. Revised Draft-December 2008. Istanbul, 2008, с. 23 // http://home.ku.edu.tr/~zonis/m_politics.pdf
- ¹⁹ Bugra A., Keyder C. Povetry and Social Policy in Contemporary Turkey..., с. 30.
- ²⁰ T.C. Başbakanlık Sosyal Yardımlaşma ve Dayanışma Genel Müdürlüğü. 2010 Yılı Faaliyet Raporu. Ankara, Strateji Geliştirme Müdürlüğü. Mali Hizmetler Birimi, 2011, с. 72.

²¹ Building Turkey's Future. TOKI Corporate Profile 2008/2009. Ankara, Republic of Turkey. Prime Ministry Housing Development Administration of Turkey, 2009, c. 9 //

http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI_book_sec_en.pdf

²² Ibid.

²³ Gelecegin Turkiye'sini Insa Ediyoruz. TOKI Kurum Profili 2010–2011. Ankara, T.C.Basbakanlik. Toplu Konut Idaresi Baskanligi, 2011, c. 22 //

<http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI'11TRK.pdf>

²⁴ Ibid.

²⁵ TUIK. İstatistik gostergeler 1923–2008. Ankara, 2009, c. 746; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009, c. 34.

²⁶ TOBB. Ekonomik Rapor 2003. Ankara, 2004, c. 109; TOBB. Ekonomik Rapor 2010, c. 145.

²⁷ DPT. Docuzuncu Kalkınma Planı (2007–2013). 2011 Annual Program. Ankara, 2010, c. 164.

²⁸ Milliyet, 28.09.2011.

²⁹ Hürriyet, 29.09.2011; Sabah, 30.09.2011.

³⁰ Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme (2011–2013). Ankara, 2011, c. 164.

³¹ 61. Hükümet Programı, c. 37–38.

³² TOBB. Ekonomik Rapor 2009, c. 109; TOBB. Ekonomik Rapor 2010, c. 118.

³³ TOBB. Ekonomik Rapor 2009, c. 107.

³⁴ TOBB. Ekonomik Rapor 2009, c. 136; TOBB. Ekonomik Rapor 2010, c. 145.

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ТУРЕЦКОГО ОПЫТА
РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ПОСТСОВЕТСКИМ ТЮРКОЯЗЫЧНЫМ ГОСУДАРСТВАМ**

Становление новых государств, возникших после распада СССР, повсеместно сопровождалось экономической либерализацией – сломом существовавшего централизованного хозяйственного механизма, основанного на госсобственности и административных (директивных) формах управления. Перевод на рыночную, конкурентную основу стал необходимым условием преодоления неэффективности действовавшей в Советском Союзе в течение десятилетий экономической системы как за счет предоставления свободы частной инициативе и предпринимательству, так и расширения включенности в мировое хозяйство и адаптации к его требованиям.

В подавляющем большинстве постсоветских государств в зависимости от объективных и субъективных факторов, особенностей и конкретных условий этот процесс протекает по-разному и пока далек от завершения. Но уже теперь налицо различия в результатах, достигнутых новыми государствами за истекшие годы: темпах роста ВВП и его среднедушевых показателях, структурных изменениях в экономике, в масштабах и характере включенности в мировое хозяйство, в состоянии социальной сферы, уровне и качестве жизни.

Как известно из опыта развитых и развивающихся стран, формированию рыночных экономик, как правило, предшествует достаточно длительный подготовительный период.

Это хорошо видно на примере Турции, где еще до принятия т.н. пакета мер 24 января 1980 г., которые положили начало созданию правовой базы для перевода закрытой этатистской экономической системы на открытую, рыночную основу, были уже достаточно подготовлены предпосылки для подобной трансформации.

С первых лет Республики турецкое государство проводило курс на вытеснение иностранного капитала и поддержку национального частного предпринимательства. В 60–70-е годы XX в. его развитие достигло такого уровня, когда началось формирование многоотраслевых холдингов. Частный сектор занял прочное положение в банковской системе, в легкой промышленности, не говоря уже о торговле, сельском хозяйстве и сфере услуг, в которых частное предпринимательство изначально доминировало. Именно в этих отраслях происходило накопление капиталов, которые послужили основным источником постепенного роста частных инвестиций в промышленность и другие современные отрасли хозяйства.

Во второй половине XX в. соотношение в турецкой экономике позиций государственного и частного секторов уже характеризовало ее как смешанную.

В то же время государство, которое в предыдущие десятилетия непосредственно своими средствами и силами вело предпринимательскую деятельность, направленную на преодоление экономического отставания и зависимости, формирование основ национальной экономики, ее индустриализацию и модернизацию, оставалось монополистом в целом ряде отраслей производства и обслуживания. В их число входили добывающая промышленность, черная и цветная металлургия, транспорт, связь, энергетика и многие другие инфраструктурные объекты.

Монополия государства в ключевых отраслях хозяйства сочеталась с его экономическим регулированием, особенно жестким в сферах внешнеэкономической и банковской деятельности, ценообразования; сохранялись ограничения на поступление и деятельность в стране иностранного частного капитала. Однако многие меры, прежде вводившиеся для защиты национального предпринимательства от внешней конкуренции, создания тепличных условий для его становления и роста, теперь сковывали частную инициативу, ограничивали возможности частных компаний для выхода на мировые рынки, расширения производственных связей с зарубежным бизнесом, использования новейших зарубежных технических достижений, что, в конечном счете, становилось тормозом общего поступательного развития страны.

Основные направления начатой в 80-е годы либерализации и открытия турецкой экономики включали:

- свертывание производственной деятельности государства и ограничение ее преимущественно капиталоемкими отраслями инфраструктуры;
- проведение приватизации государственных предприятий и допуск частного сектора к участию во всех основных экономических и социальных сферах и проектах;
- ограничение государственного вмешательства и регулирования в экономике, в первую очередь в сфере внешних экономических связей. За государством было оставлено выполнение перераспределительных функций средствами бюджетной и налоговой политики и осуществление общегосударственного индикативного планирования в соответствии с принятой стратегией развития. Последняя предусматривала проведение комплексных мер для стимулирования вложений частных инвестиций в приоритетные отрасли, а также меры по поддержке малого и среднего бизнеса, снятие ограничений на поступление в страну прямых иностранных инвестиций.

Тем не менее, несмотря на наличие объективных предпосылок для перевода турецкой экономики на рыночные основы, давление и оказание финансовой поддержки МВФ и других международных организаций и отдельных стран, этот процесс протекал болезненно и неравномерно. Проведение некоторых реформ и преобразований растянулось более чем на десятилетие, что в известной степени позволило избежать крайностей шоковой терапии. На начальном этапе они нередко осуществлялись методом проб и ошибок, постоянно тормозились (особенно после установления в сентябре 1980 г. военного режима) и нередко саботировались. Наибольшая острота противодействия рыночным преобразованиям была связана с подготовкой к приватизации государственных предприятий, которые в течение многих лет выполняли не только экономические, но и социальные функции. Их разгосударствление затрагивало интересы как влиятельной бюрократии госсектора, так и широких слоев населения, судьбы которого так или иначе были с ним связаны.

Несмотря на полученное Турцией в начале текущего века международное признание в качестве страны с рыночной экономикой, приватизация ее огромного государственного хозяй-

ства все еще остается до конца не завершенной; продолжается и устранение отдельных институтов, не отвечающих рыночным требованиям.

Тем не менее усилия, затраченные на перевод турецкой экономики на рыночную модель – отказ от государственной монополии, раскрепощение частного сектора, снятие ограничений на поступление частных иностранных инвестиций, превращение национального хозяйства в открытую систему и т.д., – принесли свои плоды. В истекшие годы, особенно в первом десятилетии текущего века, наблюдается заметное повышение эффективности и устойчивости турецкой экономики, постепенное ослабление ее финансовой зависимости. Новые возможности, открывшиеся перед турецким частным сектором, вместе с ростом поступления иностранных инвестиций способствовали внедрению в экономику передовых технических средств и технологий, созданию новых внутренних и внешних источников накопления и экономического роста. Турция в последние десятилетия смогла укрепить свои позиции в мировом хозяйстве, повысить качество и конкурентоспособность своих товаров и услуг.

В то же время процесс либерализации турецкой экономики имел существенные и далеко не однозначные социально-экономические последствия, оказавшие влияние на политическую жизнь и динамику турецкого общества. Внутренние и внешние условия, складывающиеся при форсированном переводе экономики любой страны на рыночную основу, как правило, сопровождаются, особенно на начальной стадии, снижением уровня жизни значительной части населения, углублением имущественной и общественно-политической поляризации. В Турции этот процесс создал почву для оживления и активизации происламских сил, которые фактически возглавили протестные настроения в стране. На их волне наибольшей популярности и политического успеха добилась Партия справедливости и развития (ПСР), которая наряду с приверженностью умеренному исламу сохраняет преданность традиционному кемалистскому курсу на европеизацию Турции. С приходом ПСР к власти рыночные преобразования, в том числе приватизация, более всего вызвавшая протесты и саботаж турецкой бюрократии и профсоюзов, заметно продвинулись. Во многом это было связано с подготовкой страны к вступлению в полные члены Евросоюза и проведением политики по гармонизации турецких правовых и экономических институтов с институтами Сообщества.

Совсем иными, предельно ограниченными возможностями для перевода своих экономик на рыночные рельсы располагали новые государства, образовавшиеся в результате распада Советского Союза.

Особенностью рыночных реформ, программа которых была разработана ведущими российскими экономистами еще накануне, а реализация начата в условиях получения независимости непосредственно после распада СССР, было то, что они проводились при полном отсутствии необходимых для этого условий – имелся лишь колоссальный, созданный трудом поколений и принадлежавший государству хозяйственный комплекс и обслуживавший его персонал, который в своей деятельности руководствовался директивными указаниями центра в соответствии с принятыми установками политэкономии социализма. В советский период частное предпринимательство не только отсутствовало, но было наказуемым. Ограниченный характер имела даже собственность на личное имущество.

В России проблема перевода экономики на рыночную основу была существенно осложнена, как ныне общепризнанно, тем, что «вопрос об оптимизации хозяйственных форм, очередности и сроков преобразований не был даже поставлен, а реформа хозяйственного механизма приобрела характер тотальной приватизации и обвальной дерегуляции»¹. Вследствие этого реформа, которая, казалась бы, «должна была облегчить выход экономики из кризиса, превратилась в мощный тормоз ее развития. А массовая приватизация сразу же приняла форму «прихватизации», т.е. дикого грабежа народной собственности»².

Что же касается вновь образованных постсоветских государств Южного Кавказа и Центральной Азии с тюркоязычным населением, то они, как известно, оказались под опекой исторически и этнически близкой им Турции, которая одной из первых признала их независимость, учредила там свои представительства, организовала поставки гуманитарной помощи, стала налаживать с ними торговлю и другие хозяйственные связи, рассчитывая в будущем на их политическое объединение под своей эгидой. В орбиту Турции были включены: на Южном Кавказе – Азербайджан и Грузия, в Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. При проведении рыночных преобразований большинство этих стран, особенно на начальном этапе, ориентировалось на «турецкую

модель» с использованием турецкого опыта, финансовой и технической помощи.

Соответственно в число задач созданного в январе 1992 г. Турецкого Агентства по сотрудничеству и развитию (ТІКА), согласно 3-му параграфу его устава входило «оказание содействия в период перехода к свободной рыночной экономике». Уже вскоре ТІКА разработало специальную программу по оказанию содействия и помощи вновь образованным тюркоязычным государствам при подготовке рыночных реформ и проведения институциональных и инфраструктурных преобразований для формирования экономической и правовой среды, отвечающей требованиям перевода хозяйства на рыночную основу и включения в мирохозяйственную систему.

Подготовка к реформам, которая была начата в большинстве стран региона Южного Кавказа и Центральной Азии уже в первой половине 90-х годов, велась ускоренными темпами, в том числе для создания необходимых правовых условий для налаживания двусторонних торгово-экономических связей и благоприятного режима для поступления в их экономики иностранных инвестиций из Турции и других стран, заинтересованных в рынках и получении доступа к разработке природных ресурсов новых государств. Программой ТІКА предусматривалось:

- проведение приватизации или реорганизации госпредприятий;
- распространение частного предпринимательства на все сферы экономики, включая энергетику, торговлю, инвестиции и экологию;
- повышение эффективности управления государственными и частными предприятиями;
- преобразование кредитно-банковской системы;
- содействие созданию малых и средних предприятий;
- привлечение источников современных знаний и технологий;
- реорганизация на демократической основе системы местного управления;
- организация обучения для подготовки и переподготовки местных кадров, повышения их квалификации³.

Выполнение данной программы требовало значительных средств. Так как казна большинства стран региона, переживших в первой половине 1990-х гг. острейший финансово-экономический кризис, была пуста, а финансовые возможности Турции также были предельно ограничены, главным источником ее финанси-

рования стали кредиты, поступавшие, как правило, на льготных условиях от МВФ, Всемирного банка и других международных финансовых организаций Западного и Арабского мира, в которые тюркоязычные государства при содействии Турции вступили уже в первой половине 1990-х гг.

Исходя из приведенных выше общих программных установок, ТІКА разрабатывало конкретные проекты, согласованные с местным руководством и направленные на решения тех или иных хозяйственных задач отдельных республик. В реализации таких проектов наряду с местными предприятиями участвовали государственные организации и частные предприятия Турции. Для подготовки и проведения рыночных реформ в рассматриваемых странах привлекались турецкие эксперты и специалисты, в частности, волонтеры, направленные в 90-е годы из Турции при содействии ООН, а также специалисты из МВФ, Всемирного банка, стран Евросоюза.

Осуществление намеченных рыночных преобразований, обеспечение их последовательности и взаимосвязанности было и остается одним из условий выделения указанными структурами и странами кредитов и субсидий.

Уже в 1990-е гг. преобразованию и реформированию были в той или иной степени (в зависимости от положения в каждой стране в разные сроки) подвергнуты все основные хозяйственные институты. Повсеместно были начаты приватизация госсектора, проведение аграрных преобразований, реформирование налоговой и кредитно-банковской систем, страхования и стандартизации, внешнеторгового и валютного режимов, упорядочение работы таможен и других экономических структур. Были созданы фондовые биржи, преобразованы товарные биржи, сформированы отраслевые объединения частного сектора, укреплена статистическая служба.

Турция принимала непосредственное и активное участие в этих нововведениях и преобразованиях, а также включилась в инфраструктурное строительство, в первую очередь по созданию и модернизации в регионе коммуникационной и транспортной системы, ее подсоединению к западным международным транспортным коридорам.

Один из наиболее важных участков рыночных преобразований в постсоветских тюркоязычных странах, на котором в истекшие годы в существенной степени была сосредоточена деятельность ТІКА, связан с повышенным вниманием в пере-

ходный период к человеческому фактору – необходимостью подготовки и переподготовки хозяйственных и управленческих кадров для работы в новых условиях. Для организации и финансирования специально разработанных образовательных программ были мобилизованы как собственные ресурсы и преподавательские силы Турции, так и специалисты и средства, привлекаемые из-за рубежа. Учебные занятия по специально разработанным программам для обучения и повышения квалификации работников ведутся в учебных заведениях не только Турции, но и тюркоязычных республик.

Как известно, при советской власти там была повсеместно ликвидирована неграмотность, достигнут высокий уровень общей и специальной образовательной подготовки. В финансово-экономической сфере эта подготовка велась в соответствии с требованиями будущей работы в государственных учреждениях и на предприятиях. Практически отсутствовали прослойки населения, профессионально подготовленные к работе в рыночных условиях, как это было в Турции перед принятием пакета мер от 24 января 1980 года. Там в переходе к рынку был заинтересован к тому времени уже сформировавшийся частный сектор, а многие экономисты и чиновники высокого ранга получали образование в западных университетах, тогда как остальные уже на студенческой скамье усваивали знания о законах рыночной экономики, экономическом либерализме, его преимуществах и недостатках.

В советский период хозяйственным и финансовым кадрам новых государств – работникам бюджетной и кредитно-банковской сфер, внешнеторговых и прочих экономических структур и организаций в процессе учебы прививалось критическое отношение к капитализму и рынку, к буржуазным теориям. Не было и управленцев, способных перестраивать экономику на функционирование в рыночных условиях.

За оказание помощи в решении кадровых задач постсоветским тюркоязычным государствам сразу же после обретения ими независимости взялась Турция, используя для этого возможности собственной, уже достаточно развитой системы образования⁴ и довольно широко пользуясь возможностями зарубежной поддержки. Эта деятельность была организована и широко развернута усилиями ТІКА, турецких университетов и других структур в разных формах и видах (курсы, семинары, консультации и т.д.). Специально разработанные учебные про-

граммы были предназначены для подготовки и повышения квалификации не только дипломатов и армейских чинов, но и широкого круга государственных служащих экономической и финансовой сферы, включая администраторов и управленцев высшего уровня, а также представителей местного бизнеса и начинающих предпринимателей, работников новых отраслей и производств, в основном по обслуживанию современных технических средств и использованию новых технологий.

Уже в первой половине 1990-х гг. с этой целью были созданы при финансовой помощи западных фондов специализированные образовательные центры. В Стамбуле – Центр по поддержке частного предпринимательства, в Анкаре – Налоговый Центр, в Ташкенте – Банковский Центр. Преподавание в них велось турецкими и западными специалистами. Подготовкой кадров для постсоветских государств занялись также турецкие и местные университеты, в частности, созданные там с участием Турции. Через обучение и подготовку в этих центрах, а также в других учебных заведениях прошли сотни и тысячи управленцев, служащих, предпринимателей и специалистов разных специальностей из стран Южного Кавказа, Центральной Азии, балканских государств. В последние годы свои учебные программы Турция внедряет и в другие, главным образом мусульманские страны. Как правило, свою просветительскую деятельность в области образования в тюркоязычных и других зарубежных странах Турция сочетает с пропагандой своих достижений и упрочением своего влияния, с внедрением тюрко-исламской идеологии.

Тем не менее использование образовательных программ для формирования нового экономического мышления так же, как и изучение наименее болезненных форм и методов рыночных преобразований, не позволило большинству постсоветских тюркоязычных государств в условиях их общей отсталости, усугубленной хозяйственной разрухой после распада СССР, избежать тяжелых социально-экономических последствий трансформации. Хотя некоторым из них учет турецкого опыта в определенной мере помог уберечься от крайностей. В частности, были учтены последствия гиперинфляции, в условиях которой происходило экономическое развитие Турции в первые десятилетия рыночных реформ, искажавшей его ход и имевшей нежелательные социально-политические результаты. Не менее негативное влияние на экономический рост Турции длительное

время оказывала ориентация на привлечение в экономику не частных иностранных инвестиций, а внешних кредитных ресурсов, что привело страну к хронической долговой зависимости – одной из главных причин периодических кризисов неплатежеспособности, из которых она выходила с помощью все новых и новых внешних займов и кредитов, условия которых все более ужесточались. При этом ведущие западные кредиторы – МВФ, Всемирный банк, ЕБРР – пользовались ее трудностями для навязывания Турции своих экономических и политических требований. Как известно, пакет мер от 24 января 1980 г., положивший начало рыночным реформам в Турции, был выдвинут ее кредиторами в момент острого финансово-экономического кризиса в качестве условия реструктуризации ее внешней задолженности.

Большинство тюркоязычных государств с конца 90-х годов проводили курс, позволивший снизить темпы инфляции, которые вновь стали расти лишь после наступления мирового финансового кризиса; им, как правило, удавалось регулировать поступление внешних кредитных ресурсов таким образом, чтобы не допустить чрезмерной долговой зависимости. Не злоупотребляя внешними заимствованиями, они привлекают прямые иностранные инвестиции, с которыми поступает передовая техника и технологии, внедряются методы современного менеджмента.

Иностранный капитал, в том числе многочисленные турецкие компании, для которых по мере распространения рыночных преобразований в тюркоязычных странах создавались все более широкие возможности внедрения в их экономики, одновременно стал образцом при создании местных частных предприятий. Последние чаще всего возникали как смешанные, с той или иной долей участия иностранных инвесторов, становясь для местных предпринимателей источником конкретных знаний о методах ведения современного бизнеса. Уже в 1998 году удельный вес инвестиций частного сектора в общих инвестициях постсоветских тюркоязычных государств составлял 76,9%, а в 2008 году достиг 87,8%⁵. Правда, у нас нет данных о значении в приведенных данных иностранных частных инвестиций. Но с определенностью можно сказать, что государство практически везде сохраняет в рассматриваемых странах ключевые позиции в сфере производства и особенно в экономическом регулировании, при этом определяющее значение при выработке направления его деятельности имеет курс руководства, носящего во всех без исключения рассматриваемых странах авторитарный характер.

В турецких источниках нередко встречается утверждение, что Турция создала рыночную экономику в тюркоязычных республиках Южного Кавказа и Центральной Азии. Но если даже это преувеличение, нельзя отрицать ее существенной роли в этом процессе.

Оценивая перевод экономик указанных стран на рыночную основу, при всей двойственности и неоднозначности его последствий в целом можно признать его достаточно успешным, позволившим большинству стран региона в середине 90-х годов восстановить, а в последующие годы наращивать темпы экономического роста, развивать экономику и осуществлять ее структурное преобразование. Одним из показателей позитивных тенденций этого процесса может служить рост среднедушевого дохода (долл. США)⁶:

	1992 г.	2000 г.	2007 г.
Азербайджан	208 *	659	3730
Казахстан	350	1231	6743
Кыргызстан	171	279	730
Туркменистан	352	563	1230
Узбекистан	92	366	858

* 1993 г.

Как видим, этот рост и достигнутое значение данного показателя резко отличаются, свидетельствуя об очень значительной разнице в уровне развитости рассматриваемых стран. Богатые нефтегазовыми месторождениями Азербайджан и Казахстан смогли по данному показателю выйти на уровень стран средней степени развития, тогда как остальные тюркоязычные государства, где душевой доход ниже 1000 долл. в год, остаются в слаборазвитой группе стран. Кроме того, рост ВВП сопровождался усилением неравномерности его распределения и углублением социального неравенства, катастрофическим ростом безработицы в результате свертывания многих видов промышленного производства после распада СССР.

Показателем этого может служить сокращение удельного веса занятых в промышленности в некоторых из рассматриваемых стран. В 2007 г. по сравнению с 1992 г. он упал в Казахстане с 30 до 23%, в Кыргызстане – с 36 до 16%, в Туркмени-

стане – с 59 до 39%⁷. Все это повлекло возрастание масштабов бедности и нищеты. В конце первого десятилетия XXI в. доля населения, живущего за чертой бедности, составляла в Азербайджане 24% (2006 г.), Грузии – 30% (2008 г.), Казахстане – 13,8% (2007 г.), Кыргызстане и Таджикистане – около 60% (2008 г.)⁸. Для последних двух стран, а также Узбекистана стала характерной массовая эмиграция населения на заработки в соседние страны, в особенно больших масштабах – в Российскую Федерацию. Денежные переводы мигрантов в странах с наиболее низким уровнем дохода превратились в основной источник жизнеобеспечения их семей.

Серьезные социально-политические издержки, которые понесли рассматриваемые страны в результате распада Советского Союза, а затем в период проведения общественно-политических и экономических преобразований, имели для них тяжелые последствия. Они стали основными причинами гражданской войны в Таджикистане, «революции роз» в Грузии, неоднократного смещения правительства и вооруженных столкновений в Кыргызстане, массовых беспорядков в Узбекистане, а в январе 2011 г. – в Мангистауской области Казахстана.

Экономические трудности, острота социальных проблем в постсоветских тюркоязычных государствах создают почву для распространения исламского экстремизма, который представляет серьезную угрозу в качестве фактора, дестабилизирующего их поступательное развитие.

¹ Яшкин В. Хозяйственный механизм и хозяйственное развитие: опыт развивающихся стран // Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований. Выпуск 3. М., 2000, с. 19.

² Там же, с. 18–19.

³ Togo Y. Türkiye TİKA ile agabeylik yapıyor//EkonomikForum, 15.08.1995, с. 24.

⁴ См.: Ли Ю.А. Реформы в системе образования Турецкой Республики. М., 2006.

⁵ DTM. Türk Cumhuriyetleri'nin sosyal ve ekonomik göstergeleri. Ankara, 2009, с. 124.

⁶ Ibid, с. 9.

⁷ DTM. Türk Cumhuriyetleri'nin, с. 9–10.

⁸ TİKA Faaliyet raporu 2008. Ankara, 2009.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПСР
КАК ФАКТОР ЕЕ УСПЕХА В КАЧЕСТВЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ**

3 ноября 2012 г. Партия справедливости и развития (ПСР) отмечает десятилетний юбилей пребывания у власти. Со времени ее создания в 2001 г. и неожиданного для многих успеха на парламентских выборах 2002 г.¹ вокруг партии Реджепа Эрдогана, политической стратегии и тактики ПСР не утихают дискуссии и споры. «Партия с глубокими исламскими корнями завоевала победу на выборах в Турции» (CNN), «турецкие выборы выиграла новая партия с исламистскими корнями, Партия справедливости и развития» (BBC) – говорили заголовки ряда ведущих западных СМИ, на страницах и сайтах которых ПСР изображалась исламистской партией, «победа которой... позволит ей править без коалиции и вносить поправки в Конституцию» (CNN). Одни эксперты обвиняли ПСР в лицемерии и наличии скрытых планов по возрождению в Турции исламского государства², другие называли Эрдогана и его окружение «светскими исламистами»³, «европейской социал-демократической партией третьего пути»⁴, «революционными консерваторами», «мусульманскими демократами»⁵ или «турецким аналогом Христианской демократической партии в Западной Европе».⁶

Между тем до 2002 г. у ПСР отсутствовала четко обозначенная идеологическая платформа⁷, и лишь после прихода к власти партия стала обретать новую идентичность. Несмотря на исламские корни ПСР и наличие связей у ее руководства и ближайшего окружения с Партией благоденствия и Партией добродетели, лидеры ПСР отрицали принадлежность к политическому исламу, подчеркивая, что она ориентирована не на религию, а на «консервативную демократию». В интервью газете «Радикал» Тайип Эрдоган заявлял: «Наша политическая партия не является исламской... Она не основана на религии...

Политическая партия не может быть исламистской... это ошибочная терминология»⁸.

Анализ программных документов ПСР, выступлений и интервью ее лидеров, а также история возникновения партии позволяет выделить основные черты, характеризующие политическую идентичность правящей партии. Ключевым для понимания ПСР является то, что ведущие позиции в партии в большинстве своем занимают выходцы из запрещенной в Турции исламистской Партии добродетели (ПД): ПСР была основана бывшими членами умеренно консервативного крыла ПД, разделившейся на два идеологических течения – традиционалистов и модернистов, лидером которых был Эрдоган⁹. Представители модернистского течения были не менее религиозны, чем традиционалисты, однако они были ориентированы на политические и экономические реформы. Вслед за роспуском ПД в 2001 г. модернистские фракции были вынуждены пойти на изменение своей политической платформы и самоидентификации с тем, чтобы соответствовать реалиям светской политической системы. Р.Т. Эрдоган и его окружение начали открыто критиковать прошлое ПД, позиционируя себя в качестве консерваторов, а не исламистов. Причем Р.Т. Эрдоган искал поддержки своего движения за рубежом: в годы, последовавшие за запретом партии, Эрдоган и другие бывшие члены ПД путешествовали по США и Европе, встречаясь с дипломатами и правительственными чиновниками, имевшими политические интересы в регионе. В отличие от курса ПД Эрдоган стал активно проповедовать идеи вступления Турции в ЕС и укрепления политических и экономических связей с США и Европой. Проевропейские инициативы Эрдогана позволили ему заручиться поддержкой, необходимой для формирования собственной политической партии – ПСР.

Выйдя на политическую арену, ПСР стала отвергать любую идеологическую связь с канувшей в лету ПД. Намереваясь избежать судьбы исламистских предшественников, ПСР изображала себя общенациональной партией, выражающей интересы светских турок, ратовавших за вступление Турции в ЕС и проведение внутренних реформ, и консервативно настроенного электората. Эрдоган достаточно часто в своих выступлениях говорил о правах человека, гражданских свободах, экономическом развитии и интеграции в ЕС.¹⁰

На первом съезде партии Эрдоган объявил о концептуальном изменении политического развития Турции – на смену старой

концепции «нация для государства» пришла новая – «государство для народа». В рамках последней, по замыслу Эрдогана, ПСР должна стать официальным выразителем «интересов турецкого общества». Для руководства партии термин «консервативная демократия» является не идеологией, а отражением общих для Турецкого государства и его народа ценностей. ПСР выработала концепцию «консервативной демократии», определив наиболее действенные понятия, традиционно характеризующие турецкое общество: семья, история и религиозность.

Большое значение, которое придается обществом и ПСР институту семьи, зачастую становится препятствием для достижения равенства полов и ведет к ограничению индивидуализма. Партия рассматривает институт семьи в свете патриархальных ценностей, где главным считается мужчина, а женщинам отводится второстепенная роль. Поэтому в основном мужчины, а не женщины занимаются общественной деятельностью и принимают ответственные решения.¹¹ Не удивительно, что женщины не занимают ведущих постов ни на местном, ни на национальном уровне ПСР. Политическая деятельность считается преимущественно мужским занятием, поэтому на политической арене ПСР представлена в основном мужчинами. В целом в вопросах семейных ценностей и неприятия индивидуализма и плюрализма мнений ПСР можно охарактеризовать как консервативную партию.

Вторым уровнем консерватизма ПСР является патриотизм, основанный на наиболее успешных периодах истории Турции. Руководство ПСР умело использует такие социально-психологические ресурсы, как ностальгия общества по былым триумфальным победам и распространение турецкой культуры в османском и даже сельджукском периодах.¹² Руководство партии объединяет убежденность в том, что османское прошлое содержит в себе ключ к будущему страны. ПСР заявила, что считает исторический опыт и культурное богатство нации прочной основой для будущего.

Перестройка общественного самосознания с учетом османского наследия стала возможной после окончания холодной войны и распада Советского Союза и ведется до сих пор. Так называемая концепция «неоосманизма» органично вписалась в систематические изменения в мировой политике, которые открыли перед Турецкой Республикой в 1990-е годы новые внешнеполитические направления – Балканы, Кавказ, Сред-

нию Азию, Ближний Восток.¹³ Распространение и популяризация турецкой культуры стала активно проявляться не только в политике, но и в искусстве, литературе. Упор на неоосманизм также определяет взгляд партии на Европу, юго-восточной частью которой Османская империя правила несколько веков. В современном османизме ПСР Европа остается противником или даже врагом. Таким образом, на уровне широких масс сохраняется двойственное отношение к ЕС: одновременно как к историческому противнику и при этом как к все более реальному источнику новых возможностей и процветания.

Следующий уровень консерватизма ПСР занимает религиозность, тесно связанная с семейными ценностями. При всей важности, которая придается личным религиозным чувствам, ислам здесь рассматривается как определяющий развитие общества этос. И руководство ПСР, и значительная часть рядовых членов партии придают большое значение совместным молитвам и поддерживают публичное проведение религиозных обрядов, которые способствуют созданию атмосферы общественного взаимодоверия и сглаживанию межличностных конфликтов. Поэтому исламская религиозность становится основополагающей идеей для партии и создает у ее членов чувство преданности общему делу. Некоторые руководители партии, такие как государственный министр Мехмет Айдын или экс-глава Министерства по делам религий Тайяр Алтыкулач ценят религиозную мудрость прошлого. Они считают, что проверенные веками истины представляют собой самый эффективный способ решения социальных, политических и технологических задач, стоящих перед современным миром.

Ислам представляет собой идеологическую основу, в свете которой обсуждаются повседневные бытовые вопросы, дает понимание того, как жить правильно, он – сама национальная идея, определяющая видение прошлого и будущего. Что самое важное – ислам несет в себе наполненные большим смыслом символы, которые выносятся на обсуждение с другими членами сообщества.¹⁴

Подобно институту семьи, но только не на местном уровне, а в масштабах всей страны, ислам формирует самосознание и моральные принципы населения. Среди руководства партии существует единое понимание того, что ислам – это *sine qua non* морально здорового общества. По их убеждению, если люди молятся и соблюдают религиозные обряды, они менее склонны

к коррупции и в большей степени настроены работать в интересах общества.

Несмотря на то, что для лидеров ПСР ислам – важнейший элемент объединения нации, в силу ряда причин партия была вынуждена отделить ислам от политики. Идеологи ПСР постоянно говорят о праве общества определять облик и содержание политических институтов посредством демократического волеизъявления. Такое коммунитарное и мажоритарное понимание демократии является фактически основной характеристикой ПСР. Исламские и семейные ценности призваны сформировать у верующих граждан чувство общественного долга. ПСР уделяет особое внимание роли религии в формировании такого «дисциплинированного» гражданина, который, как ожидается, будет выступать за сохранение «вечных ценностей». Понятие свободы для руководства партии носит «инструментальный» характер, то есть свобода имеет ценность прежде всего как средство, которое позволяет людям преследовать и удовлетворять их личные цели – материальное благосостояние или участие в общественной жизни. Таким образом, ПСР стремится к продвижению системы, в которой индивидуальный выбор определяется религиозно-общественными ценностями.

Электорат ПСР довольно разнороден по своему социальному происхождению и включает в себя и сельских фермеров, и городской средний класс, и новую анатолийскую буржуазию. Эти несхожие группы населения объединились вокруг «демократического исламского самосознания», что и привело ПСР к власти¹⁵. Активисты ПСР – это новая социальная группа, в которую входят наполовину городские, наполовину сельские жители. При этом региональные, провинциальные и курдские объединения также имеют большое влияние внутри партии. Религия, мораль и этническая принадлежность политизируются с целью достижения успеха в новых городских центрах. Принятый в ПСР язык морали – это язык человеческих желаний и стремления к власти.

Исламская мораль для партийной элиты – это средство достижения власти, а не сама по себе цель. Консерватизм ПСР – это политический язык, который ориентирован на достижения и опирается на прогресс. Если рассматривать лозунги партии, начиная с 2002 г., для них характерен примат экономического потенциала и технологий, которые определяют будущее развитие Турции. основополагающие принципы ПСР формирова-

лись по ходу деятельности, а ее политические методы определялись с учетом их действенности и возможности достижения необходимых результатов. Будучи вертикально структурированной партией, она включает в себя ряд укоренившихся в культуре мобилизующих институтов и организаций.

Современное турецкое общество, которое во многом руководствуется прагматизмом, состоит из отдельных групп и объединений, которые сосуществуют вместе, живя по отдельности.¹⁶ Люди, как в сельской, так и в городской местности не способны действовать вместе ради достижения общего блага, если оно перевешивает материальные интересы семьи или поселения. В таких условиях объединению разных семей или жителей одного города способствуют местные фонды и ассоциации, большинство которых созданы вокруг религиозной идеи или организации.

Значительная часть турок (а также представителей других этнических групп) живет большими семьями. В Турции широко распространен семейный бизнес, в котором наемных работников не более двадцати, а руководитель – глава семьи. Преданность семье ценится очень высоко. Владельцы небольших магазинов и торговцы являются главными сторонниками Эрдогана, обеспечивая ему гораздо больше голосов, чем остальная часть населения.

Политика для лидеров ПСР – это смесь из продвижения коллективных или личных интересов и, временами, соединения идеалов и принципов. Между принципами и интересами присутствует постоянное несоответствие, и это несоответствие не разрешается в пользу широких масс. Идеи и идеалы всегда становятся инструментом для реализации личных или коллективных целей. То есть центры влияния в Турции по-прежнему представляют собой скорее альянс интересов, нежели идеалов. ПСР не рассматривает общество как органическое образование с различными интересами и идеалами, для которого требуется компромисс и общее понимание политики и самосознания. Она не стремится создать общий кодекс этических норм и самосознания путем взаимодействия, а скорее относится к обществу как к амальгаме разных сообществ и интересов. Политика означает расширение пространства для жизни доминирующей группы за счет слабых. Такое понимание политики означает передачу ресурсов партии ее приверженцам и сторонникам.

В состав ПСР и в число ее единомышленников входит ряд неформальных организаций и групп. Как правило, они взаимо-

действуют друг с другом, поскольку происходят из одного города или региона или принадлежат к одному и тому же суфийскому ордену. Они оказывают друг другу поддержку в карьерном росте или продвижении политических интересов. Чувство принадлежности и преданность родному городу (*hemşerilik* – родом из одного места, «регионализм») являются основой при формировании неформальных объединений внутри партии. Одним из отрицательных последствий образования таких неформальных объединений является доминирование отдельных лиц. Личные связи ценятся превыше всего. Непотизм – *torpil* – или способ достижения цели благодаря личным связям является определяющим при назначении на должность или приеме на работу. Эти неформальные объединения и личные контакты усиливают персонализм в турецкой политике, где личность всегда играла более важную роль, чем партийные программы или институты. Таким образом, в ПСР личные связи ставятся выше идеологических убеждений. По выражению Хакана Явуза, эти неформальные группы – «как пчелы, роящиеся вокруг пчелиной матки»¹⁷. В правоцентристских партиях руководство всегда играло более фундаментальную роль, чем идеология. Демирель или Эрбакан во многом выполняли роль «пчелиной матки». Сегодняшняя «матка» – это Эрдоган, успешно объединивший рой пчел вокруг себя. Члены ПСР неустанно соперничают друг с другом, чтобы получить доступ в ближний круг Эрдогана, состоящий из крайне преданных ему Омера Челика, Мусагита Аслана и Джунейда Запсу. Персонализм и неформальность являются основными характеристиками партии Эрдогана. Его команда малочисленна, провинциальна и замкнута. Партия перекрыла практически все возможности продвижения снизу вверх и ротации руководящих кадров.

Политическая идеология и практика ПСР довольно противоречивы. Во-первых, выступая за «консервативную» демократию, она в то же время стремится реформировать политическую систему и отношения между государством и обществом в Турции. Во-вторых, отстаивая права на участие в политической жизни и плюрализм, ПСР не оставляет достаточно места для собственной внутрипартийной демократии. В-третьих, выступая за децентрализацию и местное управление как средство против бюрократии, ПСР одновременно стремится к централизации собственной структуры и системы принятия решений внутри партии.

В одном из своих выступлений Эрдоган заявил: «Турция прошла долгий путь к установлению и институционализации демократии в ее самом полном смысле, демократии, которая включает в себя плюрализм и толерантность, а не мнимой демократии. Наш идеал – не в существовании механической демократии, ограниченной выборами и определенными институтами, а в органической демократии, которая пронизывает административную, социальную и политическую сферы. Мы называем это – я хотел бы подчеркнуть, что мы нашли для этого новый термин – глубокой демократией».¹⁸

Что такое «демократия» для ПСР? Является ли она средством для достижения власти или стандартом для определения качества жизни? Консервативная демократия выводится из понимания турецкой нации как идеального объединения суннитов, ханифитов и этнических турок, без культурных или классовых разделений. Бывший заместитель председателя ПСР Денгир Мир Фырат, желая подтвердить приверженность партии идеалам демократии, заявил, что «мы представляем собой тот сектор населения, которому демократия нужна больше, чем любому другому сектору»¹⁹. Однако ему не удалось привести каких-либо аргументов ни в пользу демократии, ни в подтверждение демократических взглядов своей партии. Можно только гадать, как партия, беспрестанно отстаивающая Копенгагенские критерии демократии, будет применять их в отношении собственных структур.

Харизматическая личность Эрдогана является одним из главных препятствий к институционализации провозглашаемых партией принципов демократии. Обозреватель газеты «Заман» Мустафа Юнал, отслеживающий работу турецкого парламента, отметил, что «в партии нет морального авторитета или выдающихся деятелей, а парламентской группе сложно налаживать рабочие отношения с правительством»²⁰. Примечательно, что члены ПСР также иногда критикуют партию за отсутствие внутрипартийной демократии. В частности, некоторые депутаты ПСР жаловались, что у них «нет в Парламенте других обязанностей, кроме как поднимать руку, голосуя за предлагаемые правительством законопроекты».²¹ По замечанию Х. Явуза, один известный депутат сказал ему в интервью, что «единственный орган, который мы используем в Парламенте, это рука»²². Депутат от ПСР Туран Чомез выразил свое недовольство газете «Миллиет»: «Мы не оловянные солдатики.

От нас ждут, что мы будем просто поднимать руки в поддержку любого закона, предложенного правительством»²³. У рядовых членов партии нет никакой возможности участвовать в партийных прениях и высказывать свои предпочтения; нет возможности побороться за руководящие посты. Участие рядовых членов в работе партии очень ограничено, лидеры не чувствуют нужды поддерживать с ними связь, а перемены, вероятно, станут возможны только в случае крупного поражения на выборах.

Внутри ПСР не ведется значительных партийных прений или коллективных обсуждений в отношении важных политических проблем. Т. Чомез, был первым, кто на заседании одной из партийных групп поднял вопрос о том, что правительство не разъясняет депутатам своей политики. По его словам, действия правительства вызывают сотни вопросов, а реализацию некоторых проектов приватизации определяли кумовство и фаворитизм. Он также предположил, что министр финансов Кемаль Унакитан, имеющий очень тесные связи с Эрдоганом, действовал в собственных интересах.

Другой член парламента от ПСР Мехмет Саит Ардаман покинул ряды партии, заявив, что «она больше не является общим рабочим пространством для выработки целесообразных и осмысленных политических решений». Также он жаловался на антидемократический и авторитарный характер Эрдогана, называя его препятствием для демократизации. В целях усиления внутрипартийной дисциплины ПСР с момента основания несколько раз меняла свой устав. И хотя партия заявляла, что представляет собой образец «демократизации партийной структуры» в Турции, власть в конечном итоге сосредоточилась в руках Эрдогана, а эксперимент с внутрипартийной демократией, кажется, окончился с ростом его популярности. Из-за изменения устава ПСР в 2005 г. главный прокурор Верховного апелляционного суда Нури Ок обратился в Конституционный суд с просьбой сделать ПСР предупреждение, если она не изменит некоторые положения своего устава, которые противоречили «закону о политических партиях». В подтверждение своих слов он назвал устав ПСР антидемократическим, указав на слишком широкие полномочия партийного лидера. Он сказал, что «в демократических системах один человек [лидер партии Эрдоган – Н.Ч.] не может обладать такими широкими полномочиями по отбору кандидатов для выборов и иметь решающий голос при назначении членов руководящих

партийных органов.» Фактически, с уставом 2005 г. Эрдоган приобрел почти диктаторский контроль над назначениями на ключевые посты внутри партии.

Что представляет собой социальная база поддержки ПСР? Какое действие оказывает на нее религиозное, этническое и экономическое неравенство? Политические предпочтения сторонников ПСР говорят скорее об их собственном самосознании, чем отражают отличительные характеристики партии. И хотя ПСР стремилась стать «универсальной» правоцентристской партией, для основных ее сторонников важнейшим остается вопрос исламского стиля жизни.

Барачным поселкам, голосовавшим за ПСР, нужно больше социальных программ в поддержку их неблагоприятного экономического положения; сельские районы ожидают больше государственных субсидий и защиты от глобальной конкуренции; а нувориши выступают за снижение государственного контроля и более либеральную политику. Сохранить эту «коалицию» довольно непросто. До настоящего времени эти три группы объединяло недовольство ограничительной политикой истеблишмента и приверженность исламу. Партия стала «голосом» периферии, которая намеревалась изменить политический ландшафт Турции. Несмотря на то, что ПСР не удалось четко изложить свою программу, люди голосовали за партию, обращая внимание на стиль жизни ее лидеров. Вместо программы рядовой мусульманский электорат голосовал за привычки. Как говорит социолог Эргун Йылдырым, для избирателя «не важно, что говорит Эрдоган, а скорее, как он это говорит, что он делает, куда он ходит, какие праздники отмечает и как ведет себя в семье»²⁴.

Существует большая разница между тем, как электорат определяет свои взгляды, и какого определения ПСР хотела бы для себя и своих сторонников. Согласно исследованию, проведенному центром "GENAR" в 2003 г., сторонники ПСР определили свои политические взгляды следующим образом: 27% исламисты, 15% правые, 14% демократы, 10% консерваторы, 10% социальные демократы, 6% националисты, 3% кемалисты, 3% национал-консерваторы и 10% не определились.²⁵ Опубликованные в 2011 г. в газете «Радикал» данные демонстрировали изменение предпочтений электората ПСР. Так, 63,6% приверженцев партии определили себя как исламистов (36,5%) и консерваторов (27,1%). Националисты состави-

ли 24,4%, кемалисты – 16,4%, социальные и либеральные демократы – 13,1%.²⁶

Несмотря на то, что на своем первом партийном съезде Эрдоган заявил, что ПСР не является ни «коалицией» различных групп, ни «синкретической» партией, а представляет собой «единое целое», он не смог сформулировать связующую идею или определить, что объединяет его партию воедино. На этом съезде Эрдоган заявил, что ее целостность основана на «вечных ценностях нации» (*millet*) и что партия стремится к балансу между этими национальными ценностями и общечеловеческими ценностями и к тому, чтобы эти «вечные ценности» (*kadim dezerler*) стали определяющими для турецкой политики. По мнению Эрдогана, этот подход поможет «объединить центр и периферию»; создать новый уровень «связи между нацией и государством» и обеспечить новую «синергию между республикой и демократией»²⁷. Р.Т. Эрдоган неоднократно подчеркивал, что партия приветствует демократическую и светскую систему, в т.ч. и западного типа. ПСР, по его словам, придерживается политики, сочетающей в себе традицию и прошлый опыт с современными демократическими ценностями. В соответствии с программой партии, ПСР представляет собой платформу для демократизации, секуляризации, верховенства закона, свободы совести и равенства возможностей. Таким образом, демонстрируется принятие ценностей, достигнутых за весь республиканский период Турции. ПСР приветствует социальную дифференциацию на основе этнических, культурных и религиозных особенностей и считает их незаменимыми для развития демократических процессов.

Из анализа экономических взглядов ПСР можно сделать вывод, что партия придерживается неолиберализма. В программе ПСР подчеркивается важность вывода государства из экономической сферы не из прагматических соображений, т.е. стремления к продуктивной экономике, а вследствие желания обеспечить экономические основы демократии. Свободная рыночная экономика и демократический режим не в состоянии развиваться в случае участия государства в экономической деятельности – государство призвано лишь поддерживать порядок и здоровую конкуренцию.

По мнению некоторых ученых, на формирование современной идентичности партии в значительной степени повлиял прошлый опыт работы Эрдогана в качестве мэра Стамбула. Результатом этого влияния стала прагматичная, социально-

ориентированная политика, призванная на местном уровне служить не великим идеологиям, а людям. Именно прагматизм, политическая гибкость позволили Эрдогану существенно расширить социальную базу ПСР²⁸. Политика для лидера ПСР служила прежде всего инструментом решения повседневных проблем людей, а не средством создания идеологически ориентированной мусульманской *уммы*.²⁹

Тем не менее некоторые аналитики утверждают, что ПСР использует ярлык «консервативной демократии» просто потому, что ее члены не могут назвать себя «мусульманскими демократами». Так, Этьен Махчупян пишет: «В стране, сделавшей авторитарный секуляризм официальной идеологией, не просто использовать термин «мусульманин»... С другой стороны, можно сказать, что консерватизм в Турции содержит элементы ислама»³⁰. В свою очередь политолог И. Дагы считает, что термин «мусульманские демократы» не отражает ни социальной базы, ни политического языка партии, а потому представляет собой заведомо проигрышный вариант по сравнению с «консервативной демократией»³¹. Другой исследователь – А. Йылдыз – также положительно воспринимает отказ ПСР от мусульманской демократической идентичности. По его мнению, настоящая идентичность партии укрепила связь между религией и политикой в условиях демократии, не нанося ущерб религии и верующим³².

Сами лидеры ПСР категорически не приемлют применения к партии термина «мусульманские демократы», делая акцент на приоритетном внимании, которое ПСР уделяет проблеме экономического спада, безработице, неравному распределению доходов, политическим свободам, социальному обеспечению и здравоохранению.³³ Эрдоган всегда подчеркивал, что они приветствовали демократическую светскую систему западного типа. В программе партии и предвыборном манифесте он говорил о конце идеологии, в том числе исламизма, в эпоху глобализации.

По словам экс-министра Хусейна Челика, «ПСР – консервативная демократическая партия, но консерватизм правящей партии ограничивается моральными и социальными вопросами». Челик возражает против использования в западных СМИ эпитета «исламистский» в отношении ПСР. В марте 2010 г. Челик с сожалением констатировал, что «западная пресса называет Партию справедливости и развития партией с исламским большинством, «исламистской», «умеренно исламской»,

«исламского толка», «с исламской повесткой дня» и прочее³⁴. Эти характеристики не отражают истину, и они печалят нас»³⁵.

По-видимому, ПСР усвоила от своих предшественников опасность заигрывания с исламистской политикой, которая неизбежно приведет к возникновению конфликтов в Турции. По этой причине ПСР предпочитает представлять себя консервативно-демократической партией. Консервативная демократия ПСР – это в некотором смысле попытка найти ответ на идеологические столкновения между исламизмом и секуляризмом. Она претендует на решение многих глобальных и местных проблем: примирение светскости и традиции в турецкой политике, урегулирование курдского вопроса, социальных и экономических проблем. Эрдоган неоднократно заявлял, что «политика есть искусство решения проблем, а не создания их» с целью снижения напряженности, вызванной идеологическим расколом общества в Турции.³⁶

Мировоззрение ПСР представляет собой сочетание либеральных, консервативных, националистических, коммуитарных и социал-демократических взглядов. По выражению Х. Явуза, «идентичность и идеология ПСР напоминают ткань, которая изменяет свой цвет в зависимости от освещения. Она одновременно турецкая, мусульманская и прозападная»³⁷. Подобный эклектичный, плюралистический подход партии объясняется необходимостью учитывать многообразие образа жизни населения. Для дальнейшего осуществления успешной политической деятельности ПСР должна решить задачу по созданию мирной гражданской среды для совместного существования многообразных социальных, культурных и этнических групп.

¹ ПСР тогда набрала 34,3% и получила право формировать однопартийное правительство.

² Bölügiray N., AKP Değişiyor mu? İstanbul, 2004.

³ Newsweek, 02.12.2002, с. 19.

⁴ Journal of Democracy. 2003. Issue 14, April, с. 102.

⁵ Survival. 2003, № 45, с. 48.

⁶ Vatan, 18.01.2003.

⁷ Как показали результаты исследований, только 2,84% из тех, кто голо-совал за ПСР на выборах 2002 г., выражали поддержку провозглашенной ПСР концепции «консервативной демократии».

-
- ⁸ Radikal, 08.11.2002.
- ⁹ Впоследствии первые организовали партию «Саадет» (счатъе), а последние – ПСР.
- ¹⁰ Boland, V. Eastern premise // Financial Times, 03.12.2004, с. 7.
- ¹¹ Keyman E. Muhafazakar demokrasinin 'kadın'la imtşhanı // Radikal, 16.05.2004.
- ¹² King J. The Battle for the Ottoman Legacy: The Construction of a Neo-Ottoman Political Identity in Turkey // Duke University, 12.07.2004.
- ¹³ Alan O. Makovsky. The New Activism in Turkish Foreign Policy // SAIS Review, 19.01.1999, с. 92–113.
- ¹⁴ Yavuz H. Secularism and Muslim Democracy in Turkey. N-Y., 2009, с. 32.
- ¹⁵ Vergin N. Siyaset ile Sosyolojinin Buluştuđu Nokta // Türkiye Günlüğü. 2004, № 76, с. 5–7.
- ¹⁶ Подробнее см.: Jenny B. White. İslamist Mobilization in Turkey. Seattle, 2003.
- ¹⁷ Yavuz H. Secularism and Muslim Democracy in Turkey. С. 65.
- ¹⁸ Yavuz H. The Emergence of a New Turkey. Utah, 2006, с. 336.
- ¹⁹ Radikal, 12.01.2004.
- ²⁰ Zaman, 18.08.2004.
- ²¹ Там же.
- ²² Yavuz H. Secularism and Muslim Democracy in Turkey. С. 55.
- ²³ Milliyet, 09.12.2005.
- ²⁴ Bilgi ve Düşünce. İssue 5, February 2003, с. 15.
- ²⁵ Zaman, 28.08.2003.
- ²⁶ Yavuz H. Secularism and Muslim Democracy in Turkey. С. 65.
- ²⁷ Yeni Şafak, 13.10.2003.
- ²⁸ Çamurcu K. AKP, Milli Görüş Belediyeciliğini Aşabilecek mi? // Birikim V:165, 2004, с. 65–72.
- ²⁹ Muslim World, 2003, vol. 93, с. 157–185.
- ³⁰ Zaman Daily, 20.08.2003, 25.08.2003.
- ³¹ Turkish Studies, 2005, vol. 5, № 1, с. 21–37.
- ³² Karizma. 2004. Vol. 17, January-March, с. 54.
- ³³ Hurriyet Daily, 07.07.2001; Milliyet Daily, 15.07.2001.
- ³⁴ «The Economist» характеризует партию как «умеренно исламистскую», а «Reuters» называет ее партией с «исламистскими корнями» и «исламского толка».
- ³⁵ Hürriyet Daily News, 28.03.2010.
- ³⁶ Erdogan's speech in international symposium on conservatism and democracy, 2004.
- ³⁷ Yavuz H. Islamic Political Identity in Turkey. L., 2003, с. 260.

ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Турецко-израильские отношения пережили в своем развитии ряд этапов, когда дипломатические отношения снижались до низшего уровня и когда две страны становились стратегическими партнерами. И, безусловно, эти отношения формировались как в результате воздействия внешних и внутренних факторов, так и ситуации, складывавшейся на Ближнем Востоке и в мире в целом.

Турция признала Израиль 28 марта 1949 г., и в 1950 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Вместе с тем Турция стремилась свою политику с Израилем строить таким образом, чтобы не оказаться в противостоянии с исламским миром. Именно поэтому в 1956 г. после агрессии Израиля совместно с Англией и Францией против Египта Турция отозвала своего посла из Тель-Авива, и до начала 1960-х гг. отношения оставались на уровне поверенного в делах.

Израиль со времени своего создания стремился проводить стратегию «внешнего окружения», согласно которой развивались связи с неарабскими государствами в регионе. С этой целью прилагались усилия по укреплению отношений с Турцией, Ираном, Эфиопией.

28 августа 1958 г. израильский премьер-министр Бен Гурион посетил Турцию и подписал в обстановке строжайшей секретности с премьер-министром Аднаном Мендересом рамочный пакт. Ранее участниками этого пакта стали Эфиопия и Иран. Однако, по мнению израильского премьер-министра, без присоединения к нему одного из наиболее сильных государств региона – Турции – нельзя ждать успехов от его реализации.

Пакт предусматривал совместные действия против панарабских и коммунистических движений, а также усилия по повышению научного и экономического сотрудничества. Однако

самой важной частью являлось создание разведывательной сети между его членами: два раза в год начали проводиться встречи по обмену разведанными¹.

Это соглашение действовало 8 лет и было расторгнуто в 1966 г. Турцией, которая хотела обеспечить себе поддержку по кипрскому вопросу со стороны арабских и исламских стран, подозрительно относившихся к турецко-израильскому сотрудничеству. В ответ на ожидаемую поддержку по Кипру Анкара начала демонстрировать арабам свои симпатии по палестинской проблеме².

Вместе с тем тенденция к развитию сотрудничества с арабскими странами не мешала турецкому правительству поддерживать экономические и торговые контакты с Израилем. По этому вопросу представитель министерства иностранных дел Турции заявил в марте 1966 г. следующее: «Вопрос о каких-либо изменениях в отношении Турции к Израилю в настоящее время не стоит»³. В апреле того же года в ходе визита в Турцию министра туризма и строительства Израиля Моме Кола были рассмотрены вопросы расширения связей между двумя странами⁴.

В результате «шестидневной войны» 1967 г. Турция высказалась за вывод израильских войск с арабских земель, признала известную резолюцию Совета Безопасности ООН № 242 (1967 г.), которая намечала подходы к урегулированию ближневосточного конфликта. В то же время Анкара воздержалась от каких-либо акций в адрес Израиля, не пожелав официально объявить его агрессором⁵.

В октябрьской войне 1973 г., несмотря на давление на турецкое правительство со стороны некоторых арабских стран по вопросу «действенной поддержки»⁶, Анкара не намеревалась менять свою ближневосточную политику: какие-либо эффективные меры в поддержку арабских стран, безусловно, оказались бы направленными против Израиля, с которым Анкара не желала ухудшать отношения, и вызвали бы трения между США и Турцией. Вместе с тем Турция, как и другие члены НАТО (за исключением Португалии), отказалась дать согласие на перелет через свое воздушное пространство американских военных самолетов, несущих вооружение и военное оборудование в Израиль⁷.

В 1980 г. Турция закрыла свое генеральное консульство в Иерусалиме в знак протеста против решения Израиля сде-

лать этот город своей столицей⁸. А в декабре 1980 г. было принято решение о снижении уровня дипломатических отношений: главой турецкой миссии в качестве поверенного в делах стал второй секретарь. Этот шаг официально объяснялся «бескомпромиссной» позицией правительства Израиля в отношении арабо-израильского конфликта, в том числе палестинского вопроса и проблемы Иерусалима⁹.

Однако к 1980-м годам Турция, не получив от арабских стран ожидаемой поддержки по кипрскому вопросу, начала постепенно расширять сферы сотрудничества с Израилем, в том числе и на уровне разведданных. Израиль после исламской революции 1979 г. в Иране и усиления враждебности против него Сирии и Ирака по палестинскому вопросу осознавал необходимость развития отношений с Турцией. Расширение взаимодействия в политической и экономической сфере стало результатом дальнейшего сближения.

Две важнейшие организации еврейского лобби в США (Американо-израильский комитет по вопросам общественного мнения и Еврейский институт по вопросам безопасности) вместе с Турцией вели борьбу в американском конгрессе против законопроектов, направленных против Турции, и играли важную роль в отклонении проектов, признающих геноцид армян¹⁰.

Анкара, осознавая позитивный эффект от сближения с Израилем для её интересов, подняла в 1991 г. уровень дипломатических отношений с Тель-Авивом до уровня послов, и начиная с 1990-х гг. между двумя странами стали осуществляться многочисленные взаимные визиты на высшем уровне.

Израильско-турецкое сотрудничество 1990-х гг. имело несколько уровней и должно рассматриваться как в собственно военной, так и в политической и геополитической сферах. При этом как представители турецких военно-политических кругов, так и эксперты по проблемам региональной безопасности и внешней политики единодушны в том, что для Турции важность военно-политического альянса с Израилем во многом была обусловлена также возможностью усиления потенциала турецкой армии и спецслужб в борьбе против курдских организаций.

Турецкий политолог С. Кохен в статье «Стратегический диалог с Израилем» подчеркивал, что «сотрудничество не ограничивается» закупками военного снаряжения и технологий, основа стратегического сотрудничества расширена.

«Обе стороны сближаются потому, что им противостоит общая угроза, и они считают полезным в соответствии с этим согласовывать свою политику». По мнению турецких военных и дипломатических инстанций, пишет Кохен, полезность указанного сотрудничества для Турции состоит в следующем:

1. Израиль в состоянии обеспечить потребности вооруженных сил Турции по многим видам новейшего вооружения и технологий. Турция испытывает трудности (по политическим причинам) в обеспечении этих потребностей из США и других стран.
2. Сотрудничество с Израилем в сфере безопасности обеспечит Турции преимущества в борьбе с терроризмом.
3. Сотрудничество укрепляет позиции Турции перед её «проблемными соседями». Если сказать более откровенно, ось Турция – Израиль с участием США является новым и эффективным способом сбалансирования сил против Сирии и Ирана. Предполагается, что как фактор принуждения это сотрудничество окажет воздействие на соседние страны, являющиеся источником некоторых действий против Турции.
4. Влияние, которое имеет Израиль в США, может быть использовано для того, чтобы способствовать отмене ограничений на продажу и поставки оружия.
5. Турция придает значение сотрудничеству с Израилем в рамках разработанной концепции национальной стратегии.

В свете перечисленных для сближения причин, по мнению автора, «представляется необходимым с точки зрения безопасности Турции стратегический диалог и сотрудничество с Израилем»¹¹.

Что касается Израиля, то Тель-Авив был чрезвычайно заинтересован в сближении с Турцией, особенно с учетом своего ВПК, возможности пробить брешь в имеющемся вокруг него враждебном мусульманском окружении, а также исходя из интересов своих партнерских отношений с США, которые в 1990-х гг. были весьма заинтересованы в налаживании стратегических отношений между Турцией и Израилем. Однако и тут весьма важным препятствием для Израиля являлся курдский вопрос, так как в сферу деятельности интересов его национальной безопасности, когда это было возможно, входила помощь курдам (особенно в Ираке и частично в Сирии) для ослабления своих наиболее опасных арабских противников –

Сирии и Ирака. Однако Израиль всегда диверсифицировал свои отношения к различным общинам курдов, живущих в странах Ближнего Востока¹².

Осенью 1994 г. во время визита в Израиль премьер-министр Турции Т. Чиллер призвала израильское руководство к активному сотрудничеству в сфере обороны. На переговорах был поставлен вопрос об участии Израиля в модернизации турецких самолетов F-4 американского производства. Чиллер также выдвинула план широкого экономического сотрудничества, причем «его сердцевиной должны были стать Турция и Израиль». Сферами возможного двустороннего сотрудничества Т. Чиллер называла коммерческие спутники, телекоммуникации, поставки электроэнергии, водоснабжение.

В феврале 1996 г. в Тель-Авиве было подписано соглашение о сотрудничестве в подготовке военных кадров, совместных учениях, обмене информацией. В августе 1996 г. Турция и Израиль заключили соглашение о сотрудничестве в научных исследованиях, в сфере оборонной промышленности, обучении специалистов, а также договорились о передаче Турции некоторых израильских достижений в области высоких технологий. Кроме того, в рамках этого соглашения предусматривалось взаимодействие служб безопасности с целью противодействовать терроризму в регионе.

В декабре 1996 г. у берегов Израиля состоялись маневры с участием ВМС Турции, Израиля и США, что вызвало резкие протесты Ирана и ряда арабских стран¹³.

В декабре 1996 г. Было подписано соглашение о модернизации турецких самолетов «F-4» и о проведении над территорией Турции тренировочных полетов израильских летчиков.

В мае 1997 г. в ходе визита в Израиль министр обороны Турции Т. Тайян подчеркнул, что «за терроризмом в регионе стоит Сирия», на что его израильский коллега указал, что обе страны тесно сотрудничают по вопросу Сирии. Израильская служба безопасности оказала помощь в высылке лидера Курдской рабочей партии А. Оджалана из Сирии и его задержании. Министр обороны Израиля И. Мордешей в декабре 1997 г. указал, что турецко-израильские отношения вышли на уровень «стратегического союза»¹⁴.

В 90-е годы 20 века развивались экономические и торговые отношения между двумя странами. Экономические отношения регулировались межправительственными соглашениями

о свободе торговли, о торгово-экономическом сотрудничестве, о предупреждении двойного налогообложения. В 1997 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле, которое обеспечило Турции доступ на рынок не только Израиля, но и США, и Иордании. Создавая совместные предприятия с турецкими фирмами, израильтяне осваивали рынки Центральной Азии. К 2000 году на турецкий рынок вышли 72 израильских инвестора, и благодаря высоким сельскохозяйственным технологиям Израиля получили перспективу развития наиболее отсталые юго-восточные районы Турции¹⁵.

Набиравшее силу турецко-израильское сотрудничество получило негативную реакцию мусульманских государств региона. И хотя турецкие руководители подчеркивали, что данное сотрудничество не ставит целью создание пакта, негатив не снимался. Начиная с 1996 г. на всех саммитах Лиги арабских государств озвучивалась озабоченность турецко-израильским сближением¹⁶.

Совместные турецко-израильские морские учения 1998 г. вызвали волну критических высказываний в арабских странах. Сирия охарактеризовала учения как «фактор, нарушающий стабильность в регионе», а египетские СМИ, обвинив Турцию и Израиль в провокациях, указали: «Турция, создающая союз с Израилем, должна знать, что против каждого рода союза можно создать свой союз»¹⁷.

Критические замечания по поводу усиления оси Турция – Израиль раздавались и в самой Турции. Высказывались замечания о необходимости перейти к более взвешенной политике со всеми государствами региона¹⁸.

Вместе с тем после ареста Оджалана в 1999 г. Анкара устанавливает диалог с Дамаском, а также предпринимает шаги к возвращению к политике баланса со странами региона, которые она проводила прежде. В этой связи начинают пересматриваться и слишком тесные связи с Тель-Авивом, которые не соответствуют этой политике баланса.

После прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) осенью 2002 г. Турция сделала еще больший акцент на развитии отношений с государствами региона. Анкара стала рассматривать эти контакты в рамках региональной стратегии. Поэтому определяющим фактором в турецко-израильских взаимосвязях стали палестинский вопрос, ближневосточный процесс мирного урегулирования и отношения с арабским и

исламским миром. Таким образом, турецко-израильские отношения при ПСР претерпели ряд изменений.

Формально оставаясь союзниками, Анкара и Тель-Авив заняли диаметрально противоположные позиции по поводу американского вторжения в Ирак. Если Израиль всячески подталкивал Вашингтон к военным действиям, турецкое руководство пыталось его предотвратить.

Визит израильского президента М. Кацава в Турцию в июле 2003 г. стал первой попыткой укрепить политическую составляющую «стратегического союза». При обсуждении вопросов региональной политики израильский президент не преминул обвинить сирийского президента Б. Асада в «создании проблем между Израилем и Сирией». Однако этот выпад в сторону сирийского руководства был воспринят в Анкаре достаточно сдержанно. Уже в то время она имела совершенно другие планы в отношении Дамаска, договариваясь о визите Б. Асада в Анкару.

Турецко-израильские отношения существенно обострились весной 2004 г., когда турецкий премьер-министр Р.Т. Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров ХАМАС шейха Ясина и позднее его преемника А. Рантиси даже назвал политику Израиля близкой к «государственному терроризму».

Определенным индикатором ухудшения турецко-израильских отношений стала также отсрочка на неопределенный срок визита израильского министра промышленности и торговли Э. Ольмерта в Турцию, запланированного на середину апреля 2004 г. В качестве предлога указывалось на «чрезвычайную занятость» турецкого руководства кипрской проблемой. В то же время это не помешало правительству Турции в те же дни принять в Анкаре саудовского министра иностранных дел Сауда аль Фейсала¹⁹.

Тем не менее, исходя из приоритетов в сфере безопасности и баланса интересов на Ближнем Востоке, турецкое руководство пошло на активизацию своих отношений с Израилем. Точкой отсчета нового этапа двусторонних отношений стал визит Эрдогана в Израиль в мае 2005 г. 1 мая турецкий премьер прибыл в Израиль и сразу же начал вести переговоры о продолжении военного сотрудничества. В результате был под-

твержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму 200 млн. долларов.

Правительство ПСР стремилось наладить более тесные связи с палестинским руководством. Через несколько недель после выборов на палестинской территории в феврале 2006 г. Турцию посетила делегация организации ХАМАС во главе с Х. Машалем. Эрдоган надеялся, что этот визит позволит Анкаре сыграть важную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Пребывание Х. Машаля в Турции вызвало огромное недовольство в США и Израиле, да и большинство турецких СМИ также критически расценили визит. На данном этапе Анкара вынуждена была констатировать, что попытка наладить контакты с ХАМАС не дала никаких результатов. В Анкаре Машаль не только не выразил стремления к диалогу с Израилем, но, напротив, заявил, что «прибыл не слушать, а давать советы»²⁰.

Однако, несмотря на имевшиеся трения, турецко-израильское сотрудничество в политической, военной, торгово-экономической сфере развивалось и приносит Турции ощутимые дивиденды. Здесь можно привести высказывания посла Турции в Израиле Намига Тана, сделанные в мае 2007 г. и достаточно полно характеризующие весь спектр этих отношений: «Стратегическое сотрудничество Турции и Израиля очень важно как с региональной, так и с глобальной точек зрения. Обе страны являются светскими и демократическими государствами Ближнего Востока. В то же время Турция имеет исторические связи с регионом и в отличие от Израиля сотрудничает со всеми находящимися здесь странами. У нас имеются хорошие связи с Сирией, Саудовской Аравией, Ираном. В то же время мы с Израилем являемся стратегическими партнерами. На протяжении всей истории Турция относилась к еврейской общине с уважением, Турция первая из мусульманских стран признала независимость Израиля. За 59 лет турецко-израильское сотрудничество не прекращалось»²¹.

Далее посол дал характеристику турецко-израильского сотрудничества в сферах сельского хозяйства, туризма, высоких технологий, обороны и безопасности. Он указал, что «в регионе у Турции нет такого сильного экономического партнера, как Израиль», «товарооборот между нами составляет 2,5 млрд. долларов, и мы намерены в ближайшие годы увеличить эту сумму до 5 млрд. Каждый год Турцию посещают 450 тысяч из-

раильских туристов, т.е. каждый день к нам приезжает в среднем 1500 израильтян. Израильтяне любят Турцию и чувствуют себя здесь в безопасности. Мы намерены реконструировать в Тель-Авиве одно из зданий османского периода и открыть там Культурный центр Турции»²².

Посол также напомнил, что «сотрудничая с Израилем, вы имеете дело не только с жителями этой страны, но и еврейским лобби, обладающим большим авторитетом в таких странах, как Франция, Италия, Германия и США, и представляющим реальную политическую силу. В этом плане нельзя переоценить роль наших еврейских друзей в защите интересов Турции»²³.

В середине ноября 2007 г. Турцию одновременно посетили президент Израиля Шимон Перес и глава палестинской автономии Махмуд Аббас, которые впервые обратились к миру с трибуны турецкого парламента. В трехсторонней встрече Ш. Переса, М. Аббаса и президента Турции А. Гюля стороны обсудили в Анкаре дальнейшие шаги по ближневосточному урегулированию накануне международной конференции в американском Аннаполисе по этой проблеме²⁴.

Как пишет турецкая газета «Миллиет» с отсылкой на израильскую «Джерусалем Пост», принято решение о продаже Израилем Турции ракетно-баллистической оборонительной системы «Эрроу» и одной из систем спутников-разведчиков «Офек»²⁵.

На конференции в Аннаполисе (США), посвященной ближневосточному урегулированию и проходившей в конце ноября 2007 г., министр иностранных дел Турции А. Бабаджан подчеркнул, что Турция играет в палестино-израильском процессе мирного урегулирования «роль не стороннего наблюдателя, а активного участника», и выразил пожелание, чтобы этот процесс был завершён к концу 2008 г.²⁶

Следует констатировать, что турецко-израильские отношения обострились в 2009 г., и причиной возникновения напряженности стало развязывание Израилем военных действий в секторе Газа в конце 2008 г. Вопрос заключался в том, что Израиль осуществил нападение на сектор Газа всего через несколько дней после того, как президент этой страны Э. Ольмерт посетил Турцию. Такая последовательность событий создала впечатление, что Турция поддержала Израиль в вопросе нападения, что настроило исламский мир против неё. Однако Турция не знала о планах Израиля, и операция «Литой свинец»,

начатая сразу после визита израильского президента в Турцию, ввергла Анкару в шок²⁷.

Жесткий ответ Турция дала Израилю во время Давосского саммита. 29 января 2009 г. в рамках Международного экономического форума в Давосе разразился скандал после продолжительного эмоционального выступления президента Израиля Ш. Переса на семинаре, посвященном ситуации в секторе Газа. Когда турецкий премьер-министр стал не менее эмоционально отвечать израильскому лидеру, обвиняя Израиль в массовой гибели мирных жителей, Ш. Перес прервал Р.Т. Эрдогана, сославшись на нехватку времени. Тогда турецкий премьер-министр покинул аудиторию, заявив, что Давос для него закончился.

Поступок Эрдогана вызывал широкий общественный резонанс и поддержку в арабских странах и Иране²⁸. Вместе с тем, как указывалось в «Wall Street Journal», поведение Эрдогана на Давосском экономическом форуме объяснялось, в том числе, и желанием повысить свой рейтинг, упавший после выборов в ВНСТ в июле 2007 г. Именно исключительно по этой причине, подчеркивалось в журнале, турецкий премьер решил «разыграть израильскую карту». Как известно, по возвращении в Турцию из Ирана Эрдогана приветствовали тысячи турок с турецкими и палестинскими флагами²⁹.

Росту напряженности в отношениях Турции и Израиля способствовал и глава израильского МИД А. Либерман, который заявлял, что правительство Эрдогана все равно настроено антиизраильски, и нет смысла с ним договариваться³⁰. В сентябре 2009 г., когда Анкара начала делать первые шаги к восстановлению отношений, МИД Израиля предпочел не гасить, а усугубить конфликт, отказав министру иностранных дел Турции во время визита в Израиль в возможности посетить также и Газу. Турецкая сторона восприняла это крайне отрицательно, напомнив, что норвежский и британский министры получали от Израиля разрешение съездить в Газу, и непонятно, чем А. Давутоглу хуже европейских дипломатов³¹.

В январе 2010 г. заместитель главы МИД и соратник Либермана по партии Д. Аялон публично оскорбил турецкого посла А. Челликоглу. Посла вызвали, чтобы вручить ноту протеста в связи с показом очередной серии скандального турецкого сериала «Долина волков», в котором агенты израильской секретной службы «Моссад» похищают турецких детей. Фильм, по мнению властей Израиля, в сочетании с антиизраильской риторикой

турецких властей представляет угрозу еврейской общине Турции, израильским дипломатам и туристам.

Изначально, по данным израильских СМИ, глава МИД Израиля А. Либерман намеревался в качестве ответа отозвать из Анкары посла, однако премьер-министр Б. Нетаньяху попросил его ограничиться нотой, которую турецкой стороне вручил заместитель главы МИД Израиля Д. Аялон. При этом церемония была обставлена крайне унижительным образом. Сначала турецкому послу пришлось ждать в коридоре. Когда господина Челликоглу наконец пригласили в кабинет, Дани Аялон демонстративно не подал ему руки. Затем турецкого дипломата усадили на низкий диванчик, напротив которого на высоких рабочих креслах восседали сам Дани Аялон и два чиновника. В кабинет пригласили теле- и фотожурналистов, которым господин Аялон заявил на иврите: «Обратите внимание на то, что он сидит ниже нас, мы не улыбаемся ему, и на столе стоит только израильский флаг».

Посол не понял смысла сказанного, поскольку языком страны пребывания не владел. Но позднее он заявил, что в его 35-летней дипломатической практике не было столь унижительного эпизода. Вначале Дани Аялон не стал извиняться. Он не сожалеет о случившемся и не считает, что зашел слишком далеко. «Другие будут нас уважать, лишь столкнувшись с нашей решимостью», – заявил заместитель главы МИД Израиля³².

И лишь когда Турция пригрозила отозвать посла, Д. Аялон принес свои извинения. Данный инцидент, безусловно, отразился на двусторонних отношениях.

Новый виток усиления напряженности в турецко-израильских отношениях произошел в мае 2010 г., когда израильский морской спецназ остановил группу грузовых кораблей («Флотилия свободы») направлявшуюся с гуманитарной помощью в сектор Газа. В результате их столкновения с турецким кораблем «Мави Мармара» погибли 9 человек – граждан Турции.

Анкара потребовала от Израиля выплатить компенсации семьям погибших и принести свои извинения, на что израильская сторона ответила отказом.

В первые же дни после кризиса, вызванного захватом «флотилии свободы», в МИД Израиля начали говорить, что полный разрыв дипломатических отношений с Турцией – «лишь вопрос времени». Напротив, Анкара, испытывая сильное давление США, пыталась найти пути примирения с Тель-Авивом

в обход израильского МИД. Через месяц после кризиса министр промышленности Биньямин Бен-Элиэзер принял приглашение министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу и встретился с ним с благословения Б. Нетанияху и Э. Барака, «зabывших» оповестить о встрече Либермана. Глава МИД устроил скандал и потребовал, чтоб подобное больше не повторялось.

После пожара на горе Кармель в декабре 2010 г., когда турецкие пожарные оперативно откликнулись на израильский призыв о помощи, забрезжила надежда на смягчение напряженности в отношениях двух стран. Однако глава МИД Израиля отреагировал незамедлительно, выступив с грубыми оскорблениями в адрес Анкары. Либерман назвал министра иностранных дел и главу правительства Турции лжецами, заявив, что «не вмешивается во внутренние дела Анкары, но не намерен терпеть доносящуюся оттуда ложь». Ложью Либерман назвал слова главы турецкого МИД о том, что Турция готова сотрудничать с Израилем, и это доказывается тем, как быстро она откликнулась на призыв о помощи во время пожара на Кармеле. При этом главный дипломат Израиля заявил, что ожидание извинений от Израиля является «более чем наглостью» со стороны Анкары. Премьер-министр Б. Нетанияху, до той поры тщательно избегавший прямой конфронтации с Либерманом, после этих заявлений впервые решительно отмежевался от его высказываний и заявил, что глава МИД не уполномочен выражать позицию правительства Израиля³³.

Однако в итоге глава правительства все-таки счел мир со своим министром иностранных дел более важным, нежели мир с Турцией, – и позиция Израиля на переговорах об урегулировании кризиса вокруг «Мави Мармара» осталась непреклонной. Объявляя о новых «санкциях» против Израиля, глава МИД Турции Ахмет Давутоглу заявил, что безуспешность переговоров объясняется «проблемами внутри коалиционного правительства» Израиля.

Бывший гендиректор МИД д-р А. Лиэль, 30 лет назад начавший свою карьеру вторым секретарем посольства в Стамбуле, в своем интервью резюмировал, что профессиональные дипломаты без труда уладили бы последний конфликт, но, увы, обе стороны вынесли его «на политический и партийный уровень», раздувая эмоции и разыгрывая карту «национальной гордости»³⁴.

Турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу констатировал, что после событий с «Мави Мармара» турецкие и

израильские представители провели четыре тура переговоров, несколько раз были сформулированы тексты соглашений, отвечающих турецким требованиям в отношении извинений и компенсации, однако в «связи с разногласиями в коалиционном правительстве Израиля эти соглашения не были претворены в жизнь»³⁵.

После происшедшего с флотилией представители двух стран вошли в специальную комиссию при ООН, созданную для изучения обстоятельств инцидента и выявления виновных. Спустя много месяцев отсрочек и проволочек доклад международной комиссии во главе с Джеффри Палмером был опубликован. Подвергнув резкой критике действия израильских силовых структур при захвате корабля и их обращении с пассажирами судов, авторы доклада отмечают, что морская блокада Израилем сектора Газа и перехват направляющихся туда судов носит законный характер. Мотивы же снарядивших флотилию вызвали серьезные нарекания авторов доклада, которые сочли эту инициативу скорее рекламным ходом, нежели гуманитарной акцией³⁶.

Появление данного доклада, как и следовало ожидать, привело к дальнейшему и весьма серьезному обострению турецко-израильских отношений.

На следующий день после появления отчета ООН министр иностранных дел Турции А. Давутоглу озвучил пять мер, которые правительство Турции намерено принять по отношению к Израилю:

1. Свести дипломатические отношения между двумя странами до уровня вторых секретарей посольств, выслав из страны всех дипломатов выше означенного ранга.
2. Заморозить все соглашения в военной сфере.
3. Принять меры для обеспечения беспрепятственного передвижения в восточной части Средиземного моря.
4. Не признавать блокады сектора Газа, обратившись в Международный суд.
5. Отстаивать в суде интересы всех пострадавших участников «флотилии свободы», как турецких, так и иностранных.

По требованию Анкары Турцию покинул посол Израиля и все высокопоставленные израильские дипломаты, уровень дипломатических отношений был снижен до степени второго секретаря, были приостановлены все турецко-израильские воен-

но-технические договоры и заявлено, что Анкара поднимет вопрос легитимности блокады Газы в Международном суде в Гааге и, наконец, против премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, министра обороны Э. Барака, начальника Генштаба Г. Ашкенази, командующего военно-морскими силами З. Мерома и ряда офицеров будет представлен иск в международные судебные инстанции с обвинениями в убийствах вышеупомянутых девяти турецких активистов³⁷.

Вышеупомянутое заявление и, главное, слова Эрдогана о том, что в следующий раз турецкие военно-морские силы будут сопровождать корабли, везущие в сектор Газа гуманитарный груз, в Тель-Авиве восприняли как новую программу по оказанию давления на Израиль – программу, которая является не столько продолжением инициативы, связанной с «Флотилией свободы», сколько приходит ей на замену. С другой стороны, стало очевидно: в Анкаре принято решение усилить давление на Тель-Авив, и турецко-израильский кризис из противоречий постепенно трансформируется в конфликт.

В пользу последнего вывода говорит также и ряд других обстоятельств. 6 сентября министр Турции по вопросам Евросоюза Э. Багыш заявил, что Анкара озабочена программами Республики Кипр по проведению буровых и разведывательных работ в восточной части Средиземного моря, на примыкающих к южным берегам острова Кипр территориях, где обнаружены значительные запасы природного газа.

Кипр подписал с Израилем, Египтом и Ливаном соглашение об особой экономической зоне, согласно которым эти страны фактически поделили между собой примыкающие к ним участки Средиземного моря и начали там поисковые работы нефти и газа. Между тем правительство острова подписало договор с американской компанией “Noble Energy” о начале разработки крупного газового месторождения в кипрской зоне, работы на которой начались в октябре 2011 г.

На фоне этих событий Анкара заявила, что вопрос об особых экономических зонах спорен, поэтому стороны не имеют права начинать там работы по добыче энергоносителей. Что касается Кипра, то министр энергетики Турции Т. Йылдыз заявил, что не нужно злоупотреблять терпением Анкары, а Э. Багыш открыто пригрозил, что если кипрская сторона начнет работы, то Анкара отправит к этому участку свои военно-морские силы, как сделала это в 2008 г.³⁸

Однако речь идет не только о Кипре. 8 сентября в ходе вышеупомянутого интервью телекомпании «Аль-Джазира» премьер-министр Турции также заявил, что нужно предпринять шаги по прекращению односторонней добычи энергоносителей Израилем в восточной части Средиземного моря. Хотя Эрдоган не детализировал, какие шаги будут предприняты, эти слова, прозвучавшие вместе с заявлением об отправке турецких военно-морских сил в сектор Газа, были призваны показать цель Анкары – не столько иметь долю от предстоящей добычи нефти и газа в восточной части Средиземного моря, сколько подтвердить свое военно-политическое влияние в этой части Средиземноморья. Если Турции это удастся, то это станет дополнительным фактором давления на Тель-Авив, поскольку израильские военно-морские силы в период своей деятельности будут иметь серьезного конкурента, присутствие которого может ограничить возможности израильтян³⁹.

Позже турецкие СМИ сообщили о «плане Барбаросса» – новой военно-морской стратегии Турции, которая предполагает существенное наращивание числа кораблей и судов ВМС в восточной части Средиземноморья, т. е. непосредственно у границ с Израилем⁴⁰.

Вскоре после введения мер против Израиля турецкий премьер-министр в сентябре 2011 г. отправился в поездку по странам «победившей арабской весны» – Египет, Ливию, Тунис. Он выступил перед министрами иностранных дел Лиги арабских государств в Каире, и главной темой выступления стала анти-израильская риторика. Как считает турецкий политолог С. Кохен, именно непримиримая позиция, занятая Эрдоганом в отношении Израиля, повысила его популярность в арабском мире⁴¹. После жесткой критики Израиля и аплодисментов во время тура по Ближнему Востоку «из Вашингтона пришло требование о встрече Р. Эрдогана с Б. Обамой, что вызвало определенные опасения в Турции»⁴². Как писал известный турецкий журналист М.А. Биранд, «предполагалось, что американский президент выскажет немало критических замечаний турецкому премьеру по вопросам Израиля и Палестины, и отношения между Анкарой и Вашингтоном обострятся. Однако получилось наоборот: встреча Обамы и Эрдогана оказалась дружественной и плодотворной»⁴³.

«Согласие Турции на размещение на своей территории ракетных радаров под зонтиком НАТО настолько удовлетворило

Вашингтон, что, по словам Биранда, администрация Обамы «не желала видеть ничего другого». Еще одним важным пунктом переговоров стала разработка санкций против Сирии. И турецкий премьер, и американские представители заявили о полном совпадении взглядов по вопросу санкций, направленных на смену режима в Сирии»⁴⁴.

По вопросу Израиля Б. Обама обратился к Р.Т. Эрдогану с просьбой: «Полностью не закрывайте дверь, смягчите жесткие формулировки в отношении Израиля»⁴⁵.

Израиль разработал план ответных действий в отношении Турции. 9 сентября израильские СМИ сообщили о создании рабочей группы во главе с министром иностранных дел Израиля А. Либерманом, которая должна разработать пакет предложений о том, что может предпринять израильское государство против Турции. Среди предполагаемых мер:

- оказание Тель-Авивом политического и, не исключено, военно-технического содействия Рабочей партии Курдистана (организации, признанной в Турции террористической);
- разворачивание в Конгрессе США антитурецкой кампании, в том числе представление законопроектов антитурецкой направленности;
- содействие армянскому вопросу (с этой целью планировалась встреча Либермана с представителями армянских лоббистских структур в США)⁴⁶.

Предположения министра иностранных дел Либермана по мерам «наказания» Турции, отраженное в прессе, было жестко воспринято в турецких политических кругах. Председатель Великого Национального Собрания Турции Дж. Чичек заявил: «Это безответственное заявление... и они бросают тень на исторические отношения. Они могут привести к дальнейшим осложнениям»⁴⁷.

Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу на пресс-конференции, отвечая на вопросы журналистов по поводу возможной тайной помощи Израиля Рабочей партии Курдистана, заявил следующее: «В вопросах борьбы с терроризмом Израиль, как и всякая ответственная страна, должен вести себя ответственно. Появление подобных слухов в прессе вызывает справедливое возмущение... Наше правительство должно провести расследование и соответствующим образом отреагировать. Никто не сможет поставить нас в слабое положение, никто не

должен испытывать наши силы, и это наша принципиальная позиция. Израиль знает, что надо делать, чтобы ликвидировать кризис доверия»⁴⁸.

Турецко-израильские отношения нельзя рассматривать вне общего контекста турецкой внешней политики. Прекращение отношений с Израилем повлияет не только на Турцию и Израиль, но приведет также к многоплановым изменениям в турецкой внешнеполитической парадигме. Либо Турция остается «мягкой силой», которая придерживается политики «отсутствия проблем с соседями» и, следовательно, сохраняет свои контакты с Израилем, либо она становится «жесткой силой», имеющей наиболее сильный флот в Восточном Средиземноморье, и тогда прекращает свои отношения с Израилем и сохраняет свои проблемы с соседями. Нет нужды говорить, что переход от «мягкой» силы к «жесткой» – необратимая метаморфоза. Турция может и, следует надеяться, действительно повернет назад к более ранним политическим принципам, которых придерживался турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу. Конечно, это будет зависеть от того, согласится ли Израиль удовлетворить требования Турции, связанные с инцидентом, происшедшем с флотилией свободы. Ведь отказавшись принести извинения и выплатить компенсации семьям погибших, Израиль теряет не только союзника, он оставляет весь Ближний Восток без прекрасного посредника. Не следует упускать из виду, что турецко-израильский конфликт уничтожил возможность для Анкары играть ключевую роль в мирном процессе на Ближнем Востоке. Как подчеркивает турецкий политолог С. Идиз, «сколько бы арабские улицы ни аплодировали Эрдогану, до тех пор, пока Израиль не захочет, Турция не будет включена в этот процесс»⁴⁹.

Глава палестинской автономии М. Аббас именно это имел в виду, когда, отвечая на вопросы журналистов на заседании Европейского Совета, подчеркнул: «Принесение Израилем извинений и нормализация отношений двух стран обеспечит вклад в мирный процесс на Ближнем Востоке». Аббас, указавший также, что Турция не должна говорить о снятии блокады Газы как об одном из условий, напомнил о посредничестве Анкары в переговорах Сирии и Израиля. «Если бы эта инициатива не остановилась на полпути в связи с агрессией Израиля в Газе, она бы обеспечила важный вклад в ближневосточный мирный процесс, в установление стабильности в регионе».

Учитывая, что за последние 7 месяцев 2011 г. товарооборот между двумя странами составил 2,7 млн. долларов, причем Израиль является 17-м по списку рынком Турции, в то время как Турция – 6-м рынком для Израиля, директор Центрального банка Израиля С. Фишер указывает, что потеря такого партнера, как Турция, обойдется Израилю очень дорого⁵⁰.

И Турция, и Израиль кажутся твердыми в своем намерении не идти на уступки. Правда, израильские СМИ не лоббируют отстаивание гордости в данном случае, утверждая, что принятие извинений и выплата компенсаций ничуть не ударят по имиджу Израиля, даже, напротив, поднимут его в глазах мировой общественности⁵¹.

Вместе с тем, хотя говорить о полной нормализации турецко-израильских отношений на нынешнем этапе пока не приходится, уже в ноябре 2011 г. можно отметить известные подвижки в этом направлении. Как сообщил «Вестнику Кавказа» информированный источник в израильском Кнессете, в ближайшее время в отношениях между Израилем и Турцией может произойти «некоторое потепление». По словам этого источника, спецпосланнику премьер-министра Израиля Б. Нетанияху удалось добиться «определенного взаимопонимания» с турецким МИДом о форме и формулировке извинений, которые готов принести Израиль за инцидент с судном «Мави Мармара» в 2010 г.

О чем-то конкретном говорить пока рано, но контакты с представителями правительства Турции продолжаются и уже приносят свои плоды. Это проявляется хотя бы в том, что и премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган, и другие видные турецкие политики отказались от антиизраильской риторики. Контакты Израиля с представителями турецкой оппозиции и коалиции продолжаются.

Еще одним возможным признаком грядущего потепления стал приезд в Израиль 17 ноября 2011 г. большой делегации турецких журналистов. Когда-то, разумеется, подобные визиты были в порядке вещей, и никто не обратил бы на это внимания. Однако после возникновения израильско-турецкого кризиса многое поменялось. Разумеется, израильские СМИ оставили своих соборов в Турции, а турецкие в Израиле, но не более того.

Как сообщается, в первый день своего визита гости из Анкары посетили иерусалимскую больницу «Адача Эйн-Карем», ознакомились с ведущимися там исследованиями и встретились

с работающими здесь своими соплеменниками – турецкими учеными, проводящими совместно с израильянами научные изыскания в области генной терапии, и врачами-стажерами из Турции. В ходе встречи прозвучали ставшие уже обычными слова о том, что политика – политикой, а отношения между народами остались прежними. Но, может быть, пришло время, чтобы это поняли и политики?⁵².

Другим важным шагом стала передача Израилем Турции в конце ноября 2011 г. пяти беспилотных летательных аппаратов «Херон», отправленных на доработку. Известно, что в сентябре 2011 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган обвинил официальный Иерусалим в нарушении своих обязательств, заключающихся в том, что он затягивает возвращение этих БПЛА.

Еще более значительной новостью является то, что израильские техники прибыли на турецкую военную базу для ремонта «беспилотников», осуществляющих наблюдение за курдскими сепаратистами. Это первое появление израильских специалистов в Турции после обострения отношений между двумя странами, позволяющее говорить о возобновлении израильско-турецкого военного сотрудничества.

Однако министерство энергетики Турции подвергло резкой критике продолжение нефтегазоразведочных работ в Средиземном море, ведущихся совместными усилиями Израиля и Кипра. Согласно заявлению министерства, данные работы незаконны и само их проведение без согласования со всеми заинтересованными сторонами (то есть с Турцией и Турецкой Республикой на Кипре) создает дополнительную напряженность в регионе.

Тот же источник в Кнессете отмечает, что говорить об окончательном восстановлении отношений между Израилем и Турцией в прежнем объеме пока не приходится, и вряд ли это произойдет раньше лета 2012 г. В то же время определенные сдвиги налицо, и это не может не вселять надежду, сказал этот источник⁵³. В интервью информагентству АрмИнфо директор Института стран Восточной Европы и СНГ в Тель-Авиве депутат Кнессета XV созыва доктор А. Цинкер указывает, что при всем напряжении в израильско-турецких отношениях заключенные договора продолжали осуществляться до последнего времени. Разрыв стал приобретать критический характер после того, как он перешел на личностный уровень, когда

Р. Эрдоган отказался общаться с президентом Израиля Ш. Пересом в Давосе. А после инцидента с «флотилией мира» и открытой поддержкой террористической организации ХАМАС, разрыв отношений стал необратимым. При этом сегодня он уже не такой острый, как был еще несколько месяцев назад. Не следует забывать, что Турция является членом НАТО и, подобно Израилю, стратегическим партнером США в регионе. Напряженные беседы с президентом США Б. Обамой и госсекретарем США Х. Клинтон, видимо, дали определенные результаты. Образно выражаясь, Эрдоган сегодня пытается «слезть с дерева», на которое он очень высоко залез. Логическая последовательность действий нынешнего руководства Турции в области внешней политики, честно говоря, не очень понятна. Не видно реально достижимых целей, к которым оно может прийти, пожертвовав тем или иным во взаимоотношениях с соседями. Всем необходимо понять, что в нашем сложном взрывоопасном регионе не может быть только один лидер, как бы Турции или кому-либо другому этого ни хотелось. Сегодня и в Израиле, и в Турции существуют группы политиков (в Турции это значительное число высших офицеров), которые считают, что возврат к прежним отношениям между странами до сих пор реален⁵⁴.

Важным жестом на пути примирения сторон стало выступление заместителя министра иностранных дел Израиля Д. Аялона на совещании «Израиль в обстановке изменяющейся стратегии», проведенном английским аналитическим центром «Chatham House» (Лондон) в январе 2012 г. Д. Аялон, в частности, сказал следующее: «Мы высоко ценим турецкий и израильский народы. Турция является великой страной, и всегда была мостом между Востоком и Западом. Израиль очень хочет вновь нормализовать отношения с Турцией. В прошлом году наши торговые отношения выросли на 33%, и высказывается желание, чтобы наши народы сотрудничали в обстановке совместной заинтересованности и согласия. Мы верим в то, что необходимо отказаться от провокационных высказываний, и хотим, чтобы события с флотилией «Мави Мармара» были закрыты»⁵⁵. Далее Аялон подчеркнул: «Мы должны хладнокровно все обдумать, и со временем у нас будут крепкие связи в области экономики, политики и науки»⁵⁶.

На вопрос о том, что Израиль и греческая часть Кипра заключили соглашения в области обороны, и это сближение

может способствовать росту напряженности в Восточном Средиземноморье, израильский дипломат ответил, что «какие-либо отношения Израиля с другими странами в регионе не должны восприниматься как угроза против других стран, особенно против Турции. Мы работаем в этом регионе по поиску нефти и газа вместе с Грецией и Кипром в связи с географической близостью. И это обеспечит пользу всем. И это должно быть с удовлетворением встречено как в Англии, так и в Турции»⁵⁷.

В целом можно констатировать, что улучшение отношений между Турцией и Израилем произойдет и, судя по всему, процесс уже начался. Вместе с тем уровень отношений уже вряд ли достигнет того уровня стратегического партнерства, которое имело место в середине 1990-х гг. При этом холод и недоверие между нынешними руководителями двух стран еще долгое время будут сказываться на межгосударственных отношениях.

¹ Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşından Bugüne. Cilt I. 1919–1980. İstanbul, 2000, с. 647–648.

² Ibid.

³ Cumhuriyet, 09.03.1966.

⁴ Cumhuriyet, 08.04.1966.

⁵ Vatikiotis P. Conflicts in the Middle East. L., 1971, с. 25.

⁶ Hürriyet, 13.10.1973.

⁷ Новое время, 1973, № 46, с. 10.

⁸ Dünya, 03.12.1980.

⁹ Christian Science Monitor. Boston, 11.12.1980.

¹⁰ <http://politikadergisi.com/okur/makale>.

¹¹ Milliyet, 07.05.1997.

¹² 21-й век. 2007, № 1 (5), с. 59.

¹³ Dursunoğlu A. Stratejik ittifak: Türkiye – İsrail ilişkilerinin Öyküsü. İstanbul, 2000, с. 32.

¹⁴ <http://politikadergisi.com>.

¹⁵ Türk Dış Politikası. Cilt II. 1980–2001, с. 573.

¹⁶ Türkiye ve Orta Doğu Tarih Kimlik Güvenlik. İstanbul, 1999, с. 181–190.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Türk Dış Politikası cilt II: 1980–2001.

¹⁹ www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/493/46477.

²⁰ Star Gazete, Radikal, 18.02.2006.

-
- ²¹ [www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/05/m90635 htm](http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/05/m90635.htm).
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ USAK (Uluslararası, Stratejik Araştırmalar Kurumu) Stratejik Gündem. 13.11.2007.
- ²⁵ Milliyet, 13.11.2007.
- ²⁶ Yeni Sabah, 28.11.2007.
- ²⁷ Bölme S. Gazze'de kattiam, Seta Analiz. Ocak, 2009, с. 4.
- ²⁸ www.uan.Ru/world/20090202/160791840.html.
- ²⁹ Rosen S. Erdogan and the Israel Card // Wall Street Journal, 10.06.2010.
- ³⁰ Разрыв с Турцией – триумф Либермана:
<http://news.israilinfo.ru/politics/38298>.
- ³¹ Ibid.
- ³² Коммерсант, № 3, 13.01.2010.
- ³³ <http://news.israelinfo.ru/politics/38298>.
- ³⁴ <http://news.israelinfo.ru/politics/38298>.
- ³⁵ Hürriyet, 03.09.2011.
- ³⁶ <http://rusian.eurasianet.org/node/58859>.
- ³⁷ Hürriyet, 05.09.2011.
- ³⁸ Milliyet, 12.09.2011.
- ³⁹ <http://analitika.at.ua/news/2011-09-30>.
- ⁴⁰ Огонек, № 37, 19.09.2011 и <http://lenta.ru/articles/2011/09/09>.
- ⁴¹ Milliyet, 20.09.2011.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Р.Т. Эрдоган и Б. Нетаниягу (<http://lenta.ru/articles/2011/09/09>).
- ⁴⁷ Milliyet, 11.09.2011.
- ⁴⁸ Milliyet. 11.09.2011.
- ⁴⁹ Milliyet. 15.10.2011.
- ⁵⁰ www.news.az/authors/119.
- ⁵¹ www.news.az/authors/119.
- ⁵² www.vestikavaza.ru/article/politika/geo, 17.11.2011.
- ⁵³ www.vestikavkaza.org/politika/geo/46945.html, 23.11.2011.
- ⁵⁴ www.kavkazoved.info/news/2011/11/17.
- ⁵⁵ www.cnnurk.com2012/dunya/01/17/israilden_turkeyye_mesaj_vav/index/html.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid.

**ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ЧЕРНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ
В НАЧАЛЕ XXI в.**

В последние десятилетия Черноморский регион приобретает все большее значение. Причиной тому является транзитная важность региона в плане поставок энергоносителей как из Каспийского региона, так и из Ирана и Ирака в страны Европы.¹

В то же время подобная роль Черноморского региона и внимание к нему означают и повышение его военного значения, а равно опасности конфликтов, что заставляет говорить о важности построения системы региональной безопасности, появление элементов которой мы наблюдаем в последние годы (Организация Черноморского Экономического сотрудничества, военно-морская программа «Черноморская гармония» и Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия, более известная под именем «Blackseafor»)².

Таким образом, активизация США и других ведущих государств мира в Черноморско-Каспийском регионе может существенно повлиять на военно-политический расклад сил на Черном море, что ставит перед Турцией и другими ведущими черноморскими государствами необходимость выработки мер по обеспечению своей военной безопасности. К этому также подталкивают опасность террористических актов и тот факт, что Турция становится всё более неподконтрольной США и НАТО, более самостоятельной в выработке и осуществлении многовекторной политики, призванной изменить положение Турции не только в Черноморском регионе, но и в других, более отдаленных странах Ближнего Востока. Основу турецкой политики составляет концепция энергетической безопасности.³

Региональная (черноморская) политика Турции в начале XXI в.: концепции, цели, задачи

После распада СССР Турция стала рассматривать Черное море как транспортный коридор, который откроет ей альтернативные транспортные и торговые пути в Восточную и Северную Европу, на Кавказ и в Центральную Азию. Начиная с 1990-х гг. во внешней политике Турции Черноморский регион стал восприниматься в первую очередь как средоточие важнейших коммуникаций. В связи с этим основные политические задачи Турции на Чёрном море можно охарактеризовать как стремление к обеспечению политической и военной безопасности в регионе. Сама Турция, по мнению наблюдателей, на сегодня играет сложную партию, в которой преследует несколько целей:

- 1) Отойти от зависимости от США и проводить в регионе свою политику, не связанную с общей позицией НАТО.
- 2) Сыграть с максимальной выгодой для себя на энергетических интересах ЕС и энергетических амбициях России (Турция параллельно участвует в диалоге вокруг российского проекта «Южный поток» и конкурирующего с ним проекта «Набукко» по поставке энергоносителей в Европу в обход Российской Федерации).
- 3) Добиться в итоге статуса признанного регионального лидера.⁴

На сегодняшний день очевиден и тот факт, что добиться поставленных целей Анкара может лишь при условии неоспоримого военно-морского превосходства над остальными странами Черноморского региона, чего планомерно и добивается.

Таким образом, геополитические амбиции заставляют Турцию задумываться о своём положении в акватории Чёрного моря. Турция остается членом НАТО, но, по оценке ряда российских политологов (А. Сваранц и др.), преследует прежде всего собственные цели и не является флагманом натовской политики на Чёрном море.

Взаимодействие Турции со странами региона в области безопасности и в военной сфере

В качестве нового вклада в обеспечение региональной безопасности Турцией рассматривается проводимая национальными ВМС по согласованию с НАТО операция «Черноморская гармония». Созданная по инициативе Турции в 2004 г., эта операция предусматривает постоянное присутствие, патрулирование силами турецкого флота и других стран-членов «Черноморской гармонии» Чёрного моря и наблюдение за подозрительными судами преимущественно в юго-западной части побережья. Соответствующие мероприятия проводятся с марта 2004 г. Основная их цель – получение полных и достоверных данных о передвижении судов в регионе и вскрытие признаков возможной противозаконной деятельности.⁵ В определенной мере командование ВМС Турции рассматривает это мероприятие как «полигон» для испытания новых военных кораблей и отработки порядка возможного использования Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия для противодействия терроризму и распространению оружия массового поражения в регионе.⁶

Оценивая шаги Турции в направлении создания системы военной безопасности, следует отметить, что Турция будет и далее использовать потенциал своего участия в различных международных организациях (ОЧЭС, НАТО, «Черноморская гармония», Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия) для усиления своего влияния в Черноморском регионе. Немаловажное значение имеет и реальная угроза терроризма, что побуждает Турцию активно развивать контртеррористические возможности.⁷ Одной из главных задач при этом является организация товаропотоков, транспортного и торгового сообщения со странами Черноморского региона.

Военные аспекты российско-турецких отношений в черноморском регионе: сотрудничество и интересы

Энергетическая значимость Черноморского региона и внимание к нему со стороны крупных региональных и мировых игроков автоматически означает и повышение его военного

значения, а равно опасности конфликтов. При этом в плане создания эффективной системы военной безопасности Черноморского региона особенно важное значение приобретают отношения двух крупнейших черноморских стран – России и Турции.

В связи с этим необходимо учитывать:

- 1) Скрытую борьбу России и Турции за лидерство в регионе, наращивание ими своих ВМС (особенно со стороны Турции).
- 2) Взаимный интерес России и Турции – как в экономическом, так и в более широком контексте.

В 2000-е гг. (в отличие от 1990-х гг.) в турецких политических кругах произошла общая переоценка роли и перспектив России в регионе. Именно Россию турецкая сторона считает наиболее сильной державой на Чёрном море, с которой необходимо считаться. Оценки Турции в данном случае надо рассматривать, разумеется, не с точки зрения фактического преобладания России на Черном море. Турецкий флот является крупнейшим военно-морским соединением в регионе, и хотя по количеству кораблей-ракетоносцев Россия имеет неоспоримое превосходство, суммарная огневая мощь ВМС Турции и РФ соотносится специалистами как 1 к 1,5, и эта разница не в пользу России.⁸ Думается, что в своих оценках перспектив России на Черном море командование турецких ВМС исходит прежде всего из того потенциала, которым располагает Россия и который в случае его реализации позволит ей вернуть себе преобладание в регионе.

Это может объяснить решение, принятое Советом национальной безопасности Турции в октябре 2010 г. в связи с изменениями, внесёнными в Стратегию национальной безопасности, рассчитанную на пять лет (сама концепция национальной безопасности, напомним, была принята СНБ 24.10.2005 г.). Согласно этой новой редакции, впервые после развала СССР Россия стала рассматриваться Турцией как потенциальный противник. Такое решение турецкой стороны, несмотря на беспрецедентно теплые отношения между двумя странами в последний период, может объясняться тем, что турецкое руководство не исключает возможности усиления соперничества российского и турецкого «партнёров» за влияние в регионе.⁹

Впрочем, на сегодняшний день потенциал российско-турецкого сотрудничества достаточно велик. Обе стороны нуждаются друг в друге. Турция стремится обеспечить участие

российского ВМФ в совместном противодействии террористическим угрозам на Черном море, что связано прежде всего с постоянным давлением на Анкару со стороны США и НАТО, считающих необходимым включить Черноморский бассейн в зону проведения операции «Активные усилия». США активизируются на Черном море при взаимодействии с Румынией и Болгарией. С этими странами в 2005 году подписаны соглашения о создании на их Черноморском побережье американских военно-морских баз.¹⁰

По мнению турецкой стороны, истинными причинами активизации объединённых военно-морских сил блока НАТО в Черном море являются желание руководства Альянса установить контроль за маршрутами транспортировки энергоносителей в регионе, а также стремление снизить значимость успешно развивающегося диалога между турецким и российским флотами.¹¹ Против такого подхода и выступает Турция, которая опасается снижения своего влияния в регионе в случае постоянного присутствия в Черноморском бассейне военно-морской группировки НАТО (турецкая сторона опасается ревизии конвенции о проливах 1936 г. и уменьшения своего веса как ведущего регионального военного игрока). В Анкаре справедливо считают, что в Черноморском регионе действует достаточное количество структур и механизмов, которые в состоянии эффективно противодействовать возможным вызовам и угрозам.¹² Данную позицию Анкары полностью разделяют в Москве, считая, что появление в регионе новых игроков, имеющих долгосрочные интересы, зачастую не совпадающие с позициями отдельных причерноморских стран, способно лишь разрушить и без того хрупкий баланс сил и интересов и дестабилизировать ситуацию в бассейне Черного моря.¹³ Схожую точку зрения высказывает и ряд наблюдателей. Так, по мнению политолога И. Мурадяна, положение Южного Кавказа, оказавшегося в настоящее время в центре внимания крупных держав (США, ФРГ, Великобритании, России и Турции), может со временем стать более уязвимым с точки зрения безопасности. Он отмечает, что оказавшись в данных геополитических условиях, государства Южного Кавказа будут нуждаться в гораздо более высоком уровне безопасности, что может привести к их серьёзным претензиям на членство в НАТО. Развертывание же в этом случае на Южном Кавказе системы защиты и безопасности при участии США, с точки зрения И. Мурадяна, со време-

нем может стать причиной значительного усиления конфронтации в регионе.¹⁴

Таким образом, Турция позиционирует себя на Черном море в качестве самостоятельного игрока, пытаясь таким образом выжать максимум возможного из системы созданных ею формальных и неформальных союзов. Представляется, что Турция и далее будет стараться совместить в возможных пределах сохранение отношений с США и «российского» вектора своей внешней политики. Многообразие существующих интеграционных структур и объединений (СНГ, ОДКБ, ОЧЭС и пр.) пока что не привело к выработке новой системы безопасности в Черноморском регионе. Совместная деятельность России и Турции в деле урегулирования имеющихся здесь региональных конфликтов могла бы принести пользу. Однако это предполагает принципиально новый уровень взаимного доверия. В какой степени Россия и Турция смогут подчинить свои амбиции идее создания новой системы региональной безопасности Черноморского региона – вопрос будущего.¹⁵

Соотношение военного потенциала Турции на Чёрном море с остальными странами региона и Россией: реальность и последствия

На турецкий флот до развала СССР прежде всего ложилась задача блокирования Черноморских проливов. Поэтому в составе флота находилось так много тральщиков и заградителей (в большинстве случаев это были устаревшие военные корабли, переданные Турции в рамках военной помощи от стран НАТО, частично модернизированные на турецких верфях).

Сегодня же командование турецких ВМС, заключая долгосрочные контракты с иностранными судостроителями, не спешит с «прозападной» модернизацией кораблей, а проводит ее в соответствии с реальными экономическими возможностями своей страны и потребностями флота. При этом оно постепенно переносит тяжесть выполнения кораблестроительных контрактов на национальные верфи, чем создает дополнительные рабочие места, стандартизирует морское оружие и постепенно отдаляет турецкий флот от иностранной, прежде всего американской и немецкой зависимости в деле военного кораблестроения.¹⁶

Таким образом, Турция все менее зависит от иностранного кораблестроения и создает флот будущего для господства в Черноморском бассейне и проливах. Начиная с 2009 г. турецкий флот начал расти в численном составе (после развала СССР было проведено сокращение турецких ВМС). Его основу составляют фрегаты и легкие фрегаты с управляемым ракетным оружием, малые ракетные корабли и подводные лодки.¹⁷ Флот уже не ограничивается только береговой обороной (на сегодняшний день списаны минные тральщики, эсминцы, фрегаты). Кроме того, у турецкого руководства имеются большие планы в отношении строительства новых военных кораблей, рассчитанные до 2015 г. Их реализация позволит значительно усилить и обновить турецкий военный флот. Анализ соотношения военно-морских сил Турции, России и других стран Черноморского региона показывает, что на сегодняшний день бесспорным военным лидером является Турция. Исходя из данных о состоянии ВМС Турции в 2009–2011 гг. (см. таблицы 1 и 2), следует также сделать два вывода:

1) Пополнение корабельного состава Турции идёт полным ходом, причем это обновление носит качественный характер. Турция вводит в строй не просто модернизированные военные корабли, её корабли строятся на национальных верфях, используя самые современные технологии.

2) В своей военной политике Турция явно переориентируется на Черноморское направление. Об этом свидетельствует численное соотношение современных турецких ВМС на Чёрном море с общим количеством турецкого флота в 2009 г.

Заключение

Таким образом, современная военная политика Турции на Чёрном море напрямую вытекает из её стремления обеспечить свою энергетическую безопасность и стать, по крайней мере, одним из ключевых игроков в сфере транспортных коммуникаций. Концепция эта заняла доминирующее положение в черноморской политике Турции, начиная с 1990-х гг. Это предусматривает, с одной стороны, тесное сотрудничество Турции с РФ в Черноморском регионе по вопросам военной безопасности, а с другой, постепенное утверждение своего влияния в регионе, оставаясь в самом широком смысле активным членом НАТО.

Таблица 1

**Данные о ВМС Турции, России, Украины,
Румынии и Болгарии на Черном море на 2009–2011 гг.¹⁸**

Страна	Типовая классификация	Количество кораблей каждого типа	Общее количество кораблей
Турция (2011 г.)	Сторожевые корабли	17	133
	Корветы	6	
	Быстроходные военные катера	25	
	Минные тральщики	25	
	Многоцелевые десантные катера, десантные катера для боевой техники, танкодесантные катера.	49	
	Подводные лодки	11	
Россия (2011 г.)	Ракетный крейсер	1	39
	Малые ракетные корабли	4	
	Большие противолодочные корабли	2	
	Малые противолодочные корабли	7	
	Сторожевые корабли	3	
	Морские тральщики	7	
	Базовые тральщики	2	
	Рейдовые тральщики	2	
	Подводные лодки	2	
	Большие десантные корабли	7	
Десантные катера	2		
Украина (2009 г.)	Пограничный сторожевой корабль (по классификации украинских ВМС – фрегат)	1 3	27
	Малые противолодочные корабли	5	
	Малые тральщики	12	
	Корабли обеспечения	4	
	Ракетные катера	1	
	Артиллерийский катер	1	
	Подводная лодка		

...окончание таблицы 1

Страна	Типовая классификация	Количество кораблей каждого типа	Общее количество кораблей
Румыния (не позднее 2009 г.)	Эсминец с управляемым ракетным оружием	1	49
	Фрегаты и сторожевые корабли	6	
	Корветы	4	
	Ракетные корветы	3	
	Ракетные катера	3	
	Торпедные катера	27	
	Тральщики	4	
	Подводная лодка	1	
Болгария (не позднее 2009 г.)	Малый ракетный корабль	1	35
	Малые противолодочные Корабли	7	
	Тральщики	20	
	Ракетные катера	6	
	Подводная лодка	1	

Источники:

- 1) Сведения о черноморских ВМС Турции даны по <http://www.warships 2007.narod.ru/turkish1946-2009.htm>. (Военно-морской флот Турции 1946–2009 гг.)
- 2) Сведения о черноморских ВМС России даны по <http://www.russia ships.info/today/> (Состав Черноморского флота на 2011 г.)
- 3) Сведения об украинских, румынских и болгарских ВМС на Чёрном море даны по статье: Сакаев В. Крымский вопрос в геополитике России и баланс военно-морских сил в Черноморском регионе // Евразийские исследования. № 4. Октябрь-декабрь 2009. С. 93, 95–96. См. также: <http://www.svpressa.ru/society/article/21715>. (Кто сегодня настоящий хозяин Черного моря. Интервью заместителя директора Института политического и военного анализа (ИПВИ) Александра Франчихина корреспонденту «Свободной мысли»).

Таблица 2

Данные об общем количестве ВМС Турции на 2009 г.¹⁹

Некоторые типы военных кораблей	Количество кораблей каждого типа	Общее количество военных кораблей
Фрегаты с управляемым ракетным оружием	18 (5 построены в Турции)	116
Лёгкие фрегаты с управляемым ракетным оружием	6 (все построены в Турции; в 2009 г. ещё 2 были в проекте)	
Малые ракетные корабли	19 (17 построены в Турции)	
Подводные лодки	14 (11 построены в Турции)	

Источники:

Сведения об общем количестве ВМС Турции даны по <http://www.warships2007.narod.ru/turkish1946-2009.htm> (Военно-морской флот Турции 1946–2009 гг.).

Наращивание Турцией своего военного потенциала на Чёрном море является также прямым следствием возрастания ее внешнеполитического влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Для Турции это означает необходимость сформировать в Черноморском регионе эффективную систему региональной безопасности, исходя прежде всего из собственных интересов. Россия – очевидный партнёр Турции в реализации этой идеи.

Ввиду всего вышеизложенного, говоря о военных аспектах черноморской политики современной Турции, следует отметить следующее:

- 1) В Черноморском регионе Турция хочет проводить политику региональной сверхдержавы, опираясь, в том числе, на свой военный потенциал.
- 2) Военная политика Турции на Чёрном море не угрожает непосредственно безопасности России.
- 3) В настоящее время для России и Турции есть шанс совместно сформировать стабильную систему региональной безопасности Чёрного моря, основываясь на взаимных интересах и учёте обоюдного влияния в Черноморском регионе (выделено мной – А.Б.).
- 4) Для сохранения существующего баланса сил РФ должна усилить своё военное присутствие на Черном море. В противном случае возрастание военного потенциала Турции неизбежно приведёт к ее абсолютному доминированию в регионе. Это может угрожать самой безопасности Черноморского региона (опасность военного преобладания одной державы). Также не исключено, что в этом случае влияние НАТО (прежде всего США) на Черном море резко возрастет, поскольку ослабление России снизит её ценность как военного партнера Турции и заставит последнюю в целях обеспечения стабильности в регионе переориентироваться на более сильных союзников.

¹ Согласно западным оценкам, Иран и Ирак обладают подтвержденными запасами нефти и природного газа в размере соответственно 20,5% и 17,5% от мировых запасов. См.: Тымчук Дм. *Крым в контексте военной безопасности Черноморского региона* (по данным «BP Statistical Review of World Energy». June 2008). Размещено 06.05.11. на сайте <http://vybor.sevastopol.ua>

² Организация Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС) была создана по инициативе премьер-министра Турции Т. Озала в 1992 г.

«Черноморская гармония» и «Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия» – черноморские военно-морские программы, созданные также при активном участии и инициативе Турции. Подробнее о них будет сказано ниже.

³ 24 октября 2005 года на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) Турции была принята новая концепция национальной безопасности страны. Концепция получила официальное название «Политический документ о национальной безопасности» (Milli Gevenlik Siyaset Belgesi). Как составная часть отдельно выделена энергетическая безопасность. При этом в документе отмечается, что одним из направлений решения этой задачи с учетом геополитического и географического положения Турции является ее превращение в мировой транзитный пункт для перекачки и хранения энергоресурсов. См.: *Гурьев А.А. Региональный аспект национальной безопасности Турции. Размещено 27.12.2005 на сайте <http://www.iimes.ru>* (сайт Института Ближнего Востока).

⁴ Тымчук Дм. Крым в контексте военной безопасности Черноморского региона. Размещено 06.05.11. на сайте <http://vybor.sebastopol.ua>.

⁵ Турецкая инициатива «Черноморская гармония» – аналог средиземноморской операции НАТО «Активные усилия» (американская программа действует с 2001 г. и направлена на борьбу с терроризмом и контрабандой оружия массового уничтожения). На время проведения операции «Черноморская гармония» предусмотрены периодические миссии наблюдения, сопровождения, а в случае необходимости и задержания подозрительных кораблей. К участию в «Черноморской гармонии» приглашены все черноморские государства, но пока присоединились лишь Россия, Украина и Румыния.

27 декабря 2006 г. вступило в силу Соглашение о присоединении России к операции «Черноморская гармония», заключенное в форме обмена письмами между Главнокомандующим ВМФ России адмиралом Владимиром Масориным и командующим ВМС Турции адмиралом Йенером Караханоглу. Украина проявила интерес к операции в марте 2005 г., и в январе 2007 г. между Министерством обороны Украины и Генеральным штабом Турции был подписан Протокол «О сотрудничестве в вопросах обмена информацией в рамках операции «Черноморская гармония». Румыния также заявила о готовности к сотрудничеству в рамках «Черноморской гармонии» в мае 2006 года, а 31 мая 2009 года завершила процедуры присоединения к ней.

⁶ Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия было подписано Россией и Турцией 26 апреля

2001 г. К нему также присоединились Болгария, Грузия, Румыния и Украина. После событий грузино-югоосетинского конфликта в августе-сентябре 2008 г. Грузия вышла из договора.

Данное соединение было предназначено для использования в чрезвычайных ситуациях на Черном море и исключительно в мирных целях (целью развертывания Черноморской военно-морской группы провозглашалась координация сотрудничества и взаимодействия между военно-морскими силами стран – участниц Соглашения). Первоначально в числе ее основных задач были обозначены поисково-спасательные и гуманитарные операции, морское разминирование, экологический мониторинг, совместные учения, визиты доброй воли. В соответствии с соглашением Черноморская военно-морская группа может быть использована также для выполнения упомянутых задач и в рамках миротворческих операций, проводимых по мандату ООН или ОБСЕ, в случае соответствующего обращения этих организаций к черноморским государствам.

Целесообразность создания черноморскими государствами объединённого военно-морского соединения не вызывает сомнений. В то же время, по мнению ряда наблюдателей, Группа не может похвастаться реальными поисково-спасательными или гуманитарными операциями, для которых, собственно, она и была создана. В этой связи они напоминают, что в 2001 году, находясь возле побережья Турции, это военно-морское соединение так и не получило команду на выход в район падения российского самолета ТУ-154, сбитого украинскими ПВО над Черным морем. Это заставляет многих экспертов прийти к выводу, что хорошая военная идея, которая в период 2001–2006 годов отвечала требованиям региональной безопасности, позднее растеряла свой политический потенциал и перестала развиваться (http://blackseafleet-21.com/news/27-04-2011_bleksifor-aprejskaja-missija-vypolnen). В итоге, как считают скептики, сегодняшняя Черноморская военно-морская группа оперативного реагирования – это уже неэффективный инструмент международного сотрудничества, который нуждается в наполнении новым содержанием и новыми полномочиями. Пока же программы военно-морских учений, направленные на координацию действий участников Группы во многом дублируют задачи регионального флотского сотрудничества, решаемые в рамках регулярно проводимых черноморских учений (последние подобного рода манёвры были проведены участниками Черноморской военно-морской группы в апреле 2011 г. – А.Б.). Там же.

⁷ После подписания между Россией и Турцией Соглашения об участии России в операции «Черноморская гармония» не исключалось, что обе

страны будут осуществлять совместное патрулирование по охране газопровода «Голубой поток» от возможных террористических угроз.

⁸ <http://svpressa.ru/society/article/21715>.

⁹ По мнению политолога Дмитрия Тымчука, на сегодняшний день, очевидно, что Турции не нужна конфронтация с Россией, поскольку это серьезно усложнит ее «тихую борьбу» за региональное лидерство. Однако он считает, что такая конфронтация не исключена в будущем, но Анкара хочет подойти к этому моменту, будучи подготовленной и имея минимум других нерешенных проблем. См.: *Тымчук Дм. Крым в контексте военной безопасности Черноморского региона. Размещено 06.05.11. на сайте <http://vybor.sebastopol.ua>*. Не следует также забывать, что при всех словесных заявлениях о налаживании «стратегического партнерства» Турция остается серьезным конкурентом России в Черноморском регионе и на Южном Кавказе. И это – геополитическая реальность, с которой нельзя не считаться.

¹⁰ ВМС Болгарии и Румынии – это в основном суда, полученные от СССР или построенные по советскому проекту. Основную ударную силу ВМС этих двух стран представляют ракетные катера. При этом Бухарест не ставит задачу оперативного контроля над всей черноморской акваторией. В связи с этим Румыния и Болгария предоставили свои черноморские базы (Констанцу и Мангалию) в распоряжение США.

¹¹ http://wartime.narod.ru/blacksea_harmony.html/ Операции ВМС Турции (По материалам журнала «Зарубежное военное обозрение»).

¹² Не следует, впрочем, считать, что Турция намерена полностью изолировать НАТО от участия в регулировании безопасности Черноморского региона. Ряд экспертов полагает, что в Анкаре важнейшим фактором, способствующим укреплению стабильности в регионе, считают вступление Болгарии и Румынии в Североатлантический союз (как и Турция, Румыния и Болгария совмещают членство в НАТО и участие в Черноморской военно-морской группе оперативного взаимодействия – А.Б.) Таким образом, как западное, так и южное побережье Черного моря как бы вошли в зону прямой ответственности блока. Инициирование Турцией «Черноморской гармонии» в 2004 г. в определенной степени было частью расширения НАТО в черноморском направлении.

http://wartime.narod.ru/blacksea_harmony.html. (По материалам журнала «Зарубежное военное обозрение»). При этом Турция выступает за приоритет национальных ВМС черноморских государств в обеспечении безопасности Черноморского региона. В связи с этим можно согласиться с мнением политолога М.Ирина, что предлагая государствам-

соседям, не входящим в Североатлантический альянс (России, Украине и Грузии) стратегическое партнерство Анкара прежде всего стремится защитить собственные интересы на Черном море, не подвергаясь риску внешнего вмешательства. См.: *Иринин М. Турция создает флот будущего для господства в Черноморском бассейне и проливах (Часть 1–2). За «боковыми воротами» Гельдзюка, Трабзона, Севастополя и Новороссийска. Размещено 29.10.10 на сайте <http://flot.2017.com>.*

¹³ По мнению М.К. Бхадракумара (в прошлом индийского дипломата, работавшего в СССР, Южной Корее, Шри-Ланке, Германии, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Кувейте и Турции), Москва и Анкара в равной степени заинтересованы в том, чтобы Черное море и дальше находилось под их совместным контролем. *Бхадракумар М.К. Исторические противники становятся друзьями. Размещено 17.09.2008. на сайте <http://www.inosmi.ru>.*

См. также: http://eho-ua.com/2011/01/10/more_bezопасnosti.html, 10.01.11. (*Море безопасности?*)

¹⁴ И. Мурадян. Стратегия США по отношению к Кавказу и Черноморско-каспийскому региону. Размещено в разделе: Политика, Ресурсы 26.06.2009. на сайте <http://www.imperiya.by>. См. полный текст: <http://geopolitica.ru/Articles/629/>

¹⁵ Эту ситуацию довольно точно охарактеризовал политолог Ф. Лукьянов. Он обращает внимание на то, что Турция как страна, которая стремится к укреплению собственного влияния вокруг своих границ, нацелена на улучшение отношений с соседями. И чем меньше конфликтов в соседних с Турцией регионах, тем больше у нее для этого возможностей. Так что в настоящий момент речь идёт не о соперничестве России и Турции, а скорее о поиске совместных инициатив. *Лукьянов Ф. Черноморский союз – перспектива далекая. Размещено 13.05.2010. на сайте <http://www.russ.ru>.*

¹⁶ Иринин М. Турция создает флот будущего для господства в Черноморском бассейне и проливах (Часть 1–2). За «боковыми воротами» Гельдзюка, Трабзона, Севастополя и Новороссийска. Размещено 29.10.10 на сайте <http://flot.2017.com>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Данные предоставлены из открытых российских источников и носят выборочный характер; не представлены также сведения о военно-морской авиации Турции, России и других стран Черноморского региона.

¹⁹ Данные представлены из открытых российских источников и носят выборочный характер; не представлены сведения о некоторых типах военных кораблей и военно-морской авиации Турции.

ПАКИСТАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

«Пакистан и Турцию связывают прекрасные отношения, что подтверждают регулярные встречи в рамках Совета сотрудничества, проводимые в Пакистане и Турции. Наши отношения основываются на взаимном уважении и обоюдной заинтересованности. Эти отношения уходят корнями в историю, имеют общие цели и перспективы», – такая характеристика была дана на финальном брифинге 2011 г. в МИДе Пакистана отношениям с Турцией. Эти отношения носят многоплановый характер и развиваются как на двусторонней основе, так и в рамках регионального сотрудничества. Пакистан и Турция входят в состав различных международных организаций, например, таких, как Организация объединенных наций (ООН), Организация экономического сотрудничества (ЭКО) и т.д. Анкара оказывала Исламабаду и посреднические услуги, в частности, в рамках Трехстороннего (Афганистан – Пакистан – Турция) стратегического диалога.

Со своей стороны Пакистан, подтверждая свою приверженность региональному взаимодействию, в ноябре 2011 г. предложил отменить мораторий на расширение числа стран, имеющих статус членов-наблюдателей в Южно-азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) и поддержал многолетнее стремление Турции вступить в эту организацию в названном качестве. «Мы поддерживали друг друга в наших войнах за независимость, мы поддерживали друг друга в стихийных бедствиях и катастрофах. Мы один народ, живущий в двух государствах», – заявил в ноябре 2011 г. президент Исламской Республики Пакистан. В то же время Исламабад неизменно подчеркивал и «выражал полную солидарность и поддержку в реализации намерений турок, проживающих в северной части Кипра»¹.

Активно развиваются отношения двух стран во всех основных сферах сотрудничества: политической, экономической, военной, культурной и т.д. Круг обсуждаемых вопросов касается региональной и глобальной безопасности, совместных экономических и военных проектов, образования, культурного обмена и т.д. Как отмечалось в заявлении МИД Пакистана, «Пакистан и Турция являются факторами стабильности на фоне глубоких изменений, происходящих в нашем обширном регионе».

В последние годы главы двух государств несколько раз обменивались визитами с целью дальнейшего развития дипломатических, экономических, военных, культурных связей. Президент Турецкой Республики Абдуллах Гюль посетил Исламабад с официальным визитом в марте 2010 г. Президент Асиф Али Зардари совершил свой первый официальный визит в Анкару в апреле 2011 г. Всего со времени инаугурации в сентябре 2008 г. глава Пакистана, сопредседатель правящей Пакистанской народной партии (ПНП) А.А.Зардари пять раз официально посещал Турцию, включая визиты в рамках трехстороннего саммита – Афганистан – Пакистан – Турция. Бывая в Анкаре или Стамбуле, он подтверждал, что «...Пакистан имеет плодородные земли и богатые природные ресурсы, ... и эти преимущества могут быть послужить взаимной выгоде двух стран...».

Основные усилия этих государств сосредоточены «на преобразовании доброй воли обоих правительств в конкретные экономические проекты и рамочные соглашения». Следуя заявлению министра иностранных дел Пакистана Хины Раббани Хар о том, что «национальные интересы лежат в основе любых отношений с иностранными государствами», Пакистан неоднократно подчеркивал важность Турции как надежного торгового союзника. И действительно, одно из основных направлений двустороннего сотрудничества – развитие торгово-экономических связей.

Основными статьями экспорта Пакистана в Турцию традиционно являются хлопок и изделия из хлопчатобумажных тканей, кожи, спортивные товары, постельное белье. Турция со своей стороны экспортирует в Пакистан продукцию автомобилестроения, телекоммуникационное оборудование, металл и изделия из металла, станки, различное оборудование, бумагу и т.д.

Гражданская администрация президента А.А. Зардари взяла новый старт в пакистано-турецких отношениях с октября

2008 г., подписав Совместное заявление, целью которого было объявлено «обновление стратегического сотрудничества в целях дальнейшего развития экономических и торговых, военных, научных и технологических связей, культурного сотрудничества, что отвечало фундаментальным интересам народов двух стран». Договор предусматривал развитие проектов в области инфраструктуры, минеральных удобрений, сельского хозяйства, энергетического сектора и т.д. Учитывая важность геоэкономического и геополитического положения двух стран, Пакистан и Турция особое внимание уделили железнодорожным проектам. Но объективные и субъективные обстоятельства «тормозили» их реализацию.

Торговые отношения между двумя странами осложнились с начала января 2011 г. Причиной стало резкое повышение Анкарой ввозных пошлин на хлопчатобумажные товары, в частности одежду пакистанского производства. Первоначально были увеличены пошлины на ткани с 6,4% до 35%, затем – на одежду с 9,6% до 52%. В середине января 2011 г. турецкое правительство повысило на 28% таможенные пошлины на импорт текстильного сырья из Пакистана².

Повышение ввозных пошлин проходило в период обсуждения Евросоюзом вопроса о доступе на европейский рынок пакистанской продукции по льготной шкале налогообложения. Подобный шаг власти ЕС предприняли в рамках политики оказания экономической помощи Исламабаду после разрушительного наводнения летом 2010 г.

Турецкое правительство, в свою очередь, повысило таможенный налог с целью оказания содействия местным производителям тканей. Таким образом, судя по материалам пакистанской прессы, ввозная пошлина на пакистанскую хлопчатобумажную одежду составляла в США 18%, в ЕС – 9,6%, в Турции – в несколько раз выше, что фактически повлекло за собой частичную приостановку импорта одежды из Пакистана³. Поэтому одной из целей визита А.А.Зардари в апреле 2011 г. стало урегулировать и сбалансировать взаимные товарные потоки. Подобное положение дел продолжалось до января 2012 г., когда Евросоюз, а значит, и Турция в силу правил связывающего ее с ЕС таможенного союза снизили ввозные пошлины на 75 наименований пакистанской продукции.

Общий объем товарооборота в 2011 г. составлял всего 690 миллионов долларов США. Уровень двусторонней торговли

и инвестиций между двумя странами, по мнению специалистов, значительно ниже их реальных возможностей. Обе стороны поставили цель довести цифру торгового оборота до 2 млрд. долларов в 2013–2014 гг., а в перспективе – до пяти млрд. долларов.

Значителен потенциал сотрудничества в энергетике, связи, строительстве дамб, горнодобывающей, строительной, пищевой и резиновой отраслях промышленности, машиностроении, а также в реализации различных инфраструктурных проектов, проектов в финансовом и банковском секторах, сельском хозяйстве (переработка фруктов), начальном, среднем и высшем образовании и т.д. Турецкая сторона проявляла заинтересованность в развитии сектора ветряной энергетики (поставка ветряных генераторов в Пакистан).

Исламабад рассматривал Анкару как серьезного стратегического партнера, и в 2011–2012 годах стороны работали в основном над двумя проектами: Соглашение о преференциальной торговле и развитие транспортного сообщения – железнодорожного, автомобильного и воздушного. Одним из механизмов расширения региональных связей планируется сделать дальнейшее развитие сети железнодорожных и автомобильных дорог, что по заявлению обоих представителей двух стран стало приоритетным направлением сотрудничества. «Коммуникационные проекты чрезвычайно важны, и мы с нетерпением ждем начала реализации железнодорожного проекта Гюль, к которому активно привлекался частный сектор».

Одним из совместных проектов является модернизация существующего и строительство дополнительной части железнодорожного пути Исламабад – Стамбул длиной в 7 000 км для налаживания движения скоростного грузового состава из Пакистана в Турцию. Именно этот проект и назвали Поезд Гюль.

Железнодорожный проект с Анкарой имел и стратегическое значение, так как в дальнейшем он обещал «обеспечить движение товаров из Исламабада на европейский рынок. Таким образом, последний пробивал для себя транспортный коридор, альтернативный центральноазиатскому. Выгода была очевидна для обеих сторон. Для Исламабада, например, транспортировка пакистанских товаров через Стамбул до рынков Старого света займет 11 дней по сравнению с традиционными 30 сутками. Часть железнодорожного пути была проложена, но оставалась необходимость провести работы по его технической модернизации⁴.

Но работы по реализации проекта продвигались крайне медленно в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимали вопросы нехватки государственного и частного финансирования, технической отсталости сети железных дорог в самом Пакистане, нехватки локомотивов, подвижного состава, сигнальных систем, опытного обслуживающего персонала и т.д. Например, в Пакистане отсутствие требуемого количества локомотивов парализовало грузовые перевозки по железной дороге на протяжении двух месяцев в 2011 г., когда ни один товарный поезд не ушел из Карачи.

Подобные накладки вскрыли острейшие проблемы в транспортном сообщении Пакистана, грузоперевозках, строительстве сети железных дорог и т.д., поставив в повестку дня вопросы пересмотра национальной транспортной политики с тем, чтобы весь железнодорожный сектор стал эффективной государственной структурой, конкурирующей с сектором автомобильных перевозок в стране.

Крупные торговые и железнодорожные проекты, участие в которых принимали Исламабад и Анкара, осуществлялись в регионе и в рамках Организации экономического сотрудничества. Развитие эффективной и современной транспортной и коммуникационной сети между государствами-членами ОЭС – важный фактор в расширении торговой интеграции. И одним из новых пилотных проектов стал запуск регулярного контейнерного поезда по маршруту Исламабад – Тегеран – Стамбул. Из 20 контейнеров 14 предназначены для Ирана, шесть – для турецкой стороны. Модернизация проекта требовала 500 млн. долларов, но подобные затраты в перспективе окупятся, убеждена пакистанская сторона, так как ставят целью «усиление транзитного трафика и содействие эффективному потоку товаров и услуг в регионе»⁵.

Страны не стали дожидаться начала полной реализации затратного железнодорожного проекта, а стартовали с малого – Каравана крупнотоннажных грузовиков «Шелковый путь» в рамках Организации экономического сотрудничества. Содействие развитию торговли – основная цель проекта, который, по заявлению сторон, в то же время «стал бы эффективным средством для расширения контактов между людьми, для развития туризма между странами-членами». Исламабад и Анкара неоднократно подчеркивали, что «существующие торговые, транзитные и транспортные коридоры в регионе – гарантия экономического развития и процветания обеих стран».

В целом «скромный» уровень пакистано-турецких торговых отношений побудил Исламабад еще раз уведомить Анкару о либерализации своей инвестиционной политики. С целью дальнейшего привлечения иностранного капитала в такие отрасли экономики, как энергетика, жилищное строительство, инфраструктура, текстиль, производство молочных продуктов, сельское хозяйство и т.д., Пакистан установил Специальные экономические зоны для инвесторов из Турции, предоставив им расширенные льготные условия и временное освобождение от уплаты налогов. Об этом заявила пакистанская сторона еще во время визита в Исламабад президента Турции Абдуллаха Гюля в августе 2010 г. Турецкие деньги действительно активнее пошли в Пакистан на объекты малой и средней мощности, например, на сооружение гидротехнических объектов.

Одним из важнейших рубежей в отношениях двух стран стала встреча в Стамбуле президентов А.А. Зардари и А. Гюля в рамках трехстороннего саммита Афганистан – Пакистан – Турция в ноябре 2011 г. Обсуждались вопросы, направленные на укрепление двусторонних отношений, включая торговый договор, создание технопарков в Пакистане и расширение сотрудничества с турецкими университетами. Тогда же стороны приняли решение об отмене виз для владельцев дипломатических и служебных паспортов, а в перспективе – о безвизовом режиме для всех граждан обеих стран⁶. Исламабад и Стамбул в лице руководителей Государственного банка Пакистана и Центрального банка Турции подписали соглашение, позволившее предпринимателям двух стран вести взаиморасчеты в национальных валютах, что в свою очередь ослабляло давление на валютные резервы двух стран⁷. Стороны сделали упор на открытие большего количества филиалов турецких банков в Пакистане, и соответственно пакистанских в Турции.

Дополнительный импульс пакистано-турецким отношениям придало учреждение организации «Друзья демократического Пакистана», в состав которой вошли многие страны: Япония, Китай, США, Франция, Германия и др. С момента основания ее в 2008 г. Анкара принимала самое активное участие в ее работе. Цель организации – «...оказание финансовой и технической поддержки различным проектам, которые имеют решающее значение для долгосрочного социально-экономического развития Пакистана».

Признавая жертвы, которые понес Пакистан в глобальной борьбе с угрозой терроризма и экстремизма, «Друзья демокра-

тического Пакистана» выразили готовность совместно работать с пакистанским правительством с целью дальнейшего укрепления стратегического партнерства и возвращения страны на траекторию развития. Турция, поддерживая политику мирного урегулирования в регионе, призывала международное сообщество оказать финансовую, экономическую, технологическую помощь Пакистану в борьбе с угрозой терроризма, тем самым выразив солидарность с Исламабадом. По заявлению президента А.А. Зардари, «...потери Пакистана в борьбе с терроризмом составили более 36 000 невинных мужчин, женщин и детей, а прямой экономический ущерб – более 70 млрд. долларов».

Турция подчеркивает недостаточность только военных мер для решения проблемы. «Придя в Пакистан вместе с 3 млн. беженцами в 2001 г., «Талибан» получил поддержку местного населения в результате мер запугивания жителей северо-западных районов страны». Парламент Турции выразил озабоченность и призвал правительство своей страны предпринять меры в связи с тем, что группировки «Талибана» весной 2009 г. вплотную подошли к столице страны – Исламабаду. В заявлении турецкого парламента говорилось, что «нестабильность в Пакистане будет иметь эффект домино и распространится на соседние страны, начиная с Индии...»⁸. Официальные лица в Анкаре выразили обеспокоенность заявлением властей Пакистана о том, что они не смогут обеспечить безопасность турецкой официальной делегации во время ее пребывания в Исламабаде. Способствуя социально-экономическому развитию региона, Турция полагала, что таким образом способствует предотвращению распространения экстремистских элементов в зоне пуштунских племен Пакистана.

В рамках организации «Друзья демократического Пакистана» был разработан пятилетний план действий для решения энергетических проблем в Пакистане. По мнению турецкой стороны, лучшим способом преодоления растущего разрыва между предложением и спросом на электроэнергию может стать инвестирование в альтернативные источники энергии, такие как ветряная и солнечная. «Правительство Пакистана поставило задачу к 2013 г. генерировать 1500 МВт за счет использования ветряной энергии, но отсутствие должного финансирования позволило получить только 300 МВт в 2011 г., что заметно снизило эффективность проекта»⁹.

Лучшая ситуация сложилась в области использования энергии солнца в Пакистане, где частный сектор Турции инициировал пять проектов общей мощностью 114 МВт, и как результат – более 8000 домов в 80 деревнях Пакистана были электрифицированы. Ежегодный рост объемов продаж (2008–2010) фотовольтаики составил 300%, а продажи водонагревателей, работающих от солнечных батарей, выросли на 200%.

В сельскохозяйственном секторе Пакистана занято до 45% от общей численности рабочей силы, и оно обеспечивает свыше 20% объема ВВП. Турция и Пакистан подписали несколько меморандумов, направленных на разработку совместных программ в области зеленой революции, растениеводства, животноводства, рыбного хозяйства, орошения и т.д.

После разрушительного наводнения летом 2010 г. гуманитарная помощь многих стран мира оказала значительную поддержку Пакистану. Свой вклад внесла и Турция. Наравне с другими странами она выступила с инициативой участия в восстановительных работах после проведения правоохранительными органами операции в районе Малаканд. Миллиард долларов выделила Анкара на инфраструктурные проекты провинции Хайбер-Панхтунхва; в Пенджабе турки, известные своей строительной квалификацией, взяли обязательства по возведению 2120 современных домов для семей в пострадавших от наводнения районах Музаффаргара и Раджанпура.

Следующий аспект двустороннего сотрудничества между Пакистаном и Турцией – военный. Отношения с Турцией, по заявлению начальника штаба сухопутных войск Пакистана генерала Ашфака Первеза Кияни, носили особый характер, так как «...наши народы имели общие корни, исторические связи, общее наследие, систему ценностей и исламскую идентичность...», что и стало основой для дальнейшего укрепления национальных армий двух стран. Турецкая армия считается одной из сильнейших в НАТО. Пакистан не был членом НАТО, но взаимодействие с Международными силами содействия безопасности (МССБ) в Афганистане при проведении антитеррористических кампаний в пакистано-афганском пограничье осуществлялось также и через посольство Турции в Исламабаде. Североатлантический альянс дал согласие на роль посольства Турции в Исламабаде в качестве контактного пункта НАТО в Пакистане. «Этот важный шаг, – говорилось в заявлении НАТО, – дополнял практические

рамки политического сотрудничества и координацию на рабочем уровне».

Анкара подтвердила свою поддержку Пакистану в решении проблем безопасности, что, по ее мнению, делалось «для защиты Ислама и национальной целостности». Военные связи между Пакистаном и Турцией были наиболее интенсивными в двусторонних отношениях.

Военное сотрудничество ставило целью «цементирование стратегического партнерства между Пакистаном и Турцией» и развивалось в основном по двум направлениям: проведение совместных военных учений и создание совместных предприятий в области военного производства. За последние два десятилетия Анкара направила в свою оборонную промышленность значительные инвестиции, что способствовало уменьшению зависимости страны от закупок различных видов вооружений иностранного производства. Турецкие специалисты отмечали, что «продукция военной промышленности отвечала жестким требованиям стандартов ЕС и НАТО. И ее покупателями в первом десятилетии XXI века были многие страны, включая США. Пакистан и Турция обладают потенциалом не только отвечать на современные запросы собственных вооруженных сил, но и удовлетворять оборонные нужды ряда исламских государств».

Диапазон продукции оборонной промышленности Турции варьировался от современных реактивных истребителей, сложных деталей для зенитных ракет до высокоскоростных патрульных катеров, фрегатов, бронированных транспортных средств, высокотехнологичных систем ПВО и электронных систем командования и управления. Высшие военные чины пакистанской армии неоднократно посещали Турцию для проведения встреч с высшим политическим и военным руководством страны.

За последние годы изменился характер и расширился диапазон военного сотрудничества двух стран. Еще в 2008 г. во время визита начальника штаба сухопутных войск Пакистана генерала Ашфака Первеза Кияни в Турцию велись переговоры с президентом Турецкой Республики Абдуллахом Гюлем о повышении уровня отношений до стратегического партнерства между двумя армиями, обсуждался проект развития национального кораблестроения Турции. Для Пакистана успех этого проекта стал знаковым, так как позволяет ему в будущем

создать собственный боевой корабль класса «корвет». По договору первый такой корабль будет спроектирован и построен в Турции, тогда как три остальных должны быть построены на военных верфях Пакистана. Это комплексный проект, рассчитанный на 10 лет. Более 50 турецких фирм, включая крупнейшие оборонные компании ASELSAN, HAVELSAN, STM, принимают в нем участие. Вопросы стратегии и тактики военного сотрудничества регулярно обсуждались в рамках совместных семинаров по проблемам глобальной безопасности «Шелковый путь», проводившихся с 2008 года.

В 2010 г. во время визита в Анкару председателя Объединенного комитета начальников штабов Пакистана генерала Т.Маджида обсуждалось совместное «обучение военнослужащих, начиная с низших чинов, ...с целью культивировать братство среди молодых офицеров», подчеркивалось, что «...обе страны сталкиваются с общими проблемами и у них есть схожее восприятие всех региональных и международных вопросов. Страны должны объединиться, чтобы уничтожить вооруженные группировки боевиков и пресечь активизацию экстремизма в наших обществах».

Опасаясь распространения терроризма в регионе, Анкара поставила вопрос о необходимости проведения совместных учений армий двух стран для обеспечения взаимодействия сухопутных сил. Военно-морские учения прошли в марте 2011 г. под кодовым названием AMAN III. В сентябре 2011 г. были проведены пакистано-турецкие совместные учения Ататюрк-VII-2011 в Черате. Их главной целью была отработка взаимодействия и обмен опытом в борьбе с терроризмом. По заявлению официальных властей, спецслужбы Пакистана и Турции проводят совместные учения ежегодно поочередно в каждой стране. Проведение совместных военных учений было вызвано не только необходимостью отработки навыков военного мастерства, но и угрозами со стороны исламистских экстремистов в регионе.

Термин «региональность» в пакистано-турецких отношениях имеет еще один оттенок – посреднический. Иными словами, Анкара неоднократно выполняла функцию урегулирования противоречий, поиска компромисса или просто в качестве площадки для переговоров Исламабада и Кабула. «Мы будем посредником в любом формате, который ведет к миру ... Пакистан будет играть положительную роль в надежде облегчить

переход к диалогу», – заявлял президент Турции А. Гюль. Но существует еще один аспект: страны региона стремились играть более значимую роль в установлении мира, поддержании стабильности и защите общих интересов в период двух конфликтов в регионе – в Ираке и Афганистане.

Еще в январе 2004 г. Исламабад подписал с Турцией Соглашение о борьбе с международным терроризмом и организованной преступностью, в котором стороны выражали намерение сотрудничать с целью предотвращения и расследования таких преступлений, как терроризм, различные формы организованной преступности; налогово-бюджетные или коммерческие преступления, включая незаконное отмывание денег и доходов от преступлений; нарушение иммиграционных правил, правил перемещения во время путешествий по стране, визового режима, проживания и трудоустройства, в том числе подделки паспортов, виз и других официальных документов.

Несколько лет назад, когда отчетливо обострились пакистано-афганские отношения и проявились различия в подходах Афганистана и Пакистана к проблеме антитеррористической борьбы в регионе Западной Азии, Турция выступила посредником в двустороннем урегулировании. Мусульманская страна, член военного блока НАТО, мощный региональный игрок, финансовый донор как для Пакистана, так и Афганистана Турция выражала уверенность, что переговоры на нейтральной территории между Исламабадом и Афганистаном «снизят глубокое взаимное недоверие и обеспечат старт нового периода сотрудничества между двумя странами-соседями»¹⁰.

В 2008 г. в Анкаре стартовал Трехсторонний саммит Афганистан – Пакистан – Турция, основной целью которого были совместные проекты развития. Стороны решили усилить сотрудничество в сфере безопасности и противодействия терроризму. Пакистан выразил благодарность Турции «за важную роль в продвижении мира в Афганистане». Одной из основных целей трехсторонних саммитов, по заявлению президента Турции Абдуллаха Гюля, было «улучшение окружающей среды в регионе».

Двусторонние отношения между Пакистаном и Афганистаном оставались натянутыми в последние годы. 2011 г. был омрачен обвинениями Вашингтона и Кабула в адрес Исламабада в поддержке боевиков «Талибан» и сети «Хаккани» в пакистано-афганском пограничье. После очередного гражданского или

военного скандала Кабул и Исламабад встречались в Анкаре или Стамбуле. Турция выражала намерение, чтобы обе страны подписали «скромный протокол о сотрудничестве»¹¹.

В качестве одного из посреднических шагов в этом направлении следует рассматривать согласие Анкары «на открытие политического офиса афганского движения «Талибан» на своей территории с тем, чтобы оказать содействие началу переговоров, имеющих целью положить конец войне в Афганистане». Разрешая дипломатическое присутствие «Талибана» на своей земле, Турция, таким образом, оказывала поддержку проведению переговоров, направленных на укрепление доверия между двумя странами. В 2011 г. продолжился трехсторонний процесс взаимодействия Афганистана, Пакистана и Турции, основная цель которого – поиск сотрудничества и дальнейшее укрепление отношений с Движением «Талибан».

В Стамбуле 1 ноября 2011 г. в рамках Трехстороннего саммита Пакистан подтвердил «...гарантии правительству и народу Афганистана, полную поддержку в его усилиях по преодолению всех трудностей». «Создание безопасного, стабильного и процветающего Афганистана является жизненно важным фактором для обеспечения безопасности как Пакистана, так и региона в целом». Исламабад подчеркивал, что «...выполнение своих обязательств по содействию социально-экономическому развитию Афганистана стало вкладом в усиление коллективного потенциала развития региона. Поддержка, оказываемая афганскому руководству, процессу мира и примирения в Афганистане, вела к восстановлению социального равновесия, что полностью отвечало стремлениям афганского народа, его обычаям и традициям». Поэтапное возвращение «трех миллионов афганских беженцев, которые в течение многих лет проживали на территории Пакистана, по мнению Кабула, стало жестом доброй воли» Исламабада в отношении соседней страны.

Помимо политической поддержки, Исламабад использовал площадку Анкары и для заверения мировой общественности в усилении военной кампании против боевиков, действовавших в пакистано-афганском пограничье. Провал антитеррористической кампании Международных сил содействия безопасности в Афганистане заставил США оказывать беспрецедентное давление на Пакистан, утверждая, что Межведомственное разведывательное управление поддерживало тесные связи с

группировкой «Хаккани», базирующейся в агентстве Северный Вазиристан, и что именно эта группировка была причастна к убийству 20 сентября 2011 г. бывшего президента Афганистана Бархуддина Раббани и нападению на американское представительство в Кабуле. Отношения между Афганистаном и Пакистаном в тот период резко осложнились.

Запущенный Вашингтоном процесс примирения с Движением «Талибан» в Афганистане в преддверии запланированного вывода американских войск в 2014 г. наталкивался на позицию Исламабада, действовавшего в защиту национальных интересов. Выдвигая тезис примирения, Вашингтон, по заявлению госсекретаря США Х. Клинтон, изъявлял желание идти на переговоры с главным своим врагом – муллой Омаром, эмиром Исламского Эмирата Афганистан (90-е годы XX века) при условии, что последний выполнит условия Белого дома. Укрывательство муллы Омара на территории Пакистана, «его несговорчивость» и т.д. американская сторона вменяла в вину Исламабаду, и все это происходило на фоне растущей напряженности пакистано-афганских отношений.

Вариант процесса примирения, предложенный Вашингтоном и поддержанный президентом Афганистана Х. Карзаем, был обречен на провал. Талибы отвергали какие-либо условия, выдвигавшиеся коалиционными силами войск США и МССБ, считая их «оккупационными войсками». В Стамбуле президент Х. Карзай в очередной раз призвал к мирным переговорам с талибами. Но, как он сам заявил, «пока не знает, как связаться с повстанческой группировкой, и по этому вопросу в Афганистане будут разговаривать только с Пакистаном». «Мы не можем продолжать разговаривать со смертниками, поэтому мы перестали говорить о переговорах с Движением «Талибан»... В настоящий момент необходимо найти решение проблемы... Мы пережили трудные времена, наше стремление к миру было неправильно понято, и мы извлекли урок из той формулы, согласно которой мы следовали мирному процессу», – заявил Х. Карзай. Анкара в свою очередь приветствовала намерение талибов открыть политический офис в Турции.

В рамках Трехсторонней встречи в Стамбуле 1 ноября 2011 г. Пакистан подтвердил свои обязательства в отношении концепции трехстороннего партнерства между Афганистаном, Пакистаном и Турцией, которые подчеркнули важность трансрегионального развития.

Диалог Афганистана, Пакистана и Турции не ограничивался тематикой талибов и целями коллективной безопасности. Столицы укрепляли и военное сотрудничество, так как в этой области уже был накоплен значительный опыт. В марте 2011 г. в течение недели проводились трехсторонние совместные военные учения между вооруженными силами Афганистана, Пакистана и Турции в Тузле. Совместные действия предусматривали проведение антитеррористических военных операций в городской местности, обучение управлению боем, обращению с самодельными взрывными устройствами и т. д. В команды входили снайперы, специалисты подрывного дела и т. д. Впервые трехсторонние учения проводились на турецкой земле и ставили целью повышение практических навыков, отработки координации и были направлены на укрепление тесного сотрудничества между военнослужащими в борьбе с угрозой терроризма и экстремизма.

Выступая в поддержку борьбы с экстремистскими элементами в регионе Западной Азии, действуя в рамках МССБ в Афганистане, Анкара в свою очередь заявляла о своей позиции в общей стратегии НАТО в Афганистане и роли Пакистана как ключевого регулятора конфликта. «Международные игроки должны устранить давление и начать выполнение обещанного содействия развитию потенциала, оказать помощь Пакистану в решении проблемы...», – говорилось в совместном заявлении военных ведомств Пакистана и Турции еще в 2009 г.

Авиаудары натовских вертолетов по пакистанским блокпостам 26 ноября 2011 г. в пакистано-афганском пограничье, в результате которых погибли более двадцати пакистанских военнослужащих, подтолкнули Анкару отойти от версии, предложенной в официальном заявлении генсека НАТО Андерса Фог Расмуссена о том, что «...это был трагический непреднамеренный инцидент....», и заявить о «беспристрастном расследовании нападения», что, несомненно, приветствовалось Исламабадом.

Процесс сближения позиций Исламабада и Анкары усилился в 2000-е и начале 2010-х гг., и это связано не только с необходимостью развивать торгово-экономические связи, наращивать товарные потоки на европейский рынок и т.д., но и укреплять центростремительные силы в регионе Западной Азии, осознавая ценность совместного сотрудничества как в борьбе со стихийными бедствиями, экстремизмом и терроризмом, так и в совместном противодействии внешним силам, стремящимся активно действовать в регионе.

¹ www.mfa.gov.tr/pakista-turkey-joint-statement_-ankara_-october-27-31_-2008.en.mfa

² The Nation, 18.01.2011.

³ The Nation, 18.01.2011.

⁴ <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/11-Apr-2011/Pakistan-Turkey-vow-support-for-Afghan-talks>.

⁵ www.dawn.com/wps/wcm/connect/dawn-content-library/dawn/news/pakistan/13+gilani+launches+trail+phase+of+islamabad-istambul+train+service-za-06.

⁶ <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/01-Nov-2011/OBL-history-Asif-for-fresh-start-with-US>.

⁷ <http://www.dawn.com/2011/11/02/regional-solution-to-afghan-issue-sought.html>.

⁸ www.todayszaman.com/tz-web/detaylar.do?load=detay&link=174437.

⁹ <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Regional/Lahore/10-Sep-2011/FoDP-assures-support-to-Pakistan-in-institutional-capacity-building>.

¹⁰ <http://www.dawn.com/2011/11/01/turkey-wants-afghan-pakistan-summit-to-reduce-mistrust.html>; Dawn, 01.11.2011.

¹¹ <http://www.dawn.com/2011/11/01/turkey-wants-afghan-pakistan-summit-to-reduce-mistrust.html>; Dawn, 01.11.2011.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Активное распространение ислама в странах Западной Европы началось сразу же после завершения Второй мировой войны. Страны-победительницы и страны-побежденные, потерявшие в большом количестве своих граждан, преимущественно мужчин, вынуждены были решать одновременно две стратегические проблемы: нехватку рабочих рук и недостаток мужчин фертильного возраста для нормального воспроизводства населения. Решение этих проблем за счет импорта иностранных рабочих принесло неоднозначные результаты, явно не предвиденные руководством западноевропейских государств. Одним из таких результатов стало бурное распространение ислама на территории, где традиционно господствовало только христианство.

Расселение мусульман-гастарбайтеров в Западной Европе

Правительства западноевропейских государств первоначально возложили решение экономической и демографической задач на демобилизованных воинов, которых они набрали в колониях для борьбы с немецко-фашистскими армиями. После демобилизации им было предложено остаться в странах-метрополиях, благо, что у них не было проблем со знанием местного языка. Этому призыву последовали тысячи солдат и офицеров, решившихся начать новую жизнь в новом обществе и новом государстве. Вскоре их примеру последовали переселенцы из колоний.

По этому сценарию развивалась ситуация в Германии, лишенной своих колоний еще по итогам Первой мировой войны. Правительство ФРГ организовало вербовочные центры

в Турции, Марокко, Ливии, которые рекрутировали мужчин, предъявлявших лишь справки об удовлетворительном состоянии здоровья. Первыми переехали турки, сохранявшие исторические симпатии к Германии. Именно к ним было приложено ныне чрезвычайно распространенное немецкое слово – гастарбайтеры (“*gast*” – гость, “*arbaiter*” – рабочий).

Первоначально пребывание гастарбайтеров регулировалось двусторонними соглашениями, а затем, по мере формирования и расширения союза Общего рынка европейских государств (ЕЭС – Европейского экономического сообщества, а ныне ЕС – Европейского Союза), принимались коллективные решения. Первым стал Римский договор 1957 г., который предусматривал «свободу передвижения товаров, капиталов и рабочей силы». Последние Шенгенские (1985) и Маастрихтские (1992) соглашения лишь частично дополняли Римский договор, внося небольшие уточнения.

Демократическое законодательство стран ЕС, предусматривающее свободу личности, свободу перемещений, свободу вероисповеданий, не препятствовало строительству мечетей, вокруг которых постепенно собирались крупные мусульманские общины (*уммы*). На территории практически всех стран, вступивших в ЕС, возникли многочисленные *уммы*, в которых воспроизводился мусульманский уклад жизни, предписанный Кораном и Шариатом. А руководители стран ЕС наивно полагали, что мусульмане, получившие право сначала на временное, а затем и на постоянное проживание, идут по пути адаптации, ассимиляции и, наконец, полной интеграции. Более осторожные политики утверждали, что процесс интеграции завершится лишь на втором или уже третьем поколении мусульманских гастарбайтеров.

Между тем «плавильный котел» Западной Европы давал все бóльшие сбои. Даже в условиях относительно стабильной экономики происходили бурные политические манифестации, на которых гастарбайтеры требовали равных прав с местными гражданами. Причем во Франции, Германии эти демонстрации нередко сопровождались «хулиганскими» разрушительными акциями.

Мне раньше приходилось писать об уникальном случае в городке Шамар (Франция), куда в 1950-х гг. переехали первые выходцы из стран Магриба. В 1970-х гг. половину этого городка составляли арабские переселенцы. А в 1990-х гг. –

на каждую французскую семью приходилось 187 мусульманских семей. Многие французы уезжали, не выдерживая непривычного уклада жизни соседей-мусульман¹.

Как правило, страны ЕС преуменьшают количество иностранных рабочих, поскольку не учитывают нелегальных или временных («сезонных») гастарбайтеров. По моей оценке, в Англии сейчас насчитывается более 4 млн. мусульман, во Франции – 5 млн., а в Германии – около 6 млн. Немало их проживает и в других странах Европы. Причем, некоторые из них живут по 10 лет и больше.

Большинство занято на тяжелых, опасных или непрестижных работах. Обычно они получают более низкую заработную плату, чем местные рабочие на аналогичных работах. Еще тяжелее ситуация у нелегальных рабочих, подвергающихся откровенной эксплуатации. Всё это является постоянным раздражителем для трудовых иммигрантов.

В результате наплыва иммигрантов в сегодняшней Западной Европе практически не осталось ни одного национального государства, все они за счет переселенцев из Африки и Азии стали полиэтническими. Более того, уже наступил следующий этап: происходит исламизация Западной Европы. Благодаря либеральным конституциям стран ЕС мусульмане уже построили сотни мечетей (самая большая мечеть в Европе была построена в Бельгии, а теперь еще бóльшая – в Италии).

Следует отметить, что здесь мечети приобрели новые функции. Теперь они являются не только храмами для молитвы, но и местами сбора верующих (и неверующих) иностранных рабочих. Здесь они общаются с земляками и единоверцами, узнают, где можно получить хорошо оплачиваемую работу, где можно снять дешевую комнату или квартиру, где в кругу новых знакомых можно провести свободное время и т.д. Естественно, влияние мечетей заметно возросло.

Относительно новым явлением стало «обращение в ислам» местных европейцев. Так, во Франции 300 тыс. коренных французов приняли ислам, в Германии 500 тыс. этнических немцев перешли в ислам. Европейское христианство (в основном католичество и протестантизм) фактически сдает свои позиции. По последним данным, в ЕС проживает 40 млн. мусульман (иммигрантов и местных). Страны ЕС приобретают (или уже приобрели) новый конфессиональный облик. Такая ситуация побудила бывшего президента Ливийской Джамахирии Му-

аммара Каддафи предложить итальянцам (Ливия ранее была колонией Италии) массово переходить в ислам, указывая на демографические изменения в Европе².

К этому следует добавить два новых факта. Во-первых, в странах Западной Европы открыты десятки исламских банков (не взимающих процент, *рибу*) и их филиалы. А во-вторых, в Германии, Франции, Англии и других странах ЕС стали открыто действовать шариатские суды, которые пока еще не ставят вопрос о необходимости упразднения государственных светских судов. Возможно, это произойдет в ближайшие 10–20 лет.

Нарастание межконфессионального противостояния

Исламский прозелитизм нередко сопровождался всякого рода «побочными» явлениями. Так, в 2004 и 2005 гг. во Франции, Бельгии и частично Германии прошли бурные демонстрации, во время которых гастарбайтеры перевертывали и поджигали автомашины, разбивали витрины, грабили магазины. Мусульмане впервые проявили себя мощной силой, противостоящей местной власти.

Теперь уже достаточно малейшего предлога, на который раньше никто не обращал внимания, чтобы поднять волны «праведного гнева». Так произошло через полгода после того, как датский журнал опубликовал карикатуры на Пророка Мухаммеда, перепечатанные рядом других европейских СМИ. Демонстрации протеста прошли во всех странах, где проживают мусульмане. Подобные протесты были организованы впервые, хотя за 14 веков существования ислама опубликованы миллионы подобных карикатур³. Дальше других пошло радикальное движение «Талибан», которое предложило за убийство автора датских карикатур выдать 100 кг золота. И по 5 кг благородного металла будет выдано тому, кто убьет военнослужащих Дании, Германии или Норвегии, находящихся в Афганистане⁴.

Рост мусульманских притязаний происходит и по другим направлениям. Например, в 2006 г. ряд мусульманских стран направил в адрес оргкомитета летней Олимпиады 2012 г. в Лондоне предложение о переносе сроков игр, поскольку они совпадают со священным для мусульман месяцем Рамадан, во время которого верующие соблюдают строгий пост. Отметим,

что в 1980 г. летние Олимпийские игры в Москве также совпали с Рамаданом, что не помешало спортсменам Алжира, Афганистана, Сирии, Ирака, Ливана, Кувейта и Ливии принять в них участие. А в 1982 г. алжирские футболисты на чемпионате мира в Испании победили не обремененных постом чилийцев. И ныне нет оснований фаворизировать мусульманские общины по сравнению с представителями остальных религий⁵.

Среди христиан распространено выражение: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Однако мусульманские гастарбайтеры, забыв о правилах вежливости гостей, стали наводить исламский порядок в христианско-атеистическом доме. Это стало возмущать сначала отдельных рядовых граждан, а затем и многих государственных и политических деятелей, некоторых ученых.

В ряде европейских стран стала развиваться ксенофобия. В Англии, Германии, Бельгии возникли группировки скинхедов (бритоголовых), которые избивали и убивали не только мусульман, но и всех «темнокожих». Можно говорить, что в конце XX столетия в странах ЕС возникло движение за сохранение национальных ценностей, за отторжение людей иных цивилизационных установок. Такую позицию нельзя оправдать, но можно понять.

На факт исламизации Европы сначала резко отреагировали скинхеды (которых правительства придавали суду), а затем и деятели искусства. Появились фильмы антиисламской направленности и карикатуры художников на пророка Мухаммеда. Но теперь на эти акции тотчас же поднималась буря протестов как гастарбайтеров, так и мусульман в странах-донорах. Нидерландский режиссер Тео Ван Гог был убит в 2004 г., а художник Пароди вынужден был скрываться от исламистов у себя на родине. При этом мусульманские организации Пакистана, Индонезии грозили отказаться от импорта товаров из стран, «где оскорбляют исламскую веру». И это произошло в начале XXI века!

В Бельгии Европейская арабская лига потребовала «равноправия арабов, придания арабскому языку статуса государственного, законодательно объявить ислам официальной религией, ежегодно выделять квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях»⁶. Под давлением мирного джихада бельгийское правительство шло на частичные уступки. Но события 2004 г. и особенно 2005 г., похоже,

остановили «политкорректность» большинства западноевропейских государств.

В 2010 г. в Германии вышла книга Тилло Сарацина⁷ под симптоматичным названием «Германия – самоликвидация». Бурные обсуждения этого бестселлера привели к расколу в немецком социуме на сторонников и противников принятия антиисламских мер.

О содержании книги Сарацина⁸ следует сказать подробнее, поскольку оно не только получило поддержку большинства немцев, но и дает перспективу облика как Германии, так и ЕС в целом.

В монографии говорится, что в Германии проживает 3 млн. турок (эту цифру в 2008 г. назвал находившийся здесь премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган). К ним Сарацин добавляет курдов, боснийцев, албанцев, выходцев из Азии и Северной Африки. По его подсчету, в Германии проживает 4,3 млн. мусульман⁹. Кроме того, рождаемость у турок и других мусульман заметно выше, чем у немцев, что в целом обеспечивает хотя и низкий (0,2%), но ежегодный прирост населения Германии.

Сарацин констатирует, что каждый четвертый живущий в Германии турок не знает немецкого языка, каждый второй не общается с немцами, многие не посещают школы, а процент турок с высшим образованием крайне низок. По этой причине канцлер Ангела Меркель приняла предложение Эрдогана об открытии в Германии турецких школ. На основе этих и других фактов Сарацин приходит к выводу: «Турция покоряет Германию так же, как албанцы покорили Косово – с помощью высокой рождаемости». И прогноз Сарацина на ситуацию через 20 лет таков: «Федеральный президент Мухаммед Мустафа призвал мусульман уважать права немецкого меньшинства». Одна из немецких газет, поддерживавшая эти суждения, с юмором написала: «В Германии есть только один настоящий немец, да и тот – сарацин».

Во Франции еще в 1980-х гг. имели место робкие попытки запрета девочкам-мусульманкам приходить во французскую школу и сидеть в классах в платках. Запрет принимали и отменяли. И вот в 2010 г. президент Н. Саркози провел через парламент закон о запрете ношения не только платков, но и хиджабов женщинами-мусульманками в общественных местах.

Еще дальше пошла Италия, где проблема платков и хиджабов уже давно законодательно решена. Итальянский парламент принял компромиссное решение: запретил выставлять в государственных учреждениях и школах религиозные символы как католической, так и мусульманской веры (кресты, распятия, зеленый флаг, полумесяц со звездой и т.д.). Не разрешается это носить и школьникам.

В Швейцарии и Швеции ограничивают строительство высоких минаретов при новых мечетях. Правительства этих стран ужесточили контроль за иммигрантами и за поведением гастарбайтеров, проживающих здесь (особенно строго отслеживаются сроки их въездных виз)¹⁰.

Пожалуй, только Англия обходится без существенных ограничений исламской деятельности, включая прозелитизм. Газеты неоднократно писали о связи английской *уммы* с террористическими организациями в Афганистане, Пакистане и на Северном Кавказе. Но правительство депортировало лишь одного имама, проводившего «экстремистские проповеди».

Похоже, что накануне радикального пересмотра своей политики толерантности находится Германия. Осенью 2010 г. канцлер Ангела Меркель заявила, что у мусульман-гастарбайтеров так и не возникло «общих цивилизационных ценностей», поэтому они не смогли интегрироваться в немецкое общество. Немецкая политика «мультикультурализма не принесла ожидаемого результата». Но за этим признанием пока не последовало каких-либо политических решений или хотя бы ограниченный исламского прозелитизма. Видимо, многое будет зависеть от результатов выборов в германский парламент.

Еще раньше мне доводилось писать: «Рост отчужденности между пришлым и коренным населением резко обозначился в 1980-е гг., что привело к расовым и религиозным столкновениям... Большая часть иммигрантов не хотела или не смогла усвоить западные ценности»¹¹.

Принятые меры в некоторых странах ЕС – всего лишь паллиатив, дающий временный эффект. Рост исламских притязаний временно сократился, но через год-два он снова возобновится. Ведь все страны ЕС – капиталистические. А капиталист всегда стремится к получению максимальной прибыли. Такую прибыль дают в первую очередь гастарбайтеры, особенно нелегальные. Поэтому приток иностранных рабочих теперь уже остановить нельзя. К тому же увольнение гастарбайтеров, а

тем более депортация всегда вызывают болезненную реакцию правительств стран-доноров.

Теперь чрезвычайно острую реакцию вызывает депортация рабочих-мусульман. В этом случае с протестами выходят не только правительства посылающих стран, но и мусульманские общины, в том числе те, которые укоренились в странах-реципиентах.

Порой шумная реакция мусульман призвана лишь укрепить веру. Она не мешает исламским странам направлять все новые контингенты своих рабочих в западные государства. У них своя заинтересованность: получать от уехавших граждан максимальные суммы инвалютных переводов. Да и проблема занятости среди быстро растущего населения остается острой. Отсюда – иной подход к проблеме эмиграций.

Представляют интерес высказывания двух премьер-министров Турции, в разное время встречавшихся с турецкими рабочими в Германии. В 1950-х гг. Аднан Мендерес наставлял земляков: «Вы приехали в страну, в которой используется самая современная техника. Вы должны овладеть ею и вернуться на родину высококвалифицированными рабочими». Иное напутствие в 2010 г. дал премьер-министр Р.Т. Эрдоган: «Вы должны полностью овладеть немецким языком, хорошо работать и пунктуально исполнять законы Германии». Речь уже не идет о возвращении на родину, и турки должны внедряться в социально-экономическую и политическую жизнь страны-реципиента¹². При этом религиозная специфика турецких гастарбайтеров уходила куда-то в тень.

Но именно эта «теневая специфика» гастарбайтеров вышла в странах ЕС на передний план. Бескомпромиссные высказывания высоких лиц Германии, Франции, Италии и других государств продемонстрировали полное поражение политики адаптации – ассимиляции – интеграции мусульманских гастарбайтеров в западноевропейское сообщество. Для стран ЕС исламская *умма* – это конфликтогенная община, которая чем она больше, тем сильнее воздействует и подрывает традиционный уклад жизни европейцев. Можно предвидеть, что европейский социум будет этому всемерно сопротивляться.

Невольно приходишь к мысли: а вдруг Тилло Сарацин прав, и произойдет мирное поглощение христианской цивилизации ползучей исламской цивилизацией. Такой тренд, увы, действительно есть.

Европа: испытание на идентичность

Мусульманские гастарбайтеры – это лишь часть трудовых мигрантов, и ситуация с ними отражает часть общемировых миграционных проблем. Отсюда возникает необходимость выявления частного на базе общего. Рассмотрим некоторые общие положения, максимально приближенные к частному случаю – к мусульманам-гастарбайтерам.

Отметим, что в начале XXI в., когда в ЕС вошел ряд стран Восточной Европы, общая численность населения 27 участников Союза в 2010 г., по оценкам, достигла 501,3 млн. человек¹³. Доля иммигрантов-мусульман упала приблизительно до 8% (при этом численность нелегальных выходцев из исламских государств остается неизвестной). А вместе с местными мусульманами они представляют крупную преобразующую силу.

Отметим также, что приток гастарбайтеров в Западную, а теперь и в Восточную Европу продолжается. Все больше руководителей стран ЕС понимают, что джин ислама выпущен из европейской бутылки и назад его не загонишь. Они смиренно наблюдают – «осуществляют мониторинг», какими темпами продвигается мусульманский прозелитизм. А на следующем этапе они (или новые лидеры ЕС) будут гадать: сохранит ли ислам традиционные вероисповедания вымирающих коренных европейцев – католицизм, протестантизм (включая англиканство) и православие (а также иудаизм) или же все европейцы «возлюбят Аллаха». Этот вопрос, видимо, приобретет актуальную альтернативность во второй половине XXI в., когда христиане поведут уже арьергардные бои. Однако даже сегодня можно предопределить гипотетическую межконфессиональную ситуацию в странах ЕС (в США этот процесс актуализируется несколько позже).

В первую очередь следует подчеркнуть, что современный капиталистический ЕС не может существовать без эксплуатации иностранной рабочей силы. Поэтому наем гастарбайтеров будет продолжаться как в ближайшей, так и более отдаленной перспективе. Об этом свидетельствует тот факт, что приезд рабочих не прекратился даже во время «пика» финансово-экономического кризиса в 2008 г. Так, если в 2000 г. в США въехало 20,5 тыс. гастарбайтеров, а в Европу – 33,0 тыс., то

в 2010 г., по оценке экспертов, соответственно 25,1 тыс. и 35,1 тыс. человек¹⁴. Спрос на низкооплачиваемую рабочую силу даже продолжает систематически расти. Вполне вероятно, что после завершения цикла финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2007 г. и не закончившегося в 2011 г., приток иностранных рабочих еще больше возрастет.

Во вторую очередь отметим, что небольшая часть гастарбайтеров под различными предлогами станет приобретать гражданство одной из 27 стран ЕС, что постепенно будет изменять внешний облик коренных европейцев. Автору еще раньше удалось опубликовать предостерегающую фразу: «Белого человека – в Красную книгу!»¹⁵ Стагнация или даже депопуляция коренных европейцев проявилась вскоре после Второй мировой войны. Почти полвека рост европейского населения колеблется от 0,1 до 0,5% в год за счет приезда иммигрантов, главным образом мусульманских гастарбайтеров. На улицах и предприятиях все реже можно встретить бледнолицего европейца. И это – факт. А если уж в США президентом неожиданно стал афроамериканец (негр), то в ЕС такой поворот событий может начаться вполне закономерно.

Наконец, в третью очередь следует предвидеть изменение межконфессиональной ситуации в связи с «арабскими революциями» в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Практически здесь (не без помощи стран НАТО!) победил экстремистский ислам, устранивший толерантный ислам¹⁶. Десятки тысяч беженцев хлынули в Италию, а затем (по Шенгенской визе) – в другие страны ЕС. Видимо, все европейские государства будут стоять перед необходимостью обустроить и трудоустроить этих вынужденных переселенцев.

Кроме того, приход к власти на «Большом Ближнем Востоке» салафитов, ваххабитов и других сторонников традиционных учений ислама заметно изменит образ жизни мусульман огромного региона и реанимирует их экстремистские установки. Поэтому приезд новых гастарбайтеров в Европу или в США приведет к еще большей межконфессиональной напряженности.

Видимо, следует напомнить, что в Коране, почитаемом всеми мусульманами, есть постулаты, ориентирующие правоверных на взаимоисключающие действия. Так, толерантный *аят* (стих) утверждает: «Нет принуждения в религии» [2:257]. Другой же *аят* наставляет: «А когда вы встретите тех, которые

не уверовали, то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» [47:4]¹⁷.

Сегодня никто из лидеров мусульманских государств и никто из исламоведов не может предсказать, какой *аят* станет предпочтительным и по какому пути пойдет дальнейшая исламизация стран Европы или США. Можно только сказать, что ислам на иноконфессиональной территории – это мина замедленного действия, которая, возможно, по какой-либо причине не взорвется. Время покажет.

¹ *Старченков Г.И.* Трудовые миграции между Востоком и Западом. М., 1997, с. 110.

² НГ «Религии», 15.09.2010.

³ НГ, 20.12.2006.

⁴ Правда, 10.2.2006.

⁵ НГ, 1.11.2006.

⁶ Известия, 1.2.2003.

⁷ Сарацинами называли исламских завоевателей, вторгшихся в VIII веке на Пиренейский полуостров.

⁸ См.: НГ «Религии». 20.10.2010.

⁹ Отметим, что к 2010 г. в стране построено 250 мечетей и 2500 моляльных домов.

¹⁰ НГ «Религии», 06.10.2010.

¹¹ *Старченков Г.И.* Трудовые миграции..., с. 68.

¹² НГ, 18.10.2010.

¹³ Население России 2008. М., 2010, с. 296.

¹⁴ International Migration. A Rights-based Approach... Geneva, 2010, с. 17.

¹⁵ См. *Старченков Г.И.* Бумаранг миграции // Современная Европа. М., 2004, июль-сентябрь, с. 61.

¹⁶ В Египте мусульманские экстремисты (салафиты) разрушили коптские церкви и напали на коптские общины.

¹⁷ Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986.

**ТУРЦИЯ И ЕС:
МЕСТО МУСУЛЬМАНСКОЙ СТРАНЫ
В «ХРИСТИАНСКОМ КЛУБЕ»**

Турция – мусульманская страна, таковой ее считает как мировое сообщество, так и подавляющая часть самого турецкого общества, включая правящую элиту. За многие столетия безраздельного господства ислама он прочно укоренился в общественном сознании турецкого народа, вошел в национальные традиции, оказывал большое влияние на государственную идеологию как внутри страны, так и во внешней политике. Вместе с тем Турция является светским государством, что не только закреплено законодательно, но и многие десятилетия осуществляется на практике. Это было определено в ходе революции, осуществленной под руководством основателя светского турецкого государства Мустафы Кемаля Ататюрка. Секуляризм выступал одним из главных принципов идеологии кемализма, стержнем политической культуры страны. Однако, как оказалось, кемалистская модель не смогла разрешить проблемы, возникшие при слиянии ислама с политикой. Это связано с тем, что ислам не допускает разграничения между религией и государством, он признает правительство лишь тогда, когда оно правоверное, то есть исламское.

Специфическая роль ислама в Турции в различные периоды истории во многом объясняется геополитическим положением страны и неоднородным составом населения. Турция – классический пример государства, находящегося на стыке цивилизаций. Идея объединения вокруг основ ислама и развитие панисламизма во внешних отношениях особенно ярко были выражены в период правления Абдулхамидом II (1876–1909). Данный период совпадает с повышением влияния и интересов европейских государств в Османской империи и на Ближнем Востоке. Страны Балканского полуострова и азиатская Турция

воспринимались европейскими державами в качестве «моста на Восток» и постепенно становились все более необходимыми для «нового империализма». Процесс нынешнего развития Турции служит иллюстрацией сложного и многозначного взаимодействия государств, принадлежащих к различным культурам, имеющих разные экономические уклады и опыт государственности.¹

Основная идея, заложенная при создании Турецкой Республики, нашла свое отражение в политике, главным образом направленной на 1) утверждение лаицизма в качестве основополагающего элемента модернизации и 2) формирование нации-государства. Главным архитектором этой идеи, как известно, выступили вооруженные силы Турции. В 1950-х гг. на политической арене турецкого государства появился новый игрок – стамбульская буржуазия. В последующие периоды на фоне демократизации и идеологических споров в Турции все громче и чаще стали о себе заявлять исламисты, курды, алевиты и т. д. После введения в действие неолиберальных программ 1980-х гг. в «высшую лигу» внутривнутриполитического соперничества удалось выйти деловым кругам внутренней Анатолии. При этом турецким вооруженным силам становилось все труднее идти в ногу с процессами неолиберальных перемен. Идеейные постулаты, на которых строилась современная Турция, стали давать серьезные трещины, наиболее заметные в Юго-Восточной Анатолии. Армия так и не смогла решить проблемы курдских районов.

С другой стороны, в Турции практически невозможно успешно реализовать тот или иной модернизационный проект без привлечения ислама. Основатели Турецкой Республики понимали это и в 1924 г. создали два управления: 1) Управление Генерального штаба; 2) Управление по делам религии. Оба учреждения были созданы одним законом. Это указывает на то, что в то время наиболее влиятельными силами в стране считались военные и религиозные деятели. Однако их вовлечение во внутривнутриполитические процессы было нежелательным.

Ислам в Турции имеет неоднородный характер. Обычно говорят о существовании в турецком государстве четырех видов ислама: 1) **Социальный ислам**. К числу его главных представителей относят сторонников «накшбандизма» и «нурджизма». Именно эта прослойка исламистов представляет собой основную преграду на пути к радикализации ислама в Турции. 2) **Политический ислам**. Этот вид получил свое оформление

вместе с движением «Национальный взгляд» (Милли Гёрюш). Однако с появлением на политической арене Турции «анатолийской буржуазии» в системе «Национального взгляда» стало наблюдаться преломление. Иными словами, эволюция взглядов сторонников «Милли Гёрюш», которая привела к расколу Партии благоденствия и созданию новой Партии справедливости и развития (ПСР), стала возможной главным образом благодаря предпринимательскому сословию «анатолийской глубинки». Таким образом, можно констатировать, что политический ислам стал продуктом не исламских интеллектуалов, а инструментом исламской буржуазии. 3) **Государственный ислам.** Конкретным выражением этого типа ислама можно считать Управление по делам религии, которое является государственным учреждением и находится в прямом подчинении аппарата премьер-министра. Оно не принимает участия в определении и формировании внутренней политики государства. Его функции заключаются лишь в осуществлении государственной политики в религиозной сфере. Главная задача этого органа состоит в том, чтобы не допустить радикализации ислама и ограничить его влияние на политические процессы в стране. Надо отметить, что в рамках турецкого государства структура эта довольно влиятельная и пользуется большим доверием граждан. 4) **Радикальный ислам.** Как правило, сторонники этого вида ислама имеют косвенные, а иногда даже и прямые связи с международными экстремистскими группировками. Число радикальных исламистов на территории Турции пока незначительное, однако их влияние неуклонно растет².

Необходимо отметить, что подобная классификация не предполагает четкого разграничения: часто можно говорить не только об их взаимовлиянии, но и их частичном слиянии друг с другом.

В рамках дискуссий о месте ислама в социально-политической жизни Турции особое внимание необходимо уделить сторонникам движения Фетхуллы Гюлена. Сформированное на основе идей суфизма и нурджизма движение Ф. Гюлена в результате существенных изменений в политической и экономической жизни Турции и массовой эмиграции турецких граждан на Запад не ограничилось рамками Турции. Сегодня в Турецкой Республике действует множество структур и ассоциаций, находящихся под покровительством этого движения. Им принадлежат газета «Заман», журнал «Сызынты», телеканал «Саманйолу ТВ» и ряд других средств массовой информации³.

В ведущих высших учебных заведениях США, Европы и Азии регулярно проводятся международные конференции, семинары, форумы с целью изучения идеологии и целей движения Ф. Гюлена. Важной составляющей этого движения являются образовательные программы и профессиональные тренинги, которые проводятся весьма организованно и на высоком уровне.

Отношение к Ф. Гюлену среди турецких исламистов неоднозначное. Лидеры исламских организаций неоднократно обвиняли сторонников этого движения в том, что они позволяют светскому истеблишменту использовать свои возможности для «извращения исламской идеологии». Критика в адрес Ф. Гюлена со стороны сторонников исламизации турецкого общества особенно увеличилась после его проповеди, в которой он выступил с заявлением о дозволенности девушкам снимать тюрбан в высших учебных заведениях, если того требуют власти. Такую позицию лидер движения обосновал тем, что получение высшего образования важнее соблюдения норм шариата относительно внешнего вида.⁴ Деятельность Ф. Гюлена в области исламизации турецкого общества породила недовольство военных, которые являются «хранителями светскости турецкого государства».

Несмотря на то, что фактически Ф. Гюлен уже стал духовным лидером вполне самостоятельного направления, он считается современным последователем известного богослова Бедиуззамана Саида Нурси (1878–1960). Сторонники движения Ф. Гюлена сохранили традиции нурджизма, а само движение является частью течения «Нурджулар», созданного в Турции вскоре после Первой мировой войны. При Кемале Ататюрке течение «Нурджулар» находилось под запретом, а С. Нурси провел 23 года в тюрьмах и ссылках. В 1950-х гг. правительство Аднана Мендереса поддержало нурджистов. Однако в 1999 г. после «постмодернистского переворота» (28 февраля 1997 г.) власти страны снова признали деятельность течения «Нурджулар» противоречащей основам принципа светского государства⁵.

Турецкие эксперты обращают внимание на эволюцию взглядов сторонников движения Ф. Гюлена. Так, во времена «холодной войны», когда ислам главным образом использовался турецкими властями в качестве «средства» сдерживания и подавления коммунистических идей и течений, в рамках «нурджизма» был сформирован своего рода «синтез исламизма с национализмом». После 1980-х гг. движение Ф. Гюлена

выступало сторонником проведения неолиберальной экономической политики и расширилось благодаря распространению собственных образовательных учреждений. В 1990-х гг. с развитием глобализации нурджисты стали уделять все больше внимания глобальным аспектам ислама.

В начале 2000-х гг. между сторонниками Ф. Гюлена и ПСР была сформирована некая равноправная коалиция. Многие нурджисты благодаря поддержке ПСР смогли проникнуть в бюрократические круги и занять во властных структурах Турции высокие посты, что фактически поставило их в определенную зависимость от правящей партии. Поэтому сегодня часть из них является уже больше сторонниками Р.Т. Эрдогана, чем последователями Ф. Гюлена. Иными словами, есть потенциал и серьезные основания полагать, что эти два лидера в недалеком будущем из партнеров превратятся в соперников. Если раньше нурджисты считались равноудаленными от всех политических партий страны, то сегодня они постепенно растворяются внутри ПСР.

Правящая партия, обладая широкими административными ресурсами, долгое время не имела, однако, достаточных возможностей навязывать турецкому обществу определенный вектор развития и оказывать влияние на мышление турецкого народа. В целях устранения этого недостатка была развернута борьба за привлечение на свою сторону нурджистов, большинство из которых непостоянно в своих политических предпочтениях. Однако при этом ПСР стремилась удерживать в своих рядах и сторонников «Национального взгляда», разделенных между собой на «обновленцев», по сути, создавших ПСР, и «традиционалистов», представляющих в настоящее время Партию счастья.

В этом контексте события, произошедшие у берегов сектора Газа в 2010 г., рассматриваются некоторыми турецкими экспертами в качестве второго удара, нанесенного приверженцами «Национального взгляда» по «нурджистскому крылу ПСР». Первый был нанесен чуть раньше, когда на сайте турецкой газеты «Вакит» – главного информационного источника «Милли Гёрюш» – было размещено компрометирующее видео на тогдашнего лидера Народно-республиканской партии (НРП) Дениза Байкала. Как известно, избрание после этого инцидента Кемаля Кылычдароглу на пост председателя НРП негативно сказалось на имидже ПСР. В своем последнем выступлении в должности председателя главной оппозиционной партии

Д. Байкал заявил, что «искренне верит» в непричастность к этому инциденту Ф. Гюлена, который лично позвонил и выразил по поводу случившегося свои сожаления.

Напомним также о неоднозначной реакции сторонников ПСР на заявления Ф. Гюлена, сделанные им в отношении «гуманитарной акции». Лидер нурджистов тогда заявил, что функционерам Фонда гуманитарной помощи (ФГП) перед проведением данной акции следовало бы взять разрешение у израильских властей, а «не пренебрегать авторитетом». Такое расхождение среди не только электората, но и партийного руководства позволяет говорить, как минимум, о неоднородности взглядов внутри партии.⁶

В американской газете *“The Wall Street Journal”* 4 июня 2010 года была опубликована статья Джо Лаурии, в которой излагались впечатления лидера нурджистов Ф. Гюлена относительно гуманитарной акции «Наш маршрут – Палестина, наш груз – гуманитарная помощь». Критика турецкого проповедника, направленная против организаторов этой акции стала полной неожиданностью и породила в турецких СМИ широкую дискуссию. По мнению влиятельнейшего турецкого религиозного деятеля, участникам «гуманитарной акции», прежде чем направлять «Флотилию свободы» в сектор Газа, следовало бы получить согласие израильских властей. «Это было отвратительно», – сказал Ф. Гюлен, комментируя события, произошедшие у берегов сектора Газа. Отказ участников акции получить разрешение Израиля является, по мнению Ф. Гюлена, «знаком вызова израильским властям» и «не позволит решить проблему плодотворным образом».

Взгляды Ф. Гюлена и его влияние внутри Турции в последние годы стали подвергаться тщательному анализу. Это связано с тем, что идеи Ф. Гюлена фактически стали служить теоретическим обоснованием практических действий партии власти, поскольку они не содержат антидемократических призывов и направлены исключительно на укрепление толерантности, веротерпимости и развитие межцивилизационного диалога.

Следует отметить, что заявления Ф. Гюлена, прозвучавшие на фоне солидарности турок в отношении «жестокости» Израиля и «героизма» активистов, стали неожиданностью, в особенности для сторонников идеи исламизации турецкого общества. Хотя сразу после этого в нурджистских СМИ и появились «оправдательные» статьи, но избежать критики со сто-

роны некоторых лидеров исламских течений Турции все же не удалось. По-видимому, это на некоторое время приостановит растущую популярность нурджистов. Многие турецкие информационно-аналитические издания отнеслись к словам Ф. Гюлена с недоумением, другие и вовсе раскритиковали его, назвав лидера нурджистов «резидентом США, не имеющим представления о том, что происходит в Турции». Слова Ф. Гюлена резко контрастировали с характеристикой действий израильских властей, которую ранее дал турецкий премьер Р. Эрдоган, назвавший их «проявлением государственного терроризма» и «исторической ошибкой».

В своем интервью Ф. Гюлен заявил, что впервые слышит о такой благотворительной организации, как Фонд гуманитарной помощи (ФГП, известный также как Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи – İnsan Hak ve Hürriyetleri İnsani Yardım Vakfı – İHH). Напомним, что именно эта организация выступила в качестве инициатора гуманитарной акции. Естественно, это было сказано Ф. Гюленом с целью, чтобы снизить значение деятельности ФГП. «Трудно сказать, была ли эта акция политизирована или нет», – отметил турецкий проповедник в своем интервью, намекая на связь этой акции с последними внутривнутриполитическими событиями в стране, связанными с ростом влияния оппозиционной Народно-республиканской партии в результате смены ее лидера. А представителям благотворительных организаций, имеющим отношение к течению нурджистов, он настоятельно рекомендовал держаться подальше от подобного рода инициатив и оказывать помощь жителям сектора Газы только после того, как будет получено официальное разрешение Израиля. Он также добавил, что оценкой этих событий должна заняться ООН.

Ряд турецких экспертов считает, что позиция Ф. Гюлена и его последователей с самого начала была четкой. Нурджисты выступали не против самой идеи гуманитарной акции, а против методов ее проведения. Объяснение этому следует искать в таких понятиях, как «власть» и «неповиновение». Известно, что Ф. Гюлен не одобряет выступлений против власти и считает, что вместо демонстративного неподчинения следует использовать «дипломатические методы». Представители ФГП, наоборот, свое предпочтение отдают «активности» и такому понятию, как «гражданское неповиновение». Важно

заметить эту разницу, наблюдаемую во взглядах у сторонников исламизации турецкого общества. Разнообразие, которое увеличивается благодаря популизму, развитию гражданского общества и внешнеполитическим прорывам, отражается на всех гражданах Турции, в том числе исламистах. Турецкое общество модернизируется, а вместе с ним формируются и различные типы мышления, а также модели поведения. Вместо радикальных взглядов на передний план выходит стремление к демократическим инициативам в рамках гражданского общества.

Интервью Ф. Гюлена указывает на то, что понимание «власти» у нурджистов имеет классическое значение и традиционно-консервативный характер. А представители ФГП предпочитают действовать методами, какими пользуются, например, сторонники «Гринпис», где главный акцент делается на проведении акций и «гражданском неповиновении». То есть речь идет о глубокой разнице в подходах исламских движений к решению тех или иных проблем. В данной ситуации мы имеем дело с борьбой между осторожной тактикой нурджистов и политизированными методами привлечения внимания общественности и властей, которыми активно пользуются сторонники «Национального взгляда» (Милли Гёрюш). Заметим, что ФГП является общественной организацией, созданной активными функционерами «Милли Гёрюш». Следует также подчеркнуть, что и нурджисты и активисты ФГП находят сторонников не только среди мусульман, но и среди представителей других религий и даже атеистов.

Возвращаясь к анализу гуманитарной акции, обратим внимание на тот факт, что по времени она совпала с проведением Восьмой «Всемирной олимпиады по турецкому языку», в которой принимали участие представители из 120 стран мира. В результате событий у берегов сектора Газа проект, осуществленный по инициативе нурджистов, не получил желаемого отклика и освещения в СМИ и не дал ожидаемого эффекта. Сторонники Ф. Гюлена обвиняют активистов ФГП в том, что последние, прикрываясь исламом и используя «грубые методы», в целях привлечения к себе внимания провели «показную» акцию. Очевидно, что своим интервью Ф. Гюлен противопоставил свое течение радикальным исламским движениям.

В этом плане представляет интерес статья политического обозревателя турецкой газеты «Хюрриет» Ахмета Хакана,

в которой он обращает внимание на следующие особенности политической линии Ф. Гюлена:

1. Был против проведения акций за ношение «тюльбана». Призывал студенток и работниц госслужбы подчиниться власти и не надевать платки в государственных учреждениях.
2. Всегда держался на расстоянии от сторонников «Национального взгляда».
3. Имел хорошие отношения с бывшим президентом Турции Сулейманом Демирелем и тесные контакты с лидером «левых демократов» Бюлентом Эджевитом.
4. Стал инициатором межцивилизационного диалога.
5. Во время «постмодернистского военного переворота» 1997 г. не только не оказал сопротивления, но и был на стороне военных.

На вопрос о том, кем является Ф. Гюлен, по мнению А. Хакана, можно получить следующие ответы:

1. Не является сторонником приключений, рисковать не будет.
2. Уравновешенный и предельно осторожный.
3. Придает большое значение месту и роли Турции в системе международных отношений.
4. Соблюдает умеренность во всем.
5. Категорически против любого проявления экстремизма и радикализма.
6. Ни в коем случае не станет поддерживать беспорядки.
7. В рамках своего движения соблюдает строгую подотчетность.
8. Придает большое значение иерархической структуре в своем течении.

Поэтому не стоит удивляться позиции Ф. Гюлена в отношении гуманитарной акции. В последние годы нурджисты поддерживали ПСР. Они выступали против планов военных осуществить в стране переворот, энергично поддерживали все усилия, направленные на снижение роли армии во внутривнутриполитических процессах страны. То есть до сих пор позиции ПСР и сторонников Ф. Гюлена во многом совпадали. Однако в свете последних событий мнение лидера нурджистов относительно правящей партии внешне изменилось. Это можно объяснить следующим образом:

Во-первых, гуманитарная акция была воспринята мировым сообществом в качестве «экстремистской». Не в интересах Ф. Гюлена портить свои отношения с мировым сообществом.

Во-вторых, ПСР, несмотря на заявления лидеров партии, своими последними действиями показала, что ее внешнеполитический курс стал все отчетливее иметь антизападную направленность. До сих пор в рамках ПСР исламские амбиции активистов «Национального взгляда» сдерживались умеренностью нурджистов. Отметим, что последователи Ф. Гюлена всегда выступали за сохранение во внешней политике Турции прозападного курса и сближение с ЕС. Однако в последнее время появилась вероятность, с одной стороны, растворения нурджистов среди сторонников амбициозного политического курса, с другой, – радикализации самих нурджистов, что, возможно, станет причиной утраты их главной особенности – умеренности. А это, в свою очередь, породит или усилит скептическое отношение к нурджистам во многих странах мира. Поэтому, по мнению Ф. Гюлена, пришло время, когда нужно держаться от ПСР на расстоянии.

До сих пор шаги Ф. Гюлена были весьма продуманными и приносили лишь пользу его движению, способствуя росту его влияния. На наш взгляд, Ф. Гюлен своим интервью дал недвусмысленный сигнал нурджистам, которые в совокупности способны внести определенные коррективы во внутривнутриполитическую жизнь Турции. Однако, по-видимому, происходить это будет весьма болезненно для лидеров ПСР и, возможно, обернется расколом партии Р.Т. Эрдогана.

Сегодня в Турции основной спор развернулся вокруг дальнейшей модернизации страны. Большинство выступает за развитие республики на основе исламской культуры. Некоторые аналитики считают, что необходима новая интерпретация ислама. Другие полагают, что в настоящее время в Турции уже наблюдается процесс религиозной реформации, нацеленной на «протестантизацию ислама».⁷ Следует заметить, что напряженность между исламистами и лаицистами в Турции наблюдается лишь на уровне элиты и основы этого раскола не такие уж и прочные, как это кажется на первый взгляд, т. е. у данного раскола, как в своем интервью отметил профессор американского Университета Юты Хакан Йавуз, нет «социальной глубины».⁸ Стремясь к модернизации, исламисты проходят определенную стадию эволюции. В рамках этого процесса меняются их взгляды, и, что более важно, под влиянием улучшенного материального состояния по-новому стали восприниматься основные элементы исламской культуры.⁹ По этому

поводу один из крупнейших американских специалистов по исламу Грэхем Фуллер писал: «Исламисты совершили примечательную одиссею – попытку сделать их прошлую цивилизацию, основанную на рамках их исламской культуры, значимой как элемент будущего развития».¹⁰ Турецкие либерал-исламисты по большому счету стремятся именно к этому. Если на Западе протестантство привело к капитализму, то в Турции, наоборот, в результате усиления позиций национальной буржуазии формируется новый модернизированный ислам, адаптированный к условиям современности.

В настоящее время наблюдается стремительный рост экономики и расширение политического влияния Турции на международной арене. Важную роль в процессе развития этой страны играет Евросоюз. Ежегодно европейские институты оценивают турецкие достижения в рамках критериев, выполнение которых необходимо для полноправного членства в ЕС. Турция обозначила свой внешнеполитический курс, но соответствует ли он ожиданиям единой Европы?

Самосознание и самооценка в наиболее четкой форме проявляются тогда, когда приходится отвечать на определенные вызовы и угрозы. Это относится и к Евросоюзу – преимущественно функциональному проекту, начинавшемуся с минимальных программ сотрудничества. В ряде европейских стран расширение ЕС рассматривается в качестве одного из серьезных вызовов идентичности и социальному благосостоянию граждан Евросоюза. Следовавшие один за другим этапы расширения ЕС способствовали формированию общеевропейских учреждений, а также единой политики в различных сферах жизнедеятельности на основе общих ценностных ориентиров.¹¹

Тем не менее в Европе всегда проживали значительные нехристианские меньшинства, чьи представители внесли большой вклад в европейскую культуру. В последние десятилетия в связи с особым вниманием к терпимости и уважению прав человека религиозный ландшафт Европы существенно изменился. Ислам фактически стал значимой частью европейского культурного пространства. Это связано прежде всего с иммиграцией, переходом в ислам некоторого числа европейцев, а также с тем, что в Европе существуют государства (например, Болгария), где ислам является религией весьма многочисленного национального меньшинства. Большинство правительств государств – членов ЕС признает в той или иной форме наличие

мусульманского фактора и рост его влияния. В последние годы они вновь и вновь подчеркивали, что отвергают концепцию «столкновения цивилизаций».¹²

В ЕС не существует единой модели взаимоотношений между государствами и религиями. Принцип субсидиарности обусловил возникновение разных моделей в отдельных государствах – членах ЕС. В Европе сегодня отсутствует консенсус в вопросе категорического признания Евросоюза «христианским клубом». Хотя отрицание того факта, что христианство – его учение, различные направления, внутренние и внешние религиозные конфликты – сыграло основополагающую роль в формировании Европы, противоречило бы всякой исторической правде и существующему положению дел. Такой подход объясняет наличие в ЕС разногласий по вопросу о принятии в него страны, где основной религией является ислам.¹³

Европа не может оставаться безразличной к тенденциям, имеющим место в исламском мире. Напротив, европейцы заинтересованы в оказании поддержки тем странам, которые защищают принцип секуляризма, несмотря на то, что большинство их населения исповедует ислам. Турция не одинока в этой категории государств, но она, несомненно, является одним из самых важных ее представителей. В Турции существуют течения и движения, которые относятся к политическому исламу. Эти силы на протяжении долгих десятилетий выступали против сближения с Европой и вступления в Евросоюз. Однако за последние годы ситуация изменилась. Сегодня наиболее многочисленная партия, представляющая умеренный политический ислам, стала сторонницей полноправного членства Турции в ЕС. Такое развитие событий оказывает влияние на отношение европейцев к принятию турок в состав ЕС.

Так, парижская газета «Монд», комментируя итоги выборов в органы местного управления Турции в 2004 г., отмечала, что победа ПСР ставила непростую задачу перед Европейским союзом, готовящимся к началу переговоров с Турцией о вступлении в ЕС. «На ПСР лежит историческая ответственность продемонстрировать, что ислам и демократия совместимы. Руководителям партии предстоит доказать, что понятие «центристский исламизм» имеет право на существование. Если им удастся примирить ислам и современность, то она послужит примером арабскому миру, объединив в себе культурное

наследие ислама и непоколебимую приверженность демократии и правам человека, в особенности правам женщин».¹⁴

Это говорит о том, что «религиозный фактор» наряду с известными трудностями социального, политического и экономического характера представляет собой серьезное препятствие на пути вступления Турции в ЕС. Воздерживаясь от вынесения религиозного вопроса на открытое обсуждение, представители некоторых государств-членов ЕС, по мнению турецких аналитиков, стараются не принимать решений, противоречащих общественному мнению в их странах, и используют исламский фактор в качестве «скрытой преграды».¹⁵

С другой стороны, ЕС старается удержать Турцию в зоне своего влияния в рамках Таможенного союза, действующего с 1 января 1996 г. Значение Турецкой Республики для Евросоюза отмечается и в ряде западных СМИ. В них ударение в основном делается на турецкой практике внедрения светской и популистской модели в мусульманском обществе. В Европе понимают, что для укрепления хороших связей с исламским миром необходимо оказывать поддержку турецкой модели развития и использовать Турцию как наиболее подходящего кандидата для выполнения функций «моста» в диалоге между Западом и Востоком.¹⁶

В дискуссиях об отношениях между ЕС и Турцией, по мнению большинства турецких ученых, присутствует так называемый «роковой подход», обусловленный диалектикой Фрэнсиса Фукуямы. Сторонники этого подхода предупреждают, что полноправное членство Турции воспринимается сегодня в качестве обязательного этапа и конечной цели турецкой истории. «Евросоюзу придается морально-этическое значение. Именно поэтому некоторые европейские ученые и политики ведут себя как инквизиторы, которые защищают Европейский Союз от ересей», – считает директор Института «Турция в XXI в.» профессор Умит Оздаг. В своей книге «Взаимоотношения Турции и Европейского Союза» он пишет: «Другой фактор, также способствующий переходу к иррациональному процессу, заключается в том, что определенные круги – сторонники вступления Турции в ЕС, – создавая «профессиональные лобби», отодвинули на второй план свою «интеллектуальную ответственность». В результате психологической атаки, успешно проведенной профессиональными лоббистами и направленной на турецкое население, бюрократию, политические партии

и неправительственные организации, Великое национальное собрание Турции приняло ряд законов по адаптации к ЕС. Следует воздержаться от того, чтобы рассматривать переговоры с ЕС в рамках «конца истории». И только это позволит вести переговоры в рациональной плоскости. Ни для человечества, ни для Турции не существует конца истории. Существуют только искусственно ограниченные и постоянно меняющиеся общественно-политические проекты. Европейский союз является одним из таких общественно-политических проектов, возникших на определенном этапе истории».¹⁷

Для определения позиции европейцев по вопросу о принятии Турции в состав ЕС необходимо проанализировать высказывания лидеров единой Европы и их аргументы. Так, бывший председатель парламентской группы Христианской демократической партии (ХДП) Германии В. Шойбле в своем выступлении в 1995 г. в Давосе отмечал, что полноправными членами ЕС могут стать только те страны, которые относятся к европейско-христианской цивилизации и не выходят за пределы географических границ Европейского континента. Ранее подобные высказывания делал и экс-председатель Еврокомиссии Жак Делор. Сославшись на известного историка Фернана Броделя, Ж. Делор подчеркнул, что ЕС является частью христианской культуры и поэтому Турции с ее мусульманским населением в нем не место. На подачу Турцией заявки о полноправном членстве Ж. Делор ответил, что Европа является «христианским клубом».¹⁸

Особый интерес представляет проведенный 4 марта 1997 г. в Брюсселе Съезд европейских христианских демократов, в котором приняли участие весьма влиятельные политики Европы, играющие важную роль в формировании европейского общественного мнения. На съезде, по оценкам турецких экспертов, доминировал «культурно-дискриминационный подход». Так, в своем выступлении премьер-министр Люксембурга Жан-Клод Юнкер заявил, что «основной преградой между Европой и Турцией является различие религии и культуры». Христианские демократы отклонили предложение внести Турецкую Республику в процесс расширения ЕС. В качестве основания они выдвинули следующие причины: 1) Турция обладает серьезными проблемами, решение которых фактически невозможно; 2) Турция значительно отличается от других стран, намеренных вступить в ЕС. По итогам съезда премьер-министр Бельгии

Жан-Люк Деаен заявил, что решение об отказе Турции в полномочном членстве ЕС было принято единогласно. Глава христианских демократов в Европейском парламенте Вимм Ван Вельцен отметил, что Турция не разделяет культурные, гуманитарные и христианские ценности ЕС.¹⁹

«Принадлежность Турции к культуре и религии, отличной от европейской», – это главная преграда, стоящая на пути ее вступления в Евросоюз. Об этом много писалось как в европейской, так и в турецкой прессе.²⁰ К числу причин негативной позиции европейцев к турецкому народу некоторые эксперты относят исторические комплексы, сформированные на подсознательном уровне в течение весьма длительного периода. Заметное влияние на сохранение этих опасений оказали усилия сторонников «вытеснения турок из Европы». В исторических документах турки зачастую упоминались не только как «носители иной религии», но и в качестве «исторических врагов», «разрушителей цивилизации».²¹

Как только вступление Турции обрело реальную перспективу, хоть и отодвинутую на 10–15 лет, европейская общественность заволновалась. Выяснилось, что не все европейцы готовы жить в одном интеграционном объединении с 70-миллионной республикой, которая для них «слишком большая, бедная, далекая мусульманская страна». Не всем по душе, что Европа постепенно, а в последнее десятилетие все более стремительно превращается в «расово-этническую салатницу». Многие европейцы опасаются немедленного притока рабочей силы из Турции.²²

Известный турецкий социолог Эмре Конгар на своем Интернет-сайте пишет, что для Запада Турция так и останется мусульманской страной. На пути вступления в Евросоюз ее ожидают только новые трудности. Определенные круги в Европе не позволят Турции стать полноправным членом ЕС, несмотря на значительные позитивные сдвиги в отношениях между ними. Э. Конгар прогнозирует близкие партнерские связи, однако считает, что это не приведет к полноценному членству. В качестве альтернативы европейскому проекту турецкий ученый предлагает Турции принять активное участие в формировании американского проекта на Ближнем и Среднем Востоке и Северной Африке. Несмотря на то, что социально-политическая структура Турции в рамках проекта «Большой Ближний Восток» рассматривается через призму подхода «умеренного

ислама», Э. Конгар выступает за участие в этом американском проекте, но только в качестве «светской и демократической региональной державы».²³

В целях закрепления за собой роли систематического посредника между различными цивилизациями Турция активно поддерживает инициативы межцивилизационного взаимодействия. Еще до создания «Альянса цивилизаций» Турция стала инициатором Стамбульского саммита, проведенного в феврале 2002 г., в котором приняли участие страны ЕС и участники Организации Исламская конференция (в 2011 г. переименованной в Организацию исламского сотрудничества). Став в 2005 г. сопредседателем «Альянса цивилизаций», Анкара начала оказывать стабильную поддержку межцивилизационным усилиям. Задача совместной политической инициативы Испании и Турции состояла в том, чтобы предложить жизнеспособную программу сотрудничества государств и народов и предотвратить сползание к масштабному межцивилизационному конфликту. В идейном смысле испано-турецкая инициатива была воспринята как антитеза теории «столкновения цивилизаций». Турция благодаря подобным инициативам стала пытаться играть роль посредника в урегулировании межконфессиональных конфликтов. Нынешнее турецкое руководство полагает, что в результате усилий, направленных на межцивилизационное сотрудничество, Турция на международной арене стала приобретать «положительный имидж», и это, в свою очередь, увеличивает ее потенциал «мягкой силы».

В рамках своих отношений с ЕС Турция, играя важную роль в «ооновской проекции», пытается продемонстрировать, что способна выполнять систематическую посредническую функцию в процессе взаимодействия между Западом и исламским миром. Анкара убеждена в том, что если Брюссель желает стать глобальным актором международной политики, то ему необходимо установить хорошие отношения с полуторамиллиардным исламским миром, и Турция сможет помочь ему в этом. Такое мнение о Турции и о ее посреднической функции в межцивилизационном взаимодействии может играть положительную роль в переговорном процессе между Турцией и Евросоюзом. Об этом в ноябре 2006 г. во время своего выступления в Хельсинкском университете заявил и комиссар по вопросам расширения ЕС Олли Рен, считающий «Альянс цивилизаций» результатом конструктивного мышления. По его мнению, при-

нятие Турции в ЕС «откроет путь к долгосрочной дружбе между Европой и исламским миром».²⁴

Итак, несмотря на позицию лидеров объединенной Европы, ориентация на Запад – важнейшее направление современной турецкой внешней политики. Однако общие границы с Ираком, ситуация в котором далека от стабильной, и Ираном, одним из возможных объектов силового воздействия со стороны США, а также общая для стран региона курдская проблема требуют от Турции гибкой, взвешенной региональной внешней политики, которая всесторонне учитывала бы влияние исламского фактора, в том числе внутри страны. Несмотря на имеющиеся в Европе возражения по поводу принятия Турции, в 2004 г. все же было окончательно решено открыть турецкой стране двери в ЕС, хотя с целым рядом оговорок и максимально растянув сроки. Многие аналитики увидели в этом развитие необратимого процесса глобализации. А в дебатах по вопросу о будущем Европы и вступлении в ЕС крупной мусульманской державы – столкновение двух глобальных политических клубов, условно названных «христианским», защищающим культурно-исторический базис европейской интеграции, и элитарным – «общечеловеческим».

¹ Fuller G.E., Lesser I.O. Türkiye'nin Yeni Jeopolitik Konumu: Balkanlardan Batı Çin'e. Çev. Gönenç M. İstanbul: Alfa yay., 2000, с. 111–118.

² Akinan S. Hakan Yavuz konusuyor da konusuyor // www.gasteci.com/haber14283.htm.

³ Пашаян А. Исламская опора Партии справедливости и развития // www.noravank.am

⁴ Мухаметов А. Вслед за Нурси запретят Гюлена? // www.islam.ru/pressclub

⁵ www.regnum.ru/news/985395.html

⁶ Dumanlı C. Gülen Cemaati, Milli Görüş ve AKP // 2023 Haber, 06.06.2010.

⁷ Bengisu N. Nihal Bengisu'dan Gülen Cemaatine Destek // Birikim Haber, 28.07.2010.

⁸ *Aksam*, 25.07.2010.

⁹ *Ulsever C.* Gulen Cemaati ve AKP // *Hurriyet*, 28.07.2010.

¹⁰ Fuller G. The Future of Political Islam. N.Y., 2003, с. 213.

¹¹ Akçalı C. Kimliğini Arayan Avrupa // *Yeni Şafak*, 30.10.2006.

¹² *Akşam*, 14.11.2006.

¹³ *The Washington Post*, 23.11.2002.

¹⁴ *Le Monde*, 29.03.2004.

- ¹⁵ *Güresun G.* Avrupa Parlamentosu'ndaki Parti Gruplarının AB'deki Yeri ve Önemi. Ankara, 1995.
- ¹⁶ *Ozankaya Ö.* Laikliğin AB'ne Ulusal Yararlara Uygun Giriş Zorunluluğu // Atatürkçü Düşünce, 7 (72), Nisan 2000, c. 8–14.
- ¹⁷ *Özdağ Ü.* Türkiye – Avrupa Birliği İlişkileri: Jeopolitik İnceleme. Ankara, 2003.
- ¹⁸ *Le Monde*, 01.06.1994.
- ¹⁹ *Köstekli Ş.İ.* Türkiye ve Avrupa Birliği. Ankara, 1999, c. 59.
- ²⁰ *Milliyet*, 26.11.2007.
- ²¹ *Karaman F.* AB'de Din Faktörü // Güncel Avrupa Dergisi, № 112, Nisan 2000, c. 42–45.
- ²² Türkiye, AB Adaylarına Fark Atıyor // Anadolu Ajansı, 14.10.2002.
- ²³ *Kongar E.* GOP Neyi Amaçlıyor? // www.kongar.org/makaleler/gop_neyi_amacliyor.php
- ²⁴ *Kılınç R.* Medeniyetler İttifakı Projesinin Türkiye'ye faydası ne? // AB Haber, 07.04.2009.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ ТУРЦИИ И ЕС: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Очередным этапом интеграции Турции и Европейского Союза (ЕС) стало подписание в рамках Анкарского договора об ассоциации 1963 г. соглашения о создании Таможенного союза 6 марта 1995 г. Это соглашение предусматривало, во-первых, отказ от использования пошлин во взаимной торговле товарами. Во-вторых, ликвидацию торговых количественных ограничений. В-третьих, начались переговоры касательно двусторонней либерализации торговли услугами. В-четвертых, Турция начала применять в отношении импорта из третьих стран Единый внешний тариф (ЕВТ) Евросоюза.

Оценка более чем пятнадцатилетнего опыта существования таможенного союза позволяет сделать важные выводы и обобщения, актуальность которых обусловлена тем, что таможенный союз продолжает оставаться формой международной интеграции, к использованию которой часто стремятся государства того или иного региона и на эффективность которой надеются их лидеры. К тому же опыт Турции дает возможность оценить последствия рассматриваемой формы интеграции в условиях существования довольно значительных различий в уровнях экономического развития между странами-участницами, что отражает состояние и сегодняшних кандидатов на участие в подобных интеграционных проектах.

Итак, на момент создания таможенного союза разрыв в уровнях подушевого ВВП между Турцией и средним для государств ЕС составлял 8 раз¹, отчетливо указывая на значительные отличия степени конкурентоспособности экономик стран-участниц. Тем не менее соглашение о таможенном союзе вступило в силу. Следует признать, что его заключение носило во многом политический характер и являлось своего рода компенсацией за отклонение поданного Турцией в 1987 г. обращения о вступлении в ЕЭС в качестве полноправного члена. Как часто

бывает, последствия вдохновленных политикой мер оказываются противоречивыми для экономики. Бывший посол Франции в Анкаре Э. Руту прокомментировал заключение соглашения следующим образом: «Турция слишком дорого заплатила за несправедливое соглашение [о таможенном союзе – Т.С.]. Если оно не будет пересмотрено, то страну ждет экономическая катастрофа».² По словам члена Европейского парламента Д. Джон-Бендита, «это [таможенный союз – Т.С.] – плохой подарок для Турции. Турцию ждут экономические трудности, не выиграет она и с политической точки зрения».³ Турецкий исследователь Э. Манисалы пишет: «Для входа государства в какой-либо таможенный союз, его экономический статус должен соответствовать статусу других членов интеграции. Отношения Турции и ЕС – это отношения колонии и колонизатора, напоминаящие колониальные связи Европы и Азии и Африки в прошлом.»⁴

После заключения соглашения о таможенном союзе наблюдался умеренный рост турецкого экспорта при резком увеличении импорта из европейских стран (см. таблицу 1). Причем скачкообразное повышение последнего с последующим сохранением или даже дальнейшим постепенным ростом вновь достигнутого существенно более высокого, чем прежде, уровня происходило дважды – в 1996 и 2003 гг. В результате существенно вырос дефицит Турции в торговле с ЕС (отношение экспорта к импорту снизилось с 71% в 1990–1995 гг. до 58,8% в 1995–2000 гг.) при том, что, как и ранее, он имел хронический характер (см. график 1).

В 2001 г. вследствие экономического кризиса лира была существенно девальвирована. В результате на фоне незначительного роста экспорта (примерно с 16 до 18 млрд. долл.) импорт Турции снизился примерно на треть (с 29 до 20 млрд. долл.), а дефицит торгового баланса сократился в 6 раз (с 12 до 2 млрд. долл.). При этом процентное отношение экспорта к импорту возросло с 55 до 89%. Но уже в 2002 г. импорт вновь резко вырос, правда, одновременно вырос и экспорт. За счет этого отношение экспорта к импорту оставалось в среднем на уровне 82% в 2001–2009 гг., значительно превышая средний показатель 1995–2000-х гг. – (58,8%). В 2009 г. в торговле Турции и ЕС произошло резкое снижение как импорта (на 24%), так и экспорта (на 20%), что стало следствием глобального экономического кризиса. Однако уже в 2010 г. ситуация в торговле стабилизировалась – экспорт и импорт составили соответственно 83,3% и 96,5% показателей докризисного 2008 г.

Таблица 1

Динамика торговли Турции и ЕС за 1990–2009 гг.
(долл. США)

	Экспорт	Импорт	Сальдо	Торговый оборот	Экспорт/ импорт (%)
1990	7 177 000	9 898 000	-2 721 000	17 075 000	73
1991	7 348 000	9 987 000	-2 639 000	17 335 000	74
1992	7 937 000	10 656 000	-2 719 000	18 593 000	74
1993	7 599 000	13 875 000	-6 276 000	21 474 000	55
1994	8 653 000	10 915 000	-2 262 000	19 568 000	79
1995	11 078 000	16 861 000	-5 783 000	27 939 000	66
1996	12 563 345	24 320 639	-11 757 294	36 883 984	52
1997	13 434 739	26 118 947	-12 684 208	39 553 686	51
1998	14 809 293	25 282 204	-10 472 911	40 091 497	59
1999	15 424 238	22 529 938	-7 105 700	37 954 176	68
2000	15 664 421	28 526 902	-12 862 481	44 191 323	55
2001	17 545 567	19 823 457	-2 277 890	37 369 024	89
2002	20 415 034	25 688 833	-5 273 800	46 103 867	79
2003	27 393 762	35 140 139	-7 746 377	62 533 901	78
2004	36 580 859	48 102 744	-11 521 885	84 683 602	76
2005	41 364 962	52 695 793	-11 330 831	94 060 755	78
2006	47 934 746	59 400 922	-11 466 176	107 335 667	81
2007	60 398 502	68 611 562	-8 213 061	129 010 064	88
2008	63 390 419	74 802 380	-11 411 961	138 192 798	85
2009	46 984 604	56 594 499	-9 609 895	103 579 102	83
2010	52 685 304	72 243 512	-19 558 208	124 928 816	73

Составлено по: Togan S., Nebioglu H., Dogan S. Integrating and the manufacturing industry. Turkey Economic Reform and accession to the European Union. Editors B.M. Hoekman, S.Togan – IBRR/ WB, 2005, с. 87–121, а также на основании баз электронных данных Турецкого статистического общества (www.tuik.gov.tr).

График 1

Составлено по: Togan S., Nebioglu H., Dogan S. Integrating and the manufacturing industry. Turkey Economic Reform and accession to the European Union. Editors B.M. Hoekman, S.Togan – IBRR/ WB, 2005, с. 87–121, а также на основании баз электронных данных турецкого статистического общества (www.tuik.gov.tr).

Попытаемся выяснить происхождение устойчивого дефицита Турции в торговле с ЕС. С этой целью проанализируем динамику коэффициента потоварных связей в торговле Турции и ЕС. Под «коэффициентом потоварных связей» понимается разница между объемами экспорта и импорта по определенной товарной статье, отнесенная к объему товарооборота по ней. Относительной сбалансированности торговых потоков соответствует коэффициент, близкий к нулю; коэффициент, близкий к -1 означает состояние, при котором импорт значительно превышает экспорт.⁵ Рассчитаем значения коэффициента на основе использования двух классификационных подходов к структуре внешней торговли Турции:

- по характеру использования (классификация ВЕС),
- по отраслевому принципу (классификация SITC).

При анализе данных приложения (см. таблицу 1 и график 1) рост значения коэффициента потоварных связей прослеживается для группы **инвестиционных товаров** (с $-0,869$ в 1990 г. до $-0,318$ в 2009 г.), который, тем не менее, по-прежнему оста-

ется отрицательным. Некоторая тенденция к повышению наблюдается и в группе **промежуточных товаров** (с -0,460 в 2005 г. до -0,334 в 2009 г.). Что касается **потребительских товаров**, в последние несколько лет значение коэффициента упало (с 0,577 в среднем за период 2001–2003 гг. до 0,357 в 2009 г.), однако продолжает оставаться положительным, что говорит о том, что экспорт Турции по этой группе товаров преобладает над импортом.

Хотя значения коэффициента в 1996–2009 гг. для **сельскохозяйственной продукции** и оставались положительными, они не демонстрировали устойчивой тенденции к росту. И действительно, происходил активный процесс закупки импортного сельскохозяйственного сырья, который даже несколько увеличился в течение всего рассматриваемого периода (см. приложение, таблицу 2).

С 1996 по 2009 гг. отмечалось устойчивое отрицательное значение коэффициента по **продукции добывающей промышленности** (в среднем -0,38 за 14 лет), что связано с тем, что на протяжении всего периода Турция оставалась крупным нетто-импортером минерального сырья, в первую очередь энергетического.

Динамика значений коэффициента по **продукции обрабатывающей промышленности** имела устойчивую тенденцию к росту (от -0,363 в 1996 г. до -0,085 в 2009 г.), хотя значения его оставались ниже нуля. В этой товарной группе следует выделить позиции «текстиль» и «готовая одежда», по которым турецкий экспорт превышал импорт на протяжении всего периода (значения коэффициента составляли в среднем за весь период 0,3–0,4 для «текстиля» и более 0,9 для «готовой одежды»). Существенный рост значений коэффициента за рассматриваемый период можно отметить в подгруппах «машинное оборудование, в т.ч. автотранспортные средства» (от -0,743 в 1996 г. до -0,153 в 2009 г.), «офисное и телекоммуникационное оборудование (от -0,678 в 1996 г. до -0,147 в 2009 г.), и «продукция автомобилестроительной промышленности» (от -0,699 в 1996 г. до -0,053 в 2009 г.).

В остальных подгруппах **продукции обрабатывающей промышленности** наблюдался не столь значительный, но все же рост значений коэффициента (от -0,609 в 1996 г. до -0,393 в 2009 г. по подгруппе «железо и сталь», от -0,835 в 1996 г. до -0,807 в 2009 г. по продукции химической промышленности,

от -0,409 в 1996 г. до -0,010 в 2009 г. по подгруппе «другие полуфабрикаты», от -0,556 в 1996 г. до -0,150 в 2009 г. по подгруппе «другие потребительские товары»).

Хотя среднее значение коэффициента в группе **другие товары** и остается наименьшим среди 4 основных групп товаров (-0,52), с 2005 года в его динамике явно просматривается тенденция к росту (с -0,368 в 2005 г. до 0,2 в 2009 г.).

Проанализировав динамику коэффициентов потоварных связей, можно сказать, что в товарной структуре экспорта Турции все же есть позиции, по которым ее роль как нетто-экспортера устойчива, и есть ряд позиций, в которых импортная зависимость страны постепенно снижалась.

Об укреплении экспортных позиций Турции в ее торговле с ЕС свидетельствует сравнение среднегодовых темпов роста экспорта и импорта. Анализ этих показателей в периодах, ограниченных точками скачкообразного повышения импорта в 1996 и 2003 гг., показал, что если на начальном этапе темпы роста импорта были выше темпов роста экспорта, то в последующем **турецкий экспорт начал увеличиваться опережающими темпами** (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Темпы роста экспорта и импорта
в торговле Турции с ЕС за заданные периоды**

№	Период	Темпы роста экспорта	Темпы роста импорта
1	1990–1995	9,0	11,3
2	1996–2002	8,5	1
3	2003–2008	18,3	16,3

Источник: составлено на основе данных таблицы 1.

Несмотря на то, что разрыв показателей во втором периоде выражен ярче, более иллюстративен период № 3, так как он характеризуется поступательным ростом как экспорта, так и импорта на протяжении всех исследуемых лет, в то время как второй период демонстрировал хаотичную динамику роста, обусловленную кризисами турецкой экономики в 1999 и 2001 гг.

Эта общая тенденция во внешней торговле Турции и ЕС, дифференцированно транслируясь и на поотраслевые характеристики роста экспорта, очевидно, и может объяснить постепенное увеличение коэффициента потоварных связей в отдельных отраслях турецкой промышленности.

Влияние таможенного союза на торговлю Турции и ЕС позволяет оценить и таблица 3, где рассчитаны экспортная квота обрабатывающей промышленности Турции **для стран ЕС**, а также **общая** экспортная квота для обрабатывающей промышленности Турции.⁶ Данные таблицы демонстрируют некоторый рост квоты в ЕС на фоне более выраженного роста общей экспортной квоты. Такая тенденция подтверждает выводы, полученные на основе расчетов коэффициента потоварных связей: экспортные позиции Турции постепенно усиливаются. Так, рост экспортной квоты обрабатывающей промышленности Турции для стран ЕС с 1996 по 2008 гг. составил 4 процентных пункта.

Таблица 3

**Экспортная квота
обрабатывающей промышленности Турции**

Годы	Экспортная квота общая	Экспортная квота для стран ЕС
1996	28,81	13,6
1997	29,51	13,3
1998	27,35	13,6
1999	31,71	16,7
2000	25,83	13,4
2001	37,02	19,1
2002	31,87	16,7
2003	27,69	14,9
2004	28,09	15,1
2005	28,68	14,8
2006	29,63	15,1
2007	29,25	15,0
2008	39,36	17,1

Рассчитано по: Данные сайта Турецкого статистического общества – www.tuik.gov.tr.

Несомненно, что важнейшим фактором постепенного сокращения дисбаланса в двусторонней торговле стало общее повышение уровня конкурентоспособности турецкой экономики, которое проявилось в некотором сокращении уровня импортной зависимости и росте ее экспортных возможностей. Обобщенным показателем укрепления позиций турецкой экономики можно считать динамику подушевого ВВП и сокращение разрыва по данному показателю со средним для ЕС-15 (с 8) до 4 раз (см. таблицу 4).

Таблица 4

**ВВП на душу населения Турции и стран ЕС
в текущих ценах (ЕВРО)**

Страна	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2010
Турция	2 200	2 700	3 900	3 500	4 100	5 700	6 800	6 100	7 600
ЕС-15	18 100	19 900	21 800	23 900	25 000	26 700	29 300	27 400	28 400

Составлено по: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do>

Генеральный секретарь Стамбульской торговой палаты Ч. Эрсун дал следующую оценку результатам интеграции: «Таможенный союз, основанный между Турцией и ЕС, стал причиной ряда позитивных сдвигов в экономике Турции, таких, как увеличение производства, потребления и объема внешней торговли, рост конкурентоспособности на внешнем рынке, развитие промышленности, технологический прогресс и рост инвестиций. Другими словами, Таможенный союз стал импульсом к экономическому росту и дальнейшему развитию страны».⁷

Наряду с развитием национальной экономики, которое позволило укрепить экспортные позиции Турции, рост экспорта в ЕС в начале 2000-х следует связывать с развитием процесса гармонизации общих принципов Союза и Турции, в частности в сфере торговли, по мере которого количество технических торговых барьеров постепенно сокращалось.

Дело в том, что на практике образование таможенного союза между Турцией и ЕС не привело к немедленному полному устранению торговых ограничений как со стороны Турции, так и Союза.

Регулирование входа импортных товаров из третьих стран, в том числе и турецких, на Европейский рынок осуществляется на основе использования технических торговых барьеров, которые подразделяются на две подгруппы (см. схему 1).

Ввоз товаров первой подгруппы регулируется соглашениями о *взаимном признании стандартов* или либерализации движения товаров. Такое соглашение разрешает свободную реализацию продукции, произведенной на территории третьего государства, в любой стране-члене ЕС. Договоренности такого типа по ряду товаров были заключены ЕС с Австралией, Новой Зеландией, Канадой, США и др. Они распространяются главным образом на медицинское, телекоммуникационное и электротехническое оборудование.

Вторая подгруппа барьеров основана на применении *принципа гармонизации* национальных стандартов со стандартами ЕС. Это значит, что в **областях, касающихся жизненных интересов** – здоровья, безопасности людей, защиты потребителя и окружающей среды, – национальные законы, предписания и стандарты должны быть приведены к **единым общим обязательным требованиям** Евросоюза. Этот процесс осуществляется в соответствии с основополагающими Директивами (законами) ЕС, которые разрабатываются и утверждаются Комиссией ЕС. Требования гармонизированных Директив ЕС каждая страна-член должна отразить в заданный срок в национальных законах и нормах. Области, в которых действуют указанные обязательные Директивы, составляют группу **законодательно регулируемых областей**.

Наряду с обязательными Директивами в ЕС ведутся разработки общеевропейских технических нормативов в так называемых **законодательно нерегулируемых областях**, соблюдение которых желательно, но не предписывается жестко государственными законами.

Гармонизация в отношении товаров, относящихся к законодательно регулируемым областям, обеспечивается соблюдением двух принципиально разных типов директив.

1. Директивы старого подхода.

На первом этапе разработанные директивы (подготовленные в основном в период с 1970 по 1985 гг.) отличались чрезмерной детализацией, а их окончательный текст при малейших

технических изменениях продукции подвергался пересмотру. В результате и без того подробные технические спецификации имели многочисленные приложения. На сегодняшний день Старый подход применяется в тех промышленных отраслях, где к 1985 г. уже сформировалась достаточная законодательная база, например, в химической, фармацевтической, пищевой и автомобильной. Такого типа директивы можно охарактеризовать как **законы, устанавливающие специфические технические требования.**

2. Директивы нового подхода.

В мае 1985 г. с целью преодоления недостатков старого подхода в ЕС был разработан новый подход к Директивам о технической гармонизации и стандартизации промышленных товаров. Директивы, подготовленные в соответствии с Новым подходом, содержали обобщенные требования по заданной категории товаров, избегая детализированного технического описания спецификаций. Это значительно облегчило достижение соглашений законодательными органами по ряду вопросов и ускорило разработку технической нормативной документации. Поэтому такого типа директивы можно охарактеризовать как **законы, устанавливающие базовые технические требования.** Они действуют в отношении ряда видов машинного оборудования, оборудования, работающего под давлением, средств индивидуальной защиты, а также текстильной и металлургической продукции. В 1997 г. в Директивы нового подхода были включены также пункты, связанные с развитием процесса глобализации. Поэтому Новый подход иногда называют Глобальным.

Таким образом, для достижения реальной либерализации торговли с ЕС Турции необходимо максимально приблизить национальные стандарты в области технических требований к продукции к стандартам Евросоюза.

В таблице 5 представлены данные о доле товаров турецкого экспорта, в отношении которых действовали технические барьеры ЕС, и уровень охвата ими товаров в торговле между собственно странами ЕС.

**Технические торговые барьеры, применяемые ЕС
в отношении импортных, в том числе, турецких товаров**

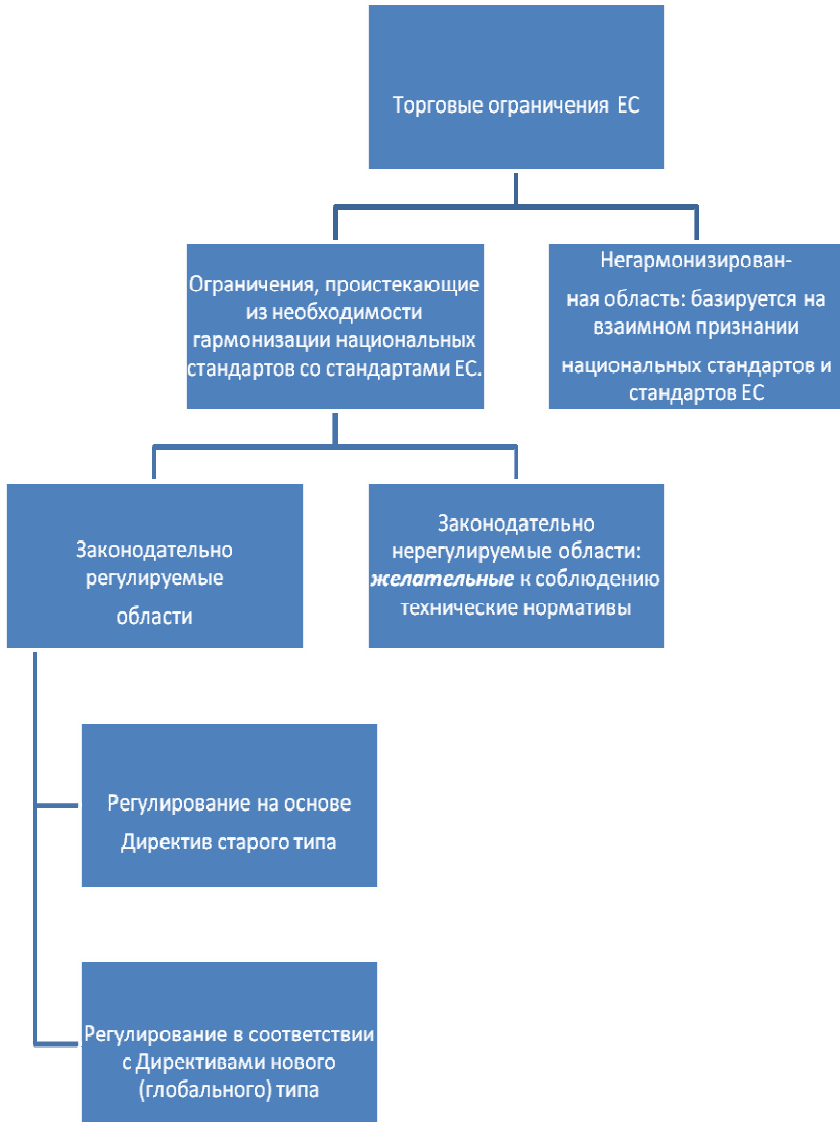

Таблица 5

**Доля товаров, в отношении которых
использовались технические барьеры,
в экспорте Турции и взаимной торговле стран ЕС (%)**

Годы	Принцип взаимного признания	Директивы Старого подхода	Директивы Нового подхода	ИТОГО	
				Технические барьеры наложены	Технические барьеры отсутствуют
1990	28,456 63,561	24,507 8,815	29,869 14,911	82,838 87,287	17,162 12,713
1991	29,839 66,096	23,662 9,436	29,187 10,349	82,689 85,881	17,311 14,119
1992	29,692 66,411	23,550 8,735	29,165 10,694	82,407 85,840	17,593 14,160
1993	30,615 68,648	21,970 7,334	28,662 9,470	81,248 85,452	18,752 14,548
1994	29,543 64,839	21,925 9,048	30,041 10,607	81,508 84,494	18,492 15,506
1995	30,497 61,501	19,078 10,029	31,459 12,685	81,034 84,215	18,996 15,785
1996	31,266 61,589	18,593 10,143	31,331 12,267	81,189 83,998	18,811 16,002
1997	32,269 58,503	18,700 10,096	30,435 13,465	81,404 82,064	18,596 17,936
1998	32,990 56,552	18,795 12,474	30,632 13,042	82,418 82,069	17,582 17,931
1999	33,245 52,961	18,663 16,432	30,627 13,545	82,535 82,939	17,465 17,061
2000	31,318 50,972	17,407 17,634	33,835 14,332	82,560 82,728	17,440 17,272
2001	31,602 47,358	18,108 20,707	32,538 14,887	82,248 82,951	17,752 17,049

• – суммарный импорт ЕС; • – импорт из Турции.

Составлено по: Togan S., Nebioglu H., Dogan S. Integrating and the manufacturing industry. Turkey Economic Reform and accession to the European Union. Editors B.M. Hoekman, S.Togan – IBRR/ WB, 2005, с. 87–121.

Как следует из анализа данных, уровень применения технических барьеров в отношении турецкого экспорта в страны ЕС, как, впрочем, и в отношении промышленных товаров самих стран ЕС, был достаточно высок. К 2001 г. **лишь около 1/5 суммарного турецкого экспорта составили товары**, не подвергавшиеся техническому регулированию. Данные таблицы показывают, что доля турецких товаров, для которых вход на европейский рынок регулировался в соответствии с принципом взаимного признания, уменьшалась (с 63,561% в 1990 г. до 47,358% в 2001 г.), в то же время выросла частота применения старого подхода (с 8,815% в 1990 г. до 20,707% в 2001 г.). Доля применения нового подхода в отношении турецких товаров оставалась без изменения (с 14,811% в 1990 г. до 14,878% в 2001 г.).

Дальнейшее развитие турецкого экспорта в ЕС зависело от достижения соответствия турецких нормативов нормативам ЕС. В частности, сопоставление проводилось на двух уровнях: законодательном и исполнительном.

В рамках законодательного уровня предполагалось максимальное приближение со стороны Турции своего технического торгового законодательства соответствующим статьям законодательства ЕС.

Прогресс в области гармонизации торговли фиксируется в «Отчетах о прогрессе Турции на пути к членству», которые ежегодно публикуются Еврокомиссией. Так, в Отчетах за 2003–2009 гг. отмечалась активная работа турецких уполномоченных органов в направлении гармонизации турецкой торговли с европейскими торговыми принципами. Основным официальным документом в этой сфере принято считать Закон 4703 «О подготовке и вступлении в силу технического законодательства по произведенной продукции» от 11 января 2002 г. Этот документ включает в себя основные принципы гармонизации в торговых отношениях Турции и ЕС. (В частности, он определяет критерии безопасности товаров, случаи применения Директив старого или нового подходов, условия размещения товаров на рынке, права и обязанности поставщиков и дистрибьютеров продукции.) Кроме того, в 2002 г. Турция приняла законодательные акты, касающиеся регулирования использования маркировки СЕ⁸ и основных принципов работы соответствующих органов по техническому регулированию и стандартам, распространяющимся на негармонизированные отрасли. Однако в соответствии

с Отчетом о прогрессе за 2009 г. гармонизация основных принципов взаимной торговли все еще не была достигнута.

Отмечалось сохранение технических барьеров как в отношении товаров, подпадающих под старый подход, так и к негармонизированной сфере. По поводу Директив нового подхода в Отчете 2008 г. Еврокомиссии отмечалось, что *процесс гармонизации* соответствующих сфер турецкого рынка завершен.⁹ В Отчете о прогрессе 2009 г. вновь подчеркивалась завершенность гармонизации и отмечалось усовершенствование некоторых уже согласованных директив.¹⁰

Степень гармонизации с Директивами старого подхода. Ежегодные отчеты отмечали существенный прогресс в этой области, в частности в сферах автомобильной, фармацевтической, ветеринарной, косметической и некоторых других отраслях. Но, по мнению Комиссии, для завершения процесса требовалось еще немало усилий.

В негармонизированной области, в частности в области использования принципа взаимного признания, из отчета в отчет отмечалось отсутствие какого-либо прогресса. Более того, в каждом отчете, начиная с 2007 г., Комиссия заявляла, что «до тех пор пока ограничения на свободное перемещение грузов, перевозимых судами и самолетами, зарегистрированными на Кипре или последним портом захода которых был Кипр, остаются в силе, Турции не будет засчитано выполнение всех предписаний ЕС, касающихся свободного передвижения товаров.»¹¹ В Отчете за 2009 г. Комиссия также высказывала недовольство по поводу намерения турецких уполномоченных органов сделать обязательным с июня 2010 г. присвоение G-маркировки¹² продукции строительной промышленности, импортируемой как из ЕС, так и из третьих стран, которая относится к области негармонизированных товаров (трубы, дверные покрытия, розетки и др.). Такое нововведение стало бы очередным техническим барьером на пути реализации принципа свободной торговли, но на сей раз выдвинутым Турцией.

В рамках исполнительного уровня предполагалось, что Турция создаст соответствующую требованиям ЕС развитую систему сертификации, стандартизации, аккредитации, метрологии и тестирования товаров.

В соответствии с Отчетами о прогрессе 2003–2009 в этой сфере прогресс был более очевиден: процесс преобразования

структур, занимающихся оценкой соответствия качества и рыночным контролем, шел очень активно.¹³

Среди таковых можно выделить *Турецкий аккредитационный центр* – Türk Akreditasyon Kurumu (TÜRKAК), основанный в 2000 г. До 2006 г. TÜRKAК не имел доверенности Европейского агентства по аккредитации на подписание многосторонних аккредитационных соглашений. В 2003 г. TÜRKAК стал членом этого агентства, а в 2006 г. подписал несколько многосторонних соглашений с Европейским агентством по аккредитации (соглашение о создании контрольной и испытательной лабораторий, органов сертификации качества и органов контроля). Позже TÜRKAК стал членом Международного аккредитационного форума и подписал соглашение о взаимном признании с Международной лабораторией по аккредитационному сотрудничеству. К 2009 г. количество аккредитаций TÜRKAК в различных отраслях увеличилось до 397, то есть на 67% по сравнению с предыдущим годом.¹⁴ Однако усовершенствованные законы, направленные на дальнейшую гармонизацию структуры TÜRKAК с Европейскими аккредитационными механизмами, пока что остаются в разработке. Вследствие весьма низкой развитости аккредитационного механизма в Турции крупные национальные фирмы по-прежнему обходят TÜRKAК, предпочитая обращаться в турецкие представительства европейских аккредитационных агентств, пусть и за более высокую плату.

Стандартизация. Основным органом, отвечающим за осуществление процесса стандартизации в Турции, является Турецкий институт стандартов – Türk Standartları Enstitüsü (TSE), который также занимается промышленной метрологией, оценками соответствия и сертификацией товаров. Он входит в состав Европейского комитета по стандартизации (CEN) и Европейского комитета по электротехническим стандартам (CENELEC). В Отчете Еврокомиссии за 2009 г. отмечалось активное развитие процесса стандартизации в Турции. В частности, официально было принято свыше 15460 стандартов организаций CEN и CENELEC и 350 стандартов Европейского института по стандартизации в области телекоммуникаций. Таким образом, общий процент степени гармонизации турецких стандартов с европейскими вырос за 2008 г. с 97,4% до 98,79%.¹⁵ Однако усовершенствованные законы, отражающие новую структуру TSE, удовлетворяющую требованиям по стандар-

там для страны-члена ЕС, все еще находятся на стадии разработки.

Оценка соответствия качества. В Отчете о прогрессе Комиссии ЕС за 2009 г. отмечались некоторые позитивные сдвиги и в этой области. В частности, за 2009 г. в Турции было увеличено число органов, занимающихся оценкой соответствия качества, с 6 до 12 (в то время как в 2003 г. их не было вообще).¹⁶ Таким образом, в настоящее время на территории Турецкой Республики функционируют институты, отвечающие за оценку соответствия качества для таких видов продукции, как лифты, газовое топливо, строительные материалы (цемент), сосуды высокого давления, суда прогулочного типа, игрушки, средства индивидуальной защиты и машины.

Рыночный контроль. Отчеты о прогрессе 2003–2009 гг. отмечали постепенное развитие и этой системы. В частности, понемногу она охватывала все больше сфер рынка Турции, причем за каждую сферу отвечал соответствующий уполномоченный государственный орган. Так, в 2006 г. контроль рынка осуществляли турецкие Министерство промышленности и торговли, Министерство здравоохранения, Министерство телекоммуникации, Министерство общественных работ и жилищного строительства, а также Министерство труда и социального обеспечения. К 2009 г. все вышеперечисленные организации выпустили обновленные в соответствии с требованиями ЕС уставы, улучшили подготовку персонала, что сказалось на повышении качества контроля рынков. Но с другой стороны, в Отчете за 2009 г. отмечалось, что «финансирование этой сферы остается на весьма низком уровне. К тому же, учитывая небольшие размеры страны, меры по контролю рынка должны быть всесторонними, что пока отсутствует в Турции. Общая методика по сбору полученных данных по-прежнему остается в стадии разработки, в том числе и из-за отсутствия отлаженной системы обмена информацией между контролирующими органами. Транспарентность мер, направленных на рыночный контроль, остается низкой».¹⁷

Суммируя выводы последних отчетов, можно заключить, что некий прогресс все же был достигнут (особенно в сфере создания институтов), однако на пути достижения соответствия торговым стандартам ЕС остается еще довольно много препятствий. В частности, Турции следует максимально приблизить свое техническое торговое законодательство к соответствующим

статьям законодательства ЕС, а также отменить сохраняющиеся торговые барьеры и ограничения путем активного внедрения принципа взаимного признания в национальное законодательство.¹⁸

Таким образом, формальное провозглашение таможенного союза Турции и ЕС и реальное достижение его более или менее эффективного функционирования оказались разделены во времени, что имеет вполне конкретное объяснение, связанное с практическими сторонами действия таможенного союза. Взаимный отказ от использования таможенных пошлин не предполагает полного отсутствия каких-либо форм торгового регламентирования. Напротив, беспошлинная торговля допускается лишь товарами, соответствующими стандартам и техническим требованиям Евросоюза, что обеспечивает соблюдение прав потребителей и безопасность межстрановой торговли в границах ЕС. Заключение в 1995 г. соглашения о таможенном союзе для Турции означало лишь запуск довольно сложной процедуры подтверждения соответствия своих товаров системе требований ЕС. Поэтому временное ухудшение позиций Турции в торговле со странами Евросоюза было, во-первых, неизбежным, во-вторых, не являлось достаточным основанием для сомнения в экономической целесообразности данного шага для Турции, во всяком случае, в долгосрочной перспективе. И действительно по мере того, как к 2002–2003 гг. удалось существенно продвинуться в процессе снятия технических барьеров с экспорта Турции в страны ЕС, дефицит турецкой стороны во взаимной торговле начал уверенно сокращаться, а отношение экспорта к импорту достигло небывалого высокого значения – 85%.

При этом процесс более или менее окончательного технического согласования занял время, оказавшееся достаточным для повышения общего уровня экономического развития Турции, а значит, – и повышения уровня ее конкурентоспособности, что также позволило несколько ограничить зависимость от импорта и положительно сказалось на динамике турецкого экспорта в страны ЕС.

Но проблема дефицита, утратив некоторую степень остроты, продолжает сохраняться, причем в дальнейшем положительный эффект от снятия технических барьеров для экспорта Турции будет, очевидно, проявляться все более слабо. Следовательно, на окончательное решение данной проблемы Турция может рассчитывать лишь в случае изменения структуры про-

изводства и решения непростой задачи по дальнейшему повышению уровня конкурентоспособности национальной экономики до среднего уровня стран ЕС.

Таким образом, случай таможенного союза Турции и ЕС свидетельствует о высокой вероятности кратковременных экономических потерь для стран-участниц с более низким уровнем экономического развития и о возможности их постепенной компенсации в более долгосрочной перспективе.

¹ По данным <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do>

² Aydoğan M. Avrupa Birliğinin Neresindeyiz. Tazimattan Gümrük Birliğine. Umay yayınları, İstanbul, 2004, с. 186.

³ Там же, с. 187.

⁴ Там же.

⁵ Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы). – М., 2002, с. 217.

⁶ ЭКСПОРТНАЯ КВОТА (%) – количественный показатель, характеризующий значимость экспорта для народного хозяйства, отдельных отраслей и производств по тем или иным видам продукции. Рассчитывается как отношение объема экспорта в натуральном или стоимостном выражении за данный период к объему внутреннего производства *соответствующей* продукции за этот период: $\mathcal{E}_k = (\mathcal{E}/V \text{ производства соответствующей продукции}) * 100$.

(Источник: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/19538).

В данном случае этот показатель был рассчитан как отношение величины суммарного экспорта обрабатывающей промышленности в первом случае и величины экспорта обрабатывающей промышленности в ЕС во втором случае к общей стоимости обрабатывающей промышленности.

⁷ Gürlesel C.F., Alkin K. Avrupa Birliği'nin serbest ticaret anlaşmalarına Türkiye'nin de dahil edilmesi, с. 10.

⁸ Маркировка CE (фр. Conformité Européenne — европейское соответствие) – особый знак, который наносят на изделие, удостоверяющий его соответствие основным требованиям директив ЕС и указывающий на отсутствие в нем вреда для здоровья потребителей и окружающей среды. Однако наряду с этим знак CE не характеризует качество продукции. Независимо от страны происхождения все товары, продающиеся на территории ЕС, а также в Норвегии, Лихтенштейне и Исландии, на которые распространяются «Директивы нового подхода», обязательно должны быть маркированы знаком CE.

⁹ AB Komisyonu İlerleme Raporu 2008 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹⁰ AB Komisyonu İlerleme Raporu, 2009 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹¹ AB Komisyonu İnceleme Raporu 2007, 2008, 2009 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹² G-маркировка является непосредственно турецким стандартом, применение которой планировалось начать в конце 2010 г. для сертификации продукции строительного сектора на внутреннем рынке. С момента официального начала действия этого знака соответствия товары, предназначенные для продажи, но распространяемые без знака G, будут считаться не получившими официального допуска на турецкий рынок.

¹³ AB Komisyonu İnceleme Raporu 2003–2009 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹⁴ AB Komisyonu İnceleme Raporu 2009 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ AB Komisyonu İnceleme Raporu 2008, 2009 – www.ekutup.dpt.gov.tr

¹⁸ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Значение коэффициента потоварных связей Турции с ЕС по отдельным товарным группам в соответствии с классификацией ВЕС (**Classification** by Broad Economic Categories) в период 1990–2009 гг.

ГРУППЫ ТОВАРОВ	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Инвестиционные товары	-0,869	-0,853	-0,817	-0,863	-0,757	-0,814	-0,805
Промежуточные товары	-0,454	-0,403	-0,433	-0,493	-0,336	-0,474	-0,494
Потребительские товары	0,516	0,612	0,624	0,526	0,732	0,657	0,523

ГРУППЫ ТОВАРОВ	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Инвестиционные товары	-0,787	-0,767	-0,655	-0,680	-0,449	-0,501	-0,446
Промежуточные товары	-0,487	-0,454	-0,425	-0,515	-0,389	-0,440	-0,458
Потребительские товары	0,477	0,495	0,498	0,354	0,618	0,593	0,521

ГРУППЫ ТОВАРОВ	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Инвестиционные товары	-0,454	-0,435	-0,423	-0,326	-0,252	-0,318
Промежуточные товары	-0,445	-0,460	-0,450	-0,429	-0,383	-0,334
Потребительские товары	0,442	0,435	0,410	0,401	0,373	0,357

Рассчитано по: www.tuik.gov.tr

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН)
235. **Н.З. Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН)
236. **И.И. Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО)

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство"
238. **С.В. Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали"
239. **А.В. Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН)

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Uitchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

- 114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
- 115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
- 116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
- 117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
- 118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

- 119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
- 120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
- 121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
- 122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
- 123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
- 124. Analytical records. "Terrorism"
- 125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
- 127. "Iran and Russia" (collections of essays)
- 128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
- 130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Z. Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.I. Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012 г.

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.V. Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.V. Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Научное издание

ТУРЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

Сборник статей

Подписано в печать 11.09.2012 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 15 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 224

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12